А. С. Вязигинъ.
Членъ Государственной Думы.

„Гололобовскій инцидентъ“

(Страничка изъ исторіи политическихъ партій въ Россіи).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія журнала „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.
1909.

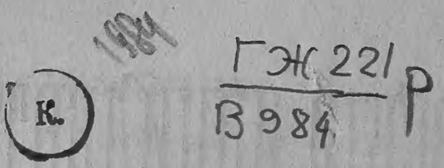
А. С. Вязигинъ.
Членъ Государственной Думы.

„Гололобовскій инцидентъ“

(Страничка изъ исторіи политическихъ партій въ Россіи).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія журнала „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.
1909.

Отдѣльные оттиски изъ журн. „Мирный Трудъ“ за 1909 г.

I

„Гололобовскій инцидентъ".

(Страничка изъ исторіи политическихъ партій въ Россіи).

Какъ врачъ на основаніи незначительныхъ, но характерныхъ признаковъ опредѣляетъ природу заболѣванія, его дальнѣйшее теченіе и исходъ, такъ и публицистъ можетъ изъ цѣпи мелкихъ фактовъ сдѣлать выводы относительно прочности, живучести и грядущей судьбы обществъ и организацій. Подобно молніи, прорѣзавщей ночной мракъ и ярко освѣтившей окрестность, отдѣльное событіе можетъ для зоркаго глаза пролить свѣтъ на рядъ явленій и лучше всякихъ длинныхъ разсужденій показать истинную сущность и дѣйствительную стоимость отдѣльныхъ дѣятелей и цѣлыхъ партій.

Въ этомъ отношеніи особенно благодарную почву представляетъ такъ называемый „Гололобовскій инцидентъ", весьма характерный какъ для обрисовки „лидера октябристовъ" А. И. Гучкова и его главныхъ приспѣшниковъ, въ родѣ В. К. Анрепа и М. В. Родзянко, такъ и для воспроизведенія общаго облика „могущественной партіи центра".

Во избѣжаніе упрековъ и нареканій, а равно и обвиненій въ партійности, важнѣйшія документальныя свидѣтельства объ этомъ инцидентѣ должны быть приведены полностью, дабы каждый читатель могъ провѣрить всѣ заключенія и прійти къ своимъ собственнымъ самостоятельнымъ выводамъ, а потому наша задача сводится лишь къ сообщенію свѣдѣній, необходимыхъ для правильнаго и безпристрастнаго пониманія приводимыхъ ниже въ полной неприкосновенности документальныхъ данныхъ.

Политическія партіи въ Россіи далеко еще не отлились въ законченныя формы и въ средѣ русскихъ гражданъ по поводу ихъ отличій, цѣлей и программъ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія; да и въ разныхъ мѣстахъ клички „октябристъ", „правый", „кадетъ", „союзникъ" имѣютъ различное примѣненіе и разный смыслъ. Неудивительно поэтому, что большинство членовъ третьей Государственной Думы, прибывъ изъ провинціальной глуши осенью 1907 г. въ Петербургъ, почувствовало себя въ весьма затруднительномъ положеніи, такъ какъ „надо было" примыкать къ той или иной партіи или фракціи ея, но къ какой?..

Лѣвыя партіи, начиная отъ соціалъ-демократовъ и кончая кадетами, естественно не могли привлечь къ себѣ тѣхъ членовъ Думы, которые на мѣстахъ соединили на себѣ голоса избирателей именно какъ завѣдомые противники революціонно-освободительнаго движенія. Большинство новоизбранныхъ „депутатовъ" были люди безпартійные, не принадлежащіе ни къ какимъ политическимъ организаціямъ и впервые выступающіе на политическое поприще. Прежде чѣмъ выбрать для себя ту или иную думскую фракцію, они считали необходимымъ предварительно ознакомиться съ людьми и организаціями, а потому посѣщали всѣ мѣста, гдѣ происходили предварительныя совѣщанія лицъ, уже принявшихъ опредѣленную окраску того или иного, но въ сущности *„праваго"*, оттѣнка. Наибольшее количество посѣтителей привлекали клубы „общественныхъ дѣятелей" (Моховая 36) „правыхъ" и, впослѣдствіи, умѣренныхъ (Моховая 6) и Русское Собраніе (Троицкая 13). Въ послѣднемъ собирались по преимуществу члены Союза Русскаго Народа и ихъ единомышленники. Еврейская печать обливала ихъ ежедневно помоями, и потому не у всякаго могло появиться желаніе подвергнуть себя испытанію такого рода. „Провинціалы" кромѣ того хотѣли прежде всего работать, а такъ какъ въ „Русскомъ Собраніи" они не находили хорошо организованной и знающей условія думской дѣятельности рабочей силы, то не обнаруживали въ большинствѣ, желанія подставлять себя подъ нападки лѣвыхъ борзописцевъ. Наоборотъ, въ составѣ „общественныхъ дѣятелей" и „правыхъ" имѣлись лица, уже подвизавшіяся на думскомъ поприщѣ и слѣдовательно, уже имѣющія политическую и партійную опытность. Травля

противъ нихъ была гораздо слабѣе. Вотъ почему особо жизненными очагами оказались клубы на Моховой. Одинъ изъ нихъ пользовался славой „октябристскаго“, но такъ какъ, собственно говоря, въ Думу прошло всего лишь 30—40 чистыхъ октябристовъ съ Гучковымъ, Анрепомъ, Родзянко и Хомяковымъ во главѣ, то для уловленія „безпартійныхъ“ самъ А. И. Гучковъ не „побрезгалъ“ появиться въ клубѣ „правыхъ“. Здѣсь и тамъ произносились рѣчи, вызывавшія рукоплесканія, но ихъ было недостаточно для того, чтобъ тотъ или иной членъ Думы надѣлъ на себя опредѣленный партійный ярлыкъ. Большинство оставалось просто „правыми“ и все выжидало и высматривало... Оно смутно понимало, что надо съ чего-то начать, что-то сдѣлать и все ждало чьего-либо почина.

Именно этотъ психологическій моментъ и упустили правые, тогда какъ въ пору общихъ колебаній руководители октябристовъ уловили господствующее настроеніе, пошли къ нему навстрѣчу и сдѣлали очень удачный маневръ, который сразу почти удвоилъ составъ думской фракціи Союза 17 октября: видя, что очень многіе члены Думы не знакомы другъ съ другомъ и не знаютъ, ни куда пристать, ни какъ приступить къ совершенно невѣдомой имъ думской работѣ, въ которой „провинціалы“ усматривали свою главную и прямую обязанность, истинную цѣль и смыслъ своего пребыванія въ Питерѣ, октябристы воспользовались опытомъ, который они пріобрѣли, какъ земскіе и городскіе дѣятели, какъ члены второй Думы (напр. Капустинъ), какъ руководители центральныхъ столичныхъ комитетовъ, знакомыхъ прекрасно съ дѣятельностью предшествующихъ Думъ Главари Союза 17 октября составили списокъ цѣлаго ряда комиссій по разнымъ вопросамъ, касающимся различныхъ сторонъ предстоящей думской дѣятельности и, предложили желающимъ записываться въ число работниковъ комиссій: бюджетной, финансовой, законодательныхъ предположеній, судебной и проч. Записавшіеся должны были предварительно ознакомиться съ накопившимися матеріалами и затѣмъ, опираясь на поддержку фракціи, пройти въ облюбованныя комиссіи по избранію Государственной Думы.

Безпартійная рыбка клюнула на удочку хитроумныхъ рыбаковъ и началась массовая запись въ члены комиссій;

многіе ушли изъ клуба правыхъ просто потому, что его руководители опоздали сдѣлать то, что такъ удалось „октябристамъ". Но и главари послѣднихъ отлично понимали, что большинство записавшихся въ комиссіи вовсе не являются „октябристами" и никогда ими не сдѣлаются, хотя бы по той простой причинѣ, что въ безчисленномъ количествѣ градовъ и весей Россійскихъ избиратели имѣли весьма смутное представленіе объ октябристахъ, никого изъ нихъ не видѣли и не слышали и выбирали просто „праваго", *т. е. не кадета, не революціонера.*

И вотъ главари октябристовъ пускаются на новую уловку: образовавшейся путемъ записей въ комиссіи фракціи присваивается наименованіе не просто „фракціи октябристовъ, а „парламентской фракціи Союза 17 октября и *примыкающихъ*". Вышло не особенно грамотно, за то достаточно туманно и неопредѣленно, ибо всякому предоставлялась возможность *дома* говорить: „я не октябристъ, а примыкающій"; нельзя же было оставаться одинокимъ, тогда не попадешь ни въ одну комиссію, а слѣдовательно утратишь возможность принять участіе именно въ той работѣ, на какую вы меня выбирали. Вотъ я и примкнулъ къ Союзу 17 октября, такъ какъ при его содѣйствіи разсчитывалъ попасть въ подходящія комиссіи"...

Столь ловкій компромиссъ успокоилъ недоумѣнія и объединилъ подъ знаменемъ Союза 17 октября многихъ членовъ; фракція, руководимая столь изворотливыми „лидерами", стала насчитывать въ своихъ рядахъ свыше 140 членовъ.

Но это было всетаки не большинство—всѣхъ членовъ Думы 442; около 150 открыто вошли въ составъ лѣвыхъ фракцій; около 150 образовали правое крыло. Слѣдовательно, возможно было сближеніе „октябристовъ и примыкающихъ" или съ правыми, или съ лѣвыми. Въ зависимости отъ этого возникало *правое* или *лѣвое* большинство, и вотъ въ погонѣ за образованіемъ послѣдняго, опьяненный достигнутыми уже успѣхами, А. И. Гучковъ, на засѣданіи 30 октября въ клубѣ правыхъ (Моховая, 6) въ присутствіи болѣе чѣмъ 200 членовъ Думы произноситъ программную рѣчь, въ которой высказываетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдуетъ вступать въ соглашенія съ кадетами и дѣйствовать съ ними за одно.

Тогда-то впервые обратилъ на себя вниманіе Я. Г. Гололобовъ, выступившій съ горячимъ возраженіемъ. Онъ началъ съ напоминанія: „бойтесь данайцевъ и дары приносящихъ“ и привелъ поговорку: „коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть“, а затѣмъ краснорѣчиво доказывалъ, что вступать въ компромиссы съ кадетами, съ оппозиціей, стремящейся къ разрушенію государства, не возможно, ибо, вступивъ на эту наклонную плоскость, нельзя уже будетъ удержаться. Рѣчь Гололобова вызвала громъ рукоплесканій и за ней послѣдовалъ рядъ другихъ рѣчей, также доказывавшихъ недопустимость и невозможность соглашеній съ кадетами.

Хитрый замыселъ, преждевременно открывшаго свои карты г. Гучкова, былъ разрушенъ, это былъ его первый провалъ, но въ это же время было брошено и первое сѣмя, изъ котораго выросъ впослѣдствіи „Гололобовскій инцидентъ“.

Самолюбивый честолюбецъ А. И. Гучковъ, конечно не могъ забыть рѣчи Я. Г. Гололобова, вызвавшей крушеніе хитрыхъ замысловъ: „лидеръ октябристовъ“ совершенно не умѣетъ вести дѣло на „коллегіальныхъ началахъ“, ибо привыкъ властвовать и встрѣчать раболѣпное отношеніе къ своимъ начинаніямъ и предложеніямъ, а потому смѣлое выступленіе малоизвѣстнаго „екатеринославскаго октябриста“ сильно не понравилось г. предсѣдателю центральнаго комитета и ближайшимъ приспѣшникамъ. Вдобавокъ дальнѣйшее поведеніе Я. Г. Гололобова ясно показало, что это человѣкъ независимый и самостоятельный, привыкшій „смѣть свое сужденіе имѣть“, соединяющій прозорливость сѣдой старости съ прямотой горячей юности. Эти качества сдѣлали его весьма непріятнымъ для „гучковцевъ“, ибо во время фракціонныхъ собраній они всегда натыкались на разоблаченіе тонкихъ ходовъ, ведущихъ фракцію „Союза 17 октября и примыкающихъ“ въ объятія настоящихъ кадетовъ.

Дѣло въ томъ, что въ ея нѣдрахъ очень скоро намѣтились два теченія—одно направлялось влѣво, г.г. Капустинъ, Опочининъ, кн. Голицынъ, бар. Мейендорфъ, Лерхе, Анрепъ, Люцъ, Звегинцевъ, Глѣбовъ Юрій, Искрицкій, Фаворскій и нѣсколько другихъ, въ общемъ всетаки меньшинство,—частью по собственнымъ побужденіямъ, частью поддаваясь обаянію кадетовъ, (главнымъ образомъ В. А. Маклакова, который подъ личиной простосердечія и искренности скрыва-

етъ рѣдкую способность къ политической интригѣ и улавливанію довѣрчивыхъ душъ),—многократно старались устроить по тому или иному вопросу соглашеніе съ кадетами, тогда какъ гг. Шубинскій, Половцевъ, Гололобовъ, Шейдеманъ, бар. Черкасовъ, Скоропадскій, Матюнинъ и съ ними большая часть членовъ фракціи постоянно и неизмѣнно возставала противъ сближенія съ лѣвыми. А. И. Гучковъ и тутъ примѣнялъ свой обычный пріемъ: якобы держась середины и лавируя между „крайностями", онъ въ сущности старался склонить чашку вѣсовъ влѣво, подъ покровомъ безпристрастія и громкихъ словъ. По свидѣтельству очевидцевъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, не было никогда примѣра, чтобы онъ открыто сталъ на правую сторону.

Эта „тактика" лидера облегчалась тѣмъ разслоеніемъ, какое произошло въ средѣ членовъ „фракціи октябристовъ и примыкающихъ": она съ теченіемъ времени выдѣлила три группы: „лѣвыхъ октябристовъ", (числомъ около 20 чел.) которые такъ себя и стали именовать, затѣмъ „правыхъ октябристовъ", располагавшихъ 25—30 голосами, и центръ, состоявшій почти изъ 100 человѣкъ. Въ сущности по своимъ общественнымъ и политическимъ воззрѣніямъ эти послѣдніе были „правыми", но не отличались смѣлостью и, подобно множеству русскихъ интеллигентовъ, опасались показаться *„отсталыми"*, открыто причисливъ себя къ „правымъ октябристамъ". Помимо этихъ побужденій на нихъ вліяло отсутствіе собственныхъ, устойчивыхъ воззрѣній: по весьма многимъ вопросамъ они чувствовали себя недостаточно подготовленными и легко поддавались самымъ противоположнымъ вліяніямъ; скажетъ, напримѣръ, лѣвый ораторъ „блестящую рѣчь", они ему рукоплещутъ и готовы поддержать его своими голосами, но если выступитъ правый и своимъ краснорѣчіемъ побѣдитъ ихъ предразсудокъ, они неистово хлопаютъ ему и голосуютъ вмѣстѣ съ правыми.

Члены Думы многократно могли наблюдать, какъ въ теченіе одного и того же засѣданія мѣнялось настроеніе центра „могущественной фракціи Союза 17 октября", что влекло за собой порой весьма неожиданный и непріятный для А. И. Гучкова исходъ голосованія. Правда, въ средѣ думскихъ „октябристовъ" есть нѣсколько человѣкъ, безпрекословно голосующихъ по его указкѣ, но ихъ было очень мало

для осуществленія честолюбивыхъ вожделѣній главы „легализированныхъ конституціоналистовъ“ и онъ долженъ былъ добиваться устраненія всяческихъ помѣхъ.

Главнымъ препятствіемъ являлось уже отмѣченное расслоеніе, которое къ срединѣ первой сессіи передъ Рождествомъ привело къ тому, что при выборахъ членовъ новаго бюро фракціи было внесено предложеніе произвести выборы сообразно численности опредѣлившихся слоевъ октябристской фракціи. Само собою разумѣется, что ни Гучковъ, ни лѣвые октябристы не могли согласиться на это предложеніе, ибо оно грозило для нихъ весьма существенной опасностью —утратой дѣйствительнаго вліянія на рѣшенія фракціи, такъ какъ руководство ею перешло бы тогда въ руки представителей „праваго большинства“.

Ловкость гучковцевъ и отсутствіе сплоченности у этого большинства привели, однако, къ тому, что въ бюро снова прошли лѣвые, далеко не въ соотвѣтствіи своей численности, но зато и правые провели четырехъ (изъ 16) своихъ ставленниковъ. Это сдѣлало возможнымъ для правыхъ октябристовъ болѣе прочное положеніе: теперь они были освѣдомлены объ общемъ ходѣ дѣлъ и предположеній и могли вліять на подготовку рѣшеній. Центръ тяжести былъ перенесенъ на фракціонныя засѣданія, на которыхъ предварительно разсматривались поставленные на повѣстку общаго собранія очередные вопросы. „Правые“ не давали фракціи уклоняться влѣво и почти ни одинъ вопросъ не проходилъ въ желательномъ для кадетовъ обоихъ сортовъ видѣ. Лѣвые, отстаивая свои прежнія связи съ кадетами, добивались „свободы голосованія“, чтобъ не быть вынужденными давленіемъ большинства голосовать вмѣстѣ съ правыми. Но „свобода голосованія“ приводила лишь къ тому, что одни октябристы (лѣвые) вставали, сидѣли и выходили въ двери вмѣстѣ съ своими лѣвыми сосѣдями, тогда какъ другіе (правые) поддерживали правое крыло. Слѣдовательно, фактически центръ не существовалъ и исходъ голосованія зависѣлъ отъ количества присутствовавшихъ (какъ явныхъ, такъ и тайныхъ) правыхъ октябристовъ, которые, однако, весьма часто грѣшили непосѣщеніемъ общихъ собраній. Этотъ же грѣхъ приводилъ къ тому, что и на фракціонныхъ собраніяхъ, благодаря случайному отсутствію правыхъ октябристовъ порою

принималось рѣшеніе, выдаваемое за фракціонное, хотя въ его выработкѣ принимало участіе до смѣшного малое количество членовъ „парламентской фракціи Союза 17 октября, и примыкающихъ“.

Подобное положеніе дѣлъ не могло удовлетворить ни лѣвыхъ, ни правыхъ октябристовъ. Начались внутреннія „тренія“, иногда принимавшія довольно острый характеръ, порою какъ-разъ благодаря прямотѣ Я. Г. Гололобова, который принадлежалъ, какъ упомянуто, къ числу членовъ праваго крыла октябристскаго стана и во время фракціонныхъ засѣданій обыкновенно принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи дѣлъ, постоянно высказывался противъ сближенія съ лѣвыми и разоблачалъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ маневры бюро, неизмѣнно тянувшаго фракцію подальше отъ правыхъ. Къ голосу Гололобова въ фракціи охотно прислушивались и его вліяніе замѣтно возростало, что, конечно, не причиняло ни малѣйшаго удовольствія г. Гучкову и его приверженцамъ. Мало по малу Гололобовъ сдѣлался предметомъ нескрываемой вражды для лѣвыхъ октябристовъ, ковы которыхъ онъ разрушалъ. Въ свою очередь А. И. Гучковъ, имѣвшій во время фракціонныхъ засѣданій двѣ-три стычки съ этимъ независимымъ и стойкимъ противникомъ, накопилъ непріязненное чувство противъ „черносотеннаго октябриста“. Такую кличку дала Гололобову лѣвая печать, усиленно озабоченная тѣмъ, чтобъ всячески помѣшать образованію въ третьей Думѣ сплоченнаго праваго большинства изъ правыхъ октябристовъ, умѣренныхъ, націоналистовъ и правыхъ.

Разъ это большинство образовалось бы, всѣ хитроумные подкопы и разсчеты парламентаристовъ и революціонеровъ разлетѣлись въ прахъ и лѣвые должны были бы отказаться отъ всякой надежды имѣть какое-либо вліяніе на окончательныя рѣшенія Думы. Космополитическія вожделѣнія, автономіи окраинъ, еврейское равноправіе, заигрываніе съ революціонерами—все лопалось, какъ мыльный пузырь, и третья Дума сдѣлалась бы національной, русской Думой, исполнивъ упованія Государя и Родины, разъ вредное вліяніе А. И. Гучкова на октябристовъ и въ особенности на примыкающихъ кончилось бы и онъ вынужденъ былъ бы снять свою маску и показать свой настоящій обликъ—лицо кадета второго сорта!

Этотъ исходъ, желанный для всѣхъ любящихъ Россію и дорожащихъ установленіемъ настоящаго единенія между Царемъ и народомъ, а не подчиненія Самодержца и Божьяго Помазанника многомятежному хотѣнію искателей портфелей и личныхъ выгодъ, вовсе не такъ ужъ былъ невозможенъ, какъ полагаютъ многіе, не знакомые съ закулисной жизнью Думы: сближенію между правыми различныхъ наименованій больше всего мѣшали вздорныя измышленія и предубѣжденія, упорно разсѣиваемыя лѣвой печатью противъ такъ называемыхъ „крайнихъ правыхъ", которыхъ выдавали и выдаютъ за „реакціонеровъ", „ретроградовъ", „крѣпостниковъ", „революціонеровъ справа", чуть не за людоѣдовъ, ежедневно завтракающихъ живыми іудеями и помышляющихъ только о погромахъ. Но совмѣстная работа въ разнаго рода комиссіяхъ, личное знакомство, частый обмѣнъ мыслей разрушили во многихъ эти нелѣпыя предубѣжденія, ибо личныя наблюденія устанавливали, что правые—стойкіе, русскіе люди, не склонные ни къ „соглашеніямъ съ лѣвыми", ни къ „тактическимъ пріемамъ", дѣйствующіе съ прямолинейной откровенностью, безъ подвоховъ и подкоповъ, а потому многіе члены Думы пришли къ заключенію, что „съ правыми имѣть дѣло можно, ибо они не обманутъ и не предадутъ, обѣщанія и обязательства держатъ ненарушимо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это имъ невыгодно; о разгонѣ Думы не помышляютъ, политическаго переворота и возстановленія бюрократическаго засилья не подготовляютъ, недочеты бюрократіи не только не покрываютъ, но даже сами вносятъ запросы, ведущіе къ крупнымъ разоблаченіямъ промаховъ, сдѣланныхъ сановниками бюрократами; при обсужденіи законопроектовъ обнаруживаютъ полную готовность содѣйствовать осуществленію гражданскихъ свободъ, но постоянно горячо возстаютъ противъ попранія законности, какихъ бы то ни было поблажекъ революціонному освободительству, равно какъ противъ всякихъ домогательствъ, расшатывающихъ историческіе устои Россіи. Во множествѣ случаевъ доводы, приводимые представителями правыхъ бывали такъ ясны, такъ неоспоримо вразумительны, что независимые октябристы охотно съ ними соглашались и проваливали кадетскія предложенія, всегда, хотя бы и весьма прикровенно, направленныя къ увеличенію смуты и подрыву господствующаго

положенія русскаго народа. Въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ образовалось само собой (зловѣщее для лѣвыхъ предзнаменованіе!) постоянное правое большинство, которое и обуздывало всѣ кадетскія похоти.

Къ числу такихъ комиссій принадлежала комиссія для разработки законопроектовъ о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи. Въ ней предсѣдательствовалъ Я. Г. Гололобовъ; онъ велъ дѣло твердо и умѣло, давая отпоръ всякимъ поползновеніямъ лѣвыхъ, которые хотѣли такъ или иначе придать разрабатываемому законопроекту „освободительную“ или революціонную окраску. Благодаря его энергіи и при дѣятельномъ участіи правыхъ, работа комиссіи подвигалась довольно успѣшно; законопроектъ отливался въ формы, отнюдь не соотвѣтствующія видамъ и планамъ всей лѣвой братіи.

Неудивительно, что лѣвая печать подняла противъ Гололобова ожесточенную травлю, извращала его дѣятельность и возстановляла противъ него „лѣвыхъ октябристовъ“ и А. И. Гучкова, осыпая комиссію упреками и обвиненіями въ крайней нетерпимости, враждѣ къ свободѣ и закоренѣломъ ретроградствѣ. Эти статьи, появлявшіяся чуть не ежедневно въ теченіи почти полутора года, растравляли наболѣвшую рану „лидера октябристовъ“, который видѣлъ въ Гололобовѣ одну изъ важнѣйшихъ преградъ для постепеннаго сдвига Думы влѣво, надъ которымъ настойчиво и усиленно работали „тихой сапой“ гг. кадеты и лѣвые октябристы.

Ради достиженія завѣтной цѣли А. И. Гучковъ считалъ необходимымъ, по тактическимъ соображеніямъ, возбуждать совершенно ложныя надежды въ товарищеской средѣ, чтобъ показать ей, что между либеральнымъ октябризмомъ и лѣвымъ радикализмомъ находится лишь нѣсколько легко переходимыхъ ступенекъ, тогда какъ отъ правыхъ ихъ отдѣляетъ зіяющая и недоступная, бездонная пропасть.

II.

Одинъ изъ такихъ тактическихъ пріемовъ и послужилъ поводомъ къ „Гололобовскому инциденту“, уже достаточно подготовленному предшествовавшимъ ходомъ дѣлъ: за подписью 31 члена Государственной Думы,—соціалъ-демократовъ, трудовиковъ и нѣкоторыхъ кадетовъ внесено было въ

Государственную Думу предложеніе сдѣлать запросъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Министру Юстиціи по поводу преслѣдованія профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. Это предложеніе, согласно Наказу, было передано общимъ собраніемъ на предварительное разсмотрѣніе въ комиссію по по запросамъ, такъ какъ требовалось установить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о дѣйствительно незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ властей. Предложеніе же 31 члена Государственной Думы указывало, что установленныя Высочайшимъ Указомъ 4 марта 1906 года временныя правила объ обществахъ и союзахъ крайне затрудняютъ образованіе и дѣятельность профессіональныхъ обществъ, ибо объемъ правъ, предоставленныхъ дѣйствующими законами профессіональнымъ обществамъ рабочихъ, якобы, совершенно недостаточенъ для надлежащей защиты профессіональныхъ интересовъ. Затѣмъ въ предложеніи о запросѣ подробно говорилось о дѣятельности нѣкоторыхъ губернскихъ по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствій, отказывавшихъ въ регистраціи и даже закрывавшихъ отдѣльные общества и союзы. Наконецъ, видное мѣсто въ предложеніи о запросѣ отводилось сѣтованіямъ по поводу неразрѣшеній губернаторами собраній рабочихъ, арестовъ и высылокъ наиболѣе дѣятельныхъ рабочихъ и преслѣдованія профессіональной печати.

При разсмотрѣніи этого матеріала въ комиссіи по запросамъ произошло обычное и характерное для всей вообще третьей Думы раздѣленіе голосовъ, при чемъ протоколъ засѣданія комиссіи ясно показываетъ, каковы были мнѣнія отдѣльныхъ ея членовъ, повліявшихъ на принятіе ею опредѣленнаго и продуманнаго рѣшенія.

Такъ, умѣренно-правый Крупенскій заявилъ, что изъ приведенныхъ въ предложеніи о запросѣ фактовъ нельзя усмотрѣть незакономѣрныхъ дѣйствій властей. Если не разрѣшались или закрывались различные союзы, то это дѣлалось администраціей въ силу предоставленныхъ ей исключительными положеніями полномочій. Высказываясь за отклоненіе запроса, Крупенскій полагалъ, что авторамъ предложенія о его внесеніи надлежало бы скорѣе внести законопроектъ объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній.

Правый октябристъ и опытный юристъ Матюнинъ отмѣтилъ, что въ заявленіи 31 члена Государственной Думы дѣй-

ствительно приведены случаи неутвержденія союзовъ, ихъ закрытія, неразрѣшенія собраній, высылокъ и арестовъ. Но надо имѣть въ виду, что регистрація вновь открываемыхъ союзовъ производится особыми присутствіями. Если заинтересованныя лица находятъ дѣйствія того или иного присутствія неправильными, то таковыя подлежатъ обжалованію въ Правительствующій Сенатъ. Что же касается различнаго пониманія и примѣненія отдѣльными присутстіями „временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ", то здѣсь является вопросъ о толкованіи и разъясненіи закона, которыя принадлежатъ только Сенату. Закрытіе союзовъ или происходитъ по постановленію тѣхъ же присутствій, или производится властью администраціи въ силу предоставленныхъ ей чрезвычайными положеніями полномочій. На основаніи послѣднихъ имѣли мѣсто и всѣ указанные въ заявленіи аресты, высылки и неразрѣшенія собраній. Выясненіе же правильности произведенныхъ губернаторами арестовъ и высылокъ не можетъ входить въ компетенцію ни комиссіи, ни самой Думы. Изъ всѣхъ приведенныхъ авторами проекта запроса фактовъ нельзя заключить о незакономѣрности дѣйствій какъ присутствій, такъ и представителей администраціи, ибо изъ заявленія лишь усматривается, что дѣйствующія временныя правила объ обществахъ и союзахъ даютъ возможность различнаго ихъ толкованія и примѣненія. Для устраненія этого передъ Государственной Думой лежитъ одинъ путь—въ порядкѣ законодательной инициативы внести проектъ новаго закона объ обществахъ.

Правый октябристъ—Гололобовъ, поддерживая мнѣніе Матюнина, указалъ, что на неправильныя постановленія присутствій приносятся жалобы въ Сенатъ, а на дѣйствія губернаторовъ, если они распоряжались единолично, Министру Внутреннихъ Дѣлъ. И только въ томъ случаѣ, если Министромъ тѣ или иныя жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія и незаконныя дѣйствія остались безъ преслѣдованія,—есть основаніе для предъявленія запроса.

Лѣвый октябристъ и секретарь комиссіи, Люцъ, соглашаясь съ предыдущими ораторами въ томъ, что заявленіе не содержитъ въ себѣ достаточныхъ данныхъ для предъявленія запроса, обратилъ вниманіе комиссіи на то значеніе, которое вопросъ о профессіональныхъ союзахъ имѣетъ для

рабочихъ массъ. Послѣднимъ извѣстно, что заявленіе о запросѣ внесено въ Думу, но рабочіе не будутъ въ состояніи разобраться въ тѣхъ юридическихъ основаніяхъ, по коимъ комиссія предлагаетъ отвергнуть предъявленіе запроса, и у нихъ можетъ получиться впечатлѣніе, будто Государственная Дума не желаетъ выяснить вопросъ о положеніи профессіональныхъ союзовъ, близко касающихся интересовъ трудящихся слоевъ населенія. Если и нѣтъ данныхъ для запроса, то крайне разнообразное примѣненіе мѣстными властями правилъ о союзахъ, многочисленные случаи закрытія и преслѣдованія профессіональныхъ союзовъ даютъ возможность предъявить правительству въ порядкѣ статьи 40 вопросъ о положеніи послѣднихъ.

Кадеты Комсинъ и Пырковъ стояли за принятіе запроса.

Предсѣдатель комиссіи, умѣренно-правый графъ В. А. Бобринскій находилъ нецѣлесообразнымъ суживать предоставленныя закономъ Думѣ права. Порядокъ обжалованія существуетъ по всѣмъ дѣламъ, но изъ этого нельзя дѣлать вывода о невозможности предъявленія запросовъ. Высказываясь за принятіе запроса, гр. Бобринскій полагалъ, что обсужденіемъ его въ Думѣ надо воспользоваться въ цѣляхъ выясненія положенія профессіональныхъ союзовъ и той роли, которую играютъ въ нихъ соціалистическія и революціонныя партіи. Неубѣжденные такими соображеніями, Крупенскій, Гололобовъ и Матюнинъ настаивали, что для предъявленія запроса необходима наличность незакономѣрныхъ дѣйствій: нельзя принимать во вниманіе постороннія соображенія, которыя приведены гр. Бобринскимъ и Люцемъ. Освѣщеніе вопроса можетъ быть сдѣлано въ Думѣ и при обсужденіи заключенія комиссіи объ отклоненіи запроса.

Мнѣніе это было поддержано Бѣляевымъ 2 и бар. Шилингомъ.

При голосованіи постановлено большинствомъ 10 голосовъ противъ 6 предъявленіе запроса *отклонить*, а предложеніе Люца о предъявленіи вопроса по 40 статьѣ было отклонено большинствомъ 13 голосовъ противъ трехъ.

Приведенныя выписки изъ протокола показываютъ, что Крупенскій, Матюнинъ, Гололобовъ и присоединившіеся къ нимъ члены комиссіи стояли на единственно правильной, строго законной почвѣ. Они отстаивали безусловное соблю-

деніе существующихъ законоположеній, устраняя совершенно партійныя соображенія, вносящія „политику“ въ чисто юридическій вопросъ. Несомнѣнно, что предложеніе о запросѣ было внесено съ агитаціонной и провокаціонной цѣлью: его авторы хотѣли зажигательными рѣчами раздуть потухающее пламя революціоннаго рвенія въ средѣ образумившихся рабочихъ и въ то же время заставить октябристовъ и правыхъ коснуться рабочаго вопроса въ неблагопріятной для этихъ партій обстановкѣ: какъ сторонники законности, они должны были отклонить необоснованный запросъ и тѣмъ самымъ дать поводъ лѣвой печати обрушиться на „правое большинство“ за нежеланіе удовлетворить справедливыя пожеланія рабочихъ.

Конечно, для людей, освѣдомленныхъ и знающихъ суть дѣла, не представляло никакого сомнѣнія, что вмѣсто скандальнаго запроса истинные друзья рабочихъ должны были внести соотвѣтствующій законопроектъ. Но тогда Дума приступила бы къ созидательной работѣ, которой постоянно мѣшаютъ лѣвые: вѣдь первыя двѣ Думы не только ровно ничего не сдѣлали для улучшенія положенія рабочихъ, но и вообще ничѣмъ не проявили своихъ творческихъ способностей, не приступили даже къ осуществленію столь необходимыхъ для блага Россіи широкихъ преобразованій, поэтому; даже „маленькое дѣло“, незначительное даже устраненіе недочетовъ стараго строя третьей Думой нежелательны для лѣвыхъ и они сознательно и упорно сбиваютъ на торный путь политиканства и дешеваго либерализма недальновидныхъ, хотя и весьма притязательныхъ „законодателей“, съ этой цѣлью произносятся пышныя рѣчи, повторяются громкія слова, раздразнивающія страсти, вызывающія отпоръ; такъ ведется азартная игра, разсчитанная именно на то, что уклоненіе лѣвыхъ въ областъ политики повлечетъ за собою такой же скачекъ правыхъ въ сторону той же политики отъ насущнаго, настоятельно необходимаго дѣла. „Ораторы“ прекрасно знаютъ, что кромѣ шума, ничего не получится изъ заваренной ими каши, но именно безплодность третьей Думы является оправданіемъ безплодья двухъ ея предшественницъ и сильнымъ козыремъ въ предстоящей избирательной борьбѣ. Конечно при большей опытности, большемъ хладнокровіи, лучшей сплоченности и способности подчиняться про-

зорливымъ людямъ правое большинство оставляло бы безъ вниманія всѣ провокаторскія выходки лѣвыхъ, спокойно и дѣловито отклоняя несуразные запросы и занимаясь законодательной работой надъ укрѣпленіемъ гражданскихъ свободъ и подъемомъ экономическаго положенія трудящихся слоевъ. Но политическая зрѣлость не является прирожденнымъ качествомъ, ибо она пріобрѣтается горькимъ опытомъ, тщательнымъ наблюденіемъ и внимательнымъ изученіемъ ошибокъ, сдѣланныхъ другими и собственныхъ заблужденій. А для этого нужно, прежде всего время... Вотъ почему члены третьей Думы весьма часто обнаруживаютъ поспѣшность и опрометчивость тамъ, гдѣ нужна вдумчивая осторожность. Очень многіе изъ нихъ недостаточно прониклись преклоненіемъ передъ законностью, такъ какъ имъ слишкомъ часто напоминаютъ, что они „законодатели", облеченные широкими полномочіями. Они склонны увлекаться мнимой безпредѣльностью своихъ прерогативъ и забывать объ обязанностяхъ, изъ коихъ едва ли не самая важная въ наше законопреступное время—собственнымъ примѣромъ воспитать въ разнузданномъ обществѣ уваженіе къ существующему закону, отмѣняемому только новымъ закономъ. Пусть тѣ или иныя дѣйствующія законоположенія не соотвѣтствуютъ назрѣвшимъ потребностямъ, но до изданія новыхъ законовъ старые сохраняютъ свою полную силу и только точнымъ соблюденіемъ ихъ третья Дума можетъ поднять на надлежащую высоту свой авторитетъ.

Къ сожалѣнію, у насъ „слишкомъ часто разговоры рады принять за дѣло", а потому вмѣсто устраненія недочетовъ, всюду и вездѣ существующихъ, предпочитаютъ поговорить объ нихъ, рапустить павлиній хвостъ лжелиберализма и въ народное правосознаніе внѣдрить еще глубже опасную и вредную мысль, будто повиновеніе существующему закону необязательно для всѣхъ свободныхъ гражданъ, а тѣмъ болѣе для „народныхъ представителей".

Эту ошибку особенно часто дѣлаютъ „октябристы-гучковцы" изъ-за чисто демагогическихъ побужденій, изъ-за пріобрѣтенія дешевой популярности, изъ-за желанія отбить нѣсколько поклонниковъ у своей „враждебной подруги" кадетской фракціи.

Именно на этой точкѣ зрѣнія и стоялъ членъ Государственной Думы Люцъ, несмотря на полученное имъ юридическоое бразованіе и выполненіе прокурорскихъ обязанностей. Въ немъ партійность стала выше отвлеченной законности и вотъ, желая *угодить* рабочимъ, желая *выставить* свою партію нарочитой печальницей объ интересахъ рабочаго люда, онъ стоитъ за принятіе запроса, въ крайности, за—разговоры по его поводу, особенно интересные для „сознательныхъ товарищей", которые, какъ извѣстно, захватили въ свои руки почти всѣ профессіональные союзы и превратили ихъ изъ мирныхъ обществъ взаимопомощи въ разсадники соціалъ-демократическихъ и соціалъ-революціонныхъ заблужденій.

Конечно, всѣ эти разсчеты „гучковцевъ" только наивны, ибо „сознательные товарищи" достаточно проницательны, чтобъ замѣтить всѣ бѣлыя нитки, которыми наскоро „парламентская фракція Союза 17 октября и примыкающихъ" пытается сшить для себя демократическій нарядъ. Никто изъ теперешнихъ руководителей профессіональныхъ союзовъ никогда не повѣритъ, благодаря уловкамъ Люца и К°, въ искренность расположенія „октябристовъ" къ труженикамъ и въ желанье облегчить имъ „борьбу за существованіе" съ „капиталистами" и „хозяевами-предпринимателями", костью отъ кости и плотью отъ плоти коихъ являются гг. „гучковцы". Слѣдовательно, даже съ тактической точки зрѣнія образъ дѣйствій Люца надо признать лишь „покушеніемъ съ негодными средствами".

Столь же ошибочны были и побужденія гр. В. А. Бобринскаго, который хотѣлъ принять запросъ съ полемическими цѣлями,—для разоблаченія соціалистической и революціонной дѣятельности профессіональныхъ союзовъ. Безконечно расширяя полномочія Думы, противники „суживанія ея правъ", совершенно извращаютъ ея природу навязываніемъ обличительныхъ и просвѣтительныхъ задачъ. Дай Богъ нашимъ „законодателямъ" справиться удовлетворительно со сложной законодательной и контролирующей работой, не превращая Думу въ митингъ, гдѣ жарко и страстно полемизируютъ представители различныхъ политическихъ воззрѣній.

Къ счастью, большинство комиссіи обнаружило больше трезваго спокойствія, чѣмъ ея предсѣдатель и секретарь, и, какъ упомянуто, отклонило необоснованный запросъ.

Однако, этимъ рѣшеніемъ дѣло не оканчивалось, ибо доклады комиссій подлежатъ разсмотрѣнію Думы, которая и принимаетъ окончательное постановленіе. Конечно, на него можетъ оказать вліяніе комиссіонный докладъ, который или составляется избраннымъ комиссіей докладчикомъ, или подготовляется канцеляріей Государственной Думы. Въ послѣднемъ случаѣ проектъ доклада представляется докладчику и только послѣ подписанія имъ, предсѣдателемъ и секретаремъ комиссіи отдается въ печать, причемъ на заголовкѣ обозначается имя докладчика, который иногда держитъ послѣднюю, отвѣтственную корректуру. Отпечатанный докладъ раздается членамъ Государственной Думы для своевременнаго ознакомленія съ подлежащимъ обсужденію вопросомъ.

Въ разсматриваемомъ случаѣ докладъ долженъ былъ составить уполномоченный на то комиссіей Гололобовъ, который, какъ человѣкъ вполнѣ знакомый съ подобнаго рода работой, всѣ порученные доклады пишетъ самъ. Онъ и тутъ не обращался ни къ кому изъ членовъ канцеляріи съ просьбой составить за него докладъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день Гололобовъ, подобно всѣмъ остальнымъ членамъ Думы, получаетъ готовый и уже отпечатанный докладъ, на заголовкѣ котораго красуется его фамилія, хотя онъ только теперь узналъ о существованіи этого произведенія. Мало того, просматривая невѣдомо кѣмъ составленный докладъ Гололобовъ убѣждается, къ вящему изумленію, что послѣ изложенія дѣла и указанія на постановленіе комиссіи объ отклоненіи запроса сдѣлано слѣдующее добавленіе: „тѣмъ не менѣе комиссія считаетъ учрежденіе профессіональныхъ обществъ и союзовъ дѣломъ весьма важнымъ, какъ вообще для государства, такъ и для рабочаго класса, и выясненіе положенія и условій существованія этихъ организацій—чрезвычайно желательнымъ, а потому, по мнѣнію комиссіи было бы какъ нельзя болѣе умѣстно и полезно при обсужденіи заявленія въ Государственной Думѣ заслушать сообщеніе по этому предмету съ возможно полными и всесторонними свѣдѣніями отъ членовъ Государственной Думы, а также отъ представителей правительства“.

Характерно, что это добавленіе представляло собой изложеніе внесеннаго въ протоколъ засѣданія комиссіи заявленія Люца и являлось явнымъ искаженіемъ истины, ибо

мнѣніе одного лица приписывалось всей комиссіи и выдавалось за ея постановленіе, хотя, какъ видно изъ протокола, комиссія не коснулась въ своемъ рѣшеніи вопроса о важности для государства профессіональныхъ союзовъ и не приходила къ пожеланію „заслушать сообщеніе отъ свѣдущихъ членовъ Думы и представителей правительства“, т. е. немного подучиться, поставивъ себя въ роль слушателей, а „дѣлающихъ сообщеніе“—въ положеніе наставниковъ для малограмотныхъ законодателей.

Это было явной несообразностью, ибо представители правительства въ Думѣ не выступаютъ съ „сообщеніями“ или докладами, и дѣлаютъ разъясненія, отстаивая правильность своихъ рѣшеній и проектовъ, равно какъ закономѣрность принятыхъ мѣръ, ибо Государственная Дума не ученое общество, а законодательное учрежденіе, призванное волею Самодержца и къ бдительному контролю за закономѣрностью поставленныхъ Имъ властей.

Само собою понятно, что эти разъясненія правительство обязано дать лишь по принятіи запроса Думою. Если же запросъ отклоняется, то правительство, не увѣдомленное даже о запросѣ, не имѣетъ ни возможности, ни необходимости выступать въ Думѣ. По комиссіонному же докладу вмѣстѣ съ добавленіемъ выходило, что Дума должна запросъ отклонить, т. е. признать дѣйствія правительственныхъ властей закономѣрными и тѣмъ не менѣе требовать отъ правительства сообщенія по поводу этихъ уже признанныхъ правильными дѣйствій. Другими словами, предлагалось покончить съ запросомъ, и въ то же время продолжать разсмотрѣніе дѣла безъ всякаго опредѣленнаго конечнаго результата, ибо единственный выводъ былъ уже сдѣланъ отклоненіемъ запроса. Все остальное имѣло характеръ или урока для любознательныхъ слушателей или митинга, на который, конечно, правительство не пошло бы, да и достоинство Думы не позволяетъ заниматься подобнымъ времяпрепровожденіемъ.

Ясно, что съ такимъ „оригинальнымъ“ докладомъ нельзя было выступать въ Думѣ, даже примирившись со страннымъ способомъ его составленія. Но Гололобовъ не примирился и обратился къ дѣлопроизводителю комиссіи по запросамъ съ просьбою объяснить, кто писалъ докладъ и почему, вопреки обычнымъ правиламъ, докладъ не былъ даже предъявленъ

ему для просмотра и выпущенъ съ его фамиліей, но безъ его разрѣшенія и подписи. Дѣлопроизводитель отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ о составленіи доклада, такъ какъ это было при его предшественникѣ, уже уволившемся, но засвидѣтельствовалъ, что докладъ выпущенъ въ свѣтъ по распоряженію предсѣдателя комиссіи гр. Бобринскаго и секретаря ея Люца, скрѣпившихъ его своими подписями.

Это объясненіе не удовлетворило Гололобова и онъ указалъ гр. Бобринскому на несообразности доклада и необычность способа его составленія, безъ всякаго вѣдома докладчика. Когда гр. Бобринскій вникнулъ въ дѣло, то его не мало смутили отмѣченныя несообразности и онъ сознался, что не прочелъ его, какъ слѣдуетъ, когда ему дали для подписи. Повинившись въ этомъ упущеніи, предсѣдатель комиссіи обѣщалъ немедленно распорядиться напечатать снова докладъ, но уже безъ злополучнаго добавленія. Это обѣщаніе вскорѣ было исполнено и докладъ безъ добавленія былъ розданъ членамъ Думы.

Уже эти „превратности“ очень характерны для думскихъ нравовъ и правильнаго пониманія условій законодательной работы. Но дальнѣйшая судьба доклада представляется въ высокой степени поучительной. Сообразно уже отмѣченному обыкновенію, докладъ по запросу о профессіональныхъ обществахъ и союзахъ подлежалъ предварительному разсмотрѣнію во фракціяхъ, но онъ трижды назначался на вечернія засѣданія общаго собранія (по средамъ), отведенныя спеціально для разсмотрѣнія докладовъ по запросамъ, но каждый разъ очередь до него не доходила. Ясно, что впродолженіе трехъ недѣль „октябристы“ могли удосужиться и разсмотрѣть обстоятельно вопросъ, по которому ихъ правое и лѣвое крыло обнаружило такое коренное разномысліе.

Но предсѣдатель совѣта фракціи, А. И. Гучковъ, руководящій общимъ направленіемъ дѣлъ и распредѣленіемъ занятій, почему-то своевременно не поставилъ на предварительное обсужденіе этого доклада. Только, когда, наконецъ, 18 февраля, въ Думѣ дошла очередь до разсмотрѣнія доклада, то въ этотъ день, на утреннемъ засѣданіи Думы объявлено было, и то далеко не всѣмъ „октябристамъ и примыкающимъ“, что въ 8 часовъ вечера, за полчаса до общаго

собранія, назначено совѣщаніе фракціи для ознакомленія съ докладомъ Гололобова и принятія фракціоннаго постановленія по этому поводу. Нужно, однако, замѣтить, что засѣданія фракціи назначаются обыкновенно въ ея собственномъ помѣщеніи и всѣ члены заранѣе извѣщаются особыми повѣстками, на коихъ обозначаются подлежащія разсмотрѣнію дѣла; въ Таврическомъ Дворцѣ происходятъ лишь чрезвычайныя совѣщанія фракціи по внезапно возникшимъ во время Думскихъ засѣданій вопросамъ, требующимъ немедленнаго принятія фракціоннаго постановленія. Очевидно, что въ данномъ случаѣ не было подобной крайности, ибо этотъ вопросъ свободно могъ быть разсмотрѣнъ въ одно изъ очередныхъ фракціонныхъ совѣщаній на протяженіи цѣлыхъ трехъ недѣль.

Нетрудно предвидѣть, что въ назначенное за полчаса до разсмотрѣнія въ Думѣ доклада фракціонное совѣщаніе собралось къ 8¼ ч. всего *13 человѣкъ*, въ томъ числѣ Гучковъ и Люцъ, хотя во фракціи числится 139 членовъ и на очередныя собранія собирается обыкновенно отъ 40—50 человѣкъ,—порою даже отъ 80 до 100.

Несмотря на такой крайне немноголюдный составъ, А. И. Гучковъ открылъ засѣданіе и, доложивъ въ нѣсколькихъ словахъ дѣло, заявилъ, что, вопреки предложенію комиссіи, по *его* мнѣнію, слѣдуетъ принять запросъ, дабы рабочіе видѣли, что фракція октябристовъ стоитъ на ихъ сторонѣ. Конечно, Гололобовъ не замедлилъ выступить съ возраженіемъ, отстаивая, какъ докладчикъ, точку зрѣнія комиссіи. Онъ снова указалъ на незаконность принятія запроса за полнымъ отсутствіемъ незакономѣрныхъ дѣйствій со стороны правительственныхъ властей и на невозможность руководствоваться посторонними соображеніями въ ущербъ яснымъ требованіямъ закона. А. И. Гучковъ не сталъ возражать по существу, а просто предложилъ поскорѣе закончить обсужденіе вопроса въ виду начала думскаго засѣданія и приступить къ окончательному голосованію. Однако голоса присутствующихъ раздѣлились: за предложеніе Гучкова принять запросъ высказалось 8 членовъ Думы, считая Гучкова и Люца, противъ было подано 5 голосовъ. Казалось бы, что, при такомъ слабомъ большинствѣ и крайней малочисленности голосовавшихъ, добрые коллегіальные обычаи требовали

бы признанія вопроса подлежащимъ новому разсмотрѣнію въ болѣе полномъ составѣ. Но абсолютическія замашки А. И. Гучкова дали иное направленіе дѣлу: „лидеръ октябристовъ“ предложилъ, чтобы Люцъ заявилъ съ трибуны отъ имени всей фракціи октябристовъ и примыкающихъ, что она принимаетъ запросъ. Гололобовъ заявилъ тутъ же, что онъ считаетъ себя обязаннымъ поддерживать постановленіе комиссіи, въ качествѣ ея докладчика, а потому будетъ возражать противъ заявленія Люца. На это А. И. Гучковъ уронилъ: „Вы только испортите дѣло“.

Нужно также замѣтить, что въ данномъ случаѣ принятое фракціей постановленіе имѣло рѣшающее значеніе для участи запроса: всѣ лѣвые, конечно, должны были голосовать за его принятіе и, присоединивъ къ нимъ свои голоса, октябристы оставляли правыхъ въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ политиканство и самоуправство лидера октябристовъ поворачивало Думу на путь, противный велѣніямъ закона и ведущій къ запутыванію и безъ того сложнаго дѣла.

III.

Едва окончилось это, столь своеобразное, фракціонное засѣданіе, какъ Люцъ поспѣшилъ въ залъ общихъ думскихъ собраній, дабы поскорѣе передать по линіи приказъ лидера подъ видомъ фракціоннаго рѣшенія. Торопливо пробѣгая между рядами креселъ „адъютантъ главнокомандующаго октябристской ратью“ объявлялъ всѣмъ, что фракція только что рѣшила принять запросъ, не смотря на заключеніе комиссіи. Само собою разумѣется онъ не распространялся о томъ, что рѣшеніе это было принято 8 голосами при общемъ составѣ фракціоннаго засѣданія всего лишь изъ 13 человѣкъ. Конечно, каждый не присутствовавшій на партійномъ засѣданіи октябристъ, а такихъ было громадное большинство, и не предполагалъ, что собралось такъ мало членовъ, думалъ, что фракція была въ обычномъ составѣ и принималъ къ свѣдѣнію и исполненію распоряженіе передъ боемъ. Тутъ ужъ некогда было разсматривать, почему фракція разошлась съ комиссіей, а надо было выполнять готовое, хотя бы и не понятное рѣшеніе. Если же какой-либо любознательный членъ осмѣливался предлагать недоумѣнные вопросы, то ему тотчасъ говорили: „вотъ вы не ходите на фракціонныя за-

сѣданія, а теперь подрываете партійную дисциплину". Сознавая свою неисправность, почти всѣ отсутствовавшіе помалкивали, кивали Люцу головами и онъ мчался дальше, разнося рѣшеніе, принятое въ послѣднюю минуту безъ должной осмотрительности и всесторонняго обсужденія дѣйствительно фракціоннымъ собраніемъ. Такъ оправдывался психологически вѣрный и тонкій разсчетъ А. И. Гучкова, заставившій его отложить обсужденіе скользкаго вопроса до самаго начала думскаго сраженія. Лидеръ октябристовъ разсчитывалъ также, что, въ виду обезпечивающей принятіе запроса поддержки фракціи Союза 17 октября, лѣвые не станутъ затягивать пренія и голосованіе произойдетъ въ томъ же засѣданіи. Но къ кафедрѣ потянулась цѣлая вереница ораторовъ желающихъ поговорить и просвѣтить „неосвѣдомленныхъ членовъ Думы". Въ одно мгновеніе было подано 32 записки. Предсѣдателю поспѣшно вручили предложеніе о прекращеніи записи ораторовъ, которое и было принято почти всей Думой противъ „крайнихъ лѣвыхъ".

Тогда Гололобовъ, отъ имени комиссіи по запросамъ, сдѣлалъ свой докладъ, который приводится дословно по думской стенограммѣ:

Гололобовъ (докладчикъ комиссіи по запросамъ). Въ Государственную Думу, за подписью 31 члена, подано заявленіе о запросѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи по поводу преслѣдованія профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. Это заявленіе было передано въ комиссію по запросамъ. Содержаніе заявленія заключается въ слѣдующемъ: къ первомъ же вступительномъ пунктѣ высказывается общее положеніе, которое далѣе подтверждается изложенными въ заявленіи данными. Это положеніе выражено такъ: „образованіе и дѣятельность профессіональныхъ обществъ поставлены указанными правилами въ крайне затруднительныя условія (рѣчь идетъ о правилахъ 4 марта 1906 г.). Объемъ правъ, предоставленныхъ профессіональнымъ обществамъ рабочихъ, совершенно недостаточенъ для надлежащей защиты ими своихъ профессіональныхъ интересовъ". Далѣе въ первомъ вступительномъ пунктѣ идутъ общія соображенія, подкрѣпляющія изложенный тезисъ. Затѣмъ въ заявленіи имѣется четыре пункта, которые содержатъ фактическій матеріалъ. Первый пунктъ озаглавленъ: „Изъ дѣятельности присутствій, разсматривающихъ вопросы о профессіональныхъ обществахъ". Въ этомъ пунктѣ ничего фактическаго не содержится; здѣсь высказывается, что присутствія по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ относятся неправильно къ своимъ обязанностямъ, въ томъ отношеніи, что они неправильно истолковываютъ законы, что они закрываютъ профессіональныя общества и союзы безъ достаточныхъ основаній. Затѣмъ идетъ второй

пунктъ, гдѣ говорится, собственно, о закрытіи союзовъ. Здѣсь приводится цѣлый рядъ указаній на закрытіе союзовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, перечисляются многіе города: Петербургъ, Симферополь, Екатеринославъ, Харьковъ и др., гдѣ присутствія закрыли союзы, по мнѣнію авторовъ запроса, безъ достаточныхъ основаній. Затѣмъ въ слѣдующемъ пунктѣ говорится о высылкахъ, арестахъ, обыскахъ, неразрѣшеніи и стѣсненіи собраній. Въ этомъ пунктѣ указываются случаи, когда члены этихъ профессіональныхъ союзовъ и обществъ были высылаемы изъ предѣловъ мѣстностей, гдѣ они находились, административнымъ порядкомъ. При этомъ указывается, что всѣ эти высылки были въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ исключительныя положенія; указывается на то обстоятельство, что вотъ-де высылались дѣятели этихъ обществъ, предсѣдатели, секретари и члены и этимъ стѣснялась дѣятельность обществъ. Въ слѣдующемъ пунктѣ говорится уже о профессіональной печати. Здѣсь указывается на то, что многіе печатные органы профессіональныхъ обществъ были закрываемы также по распоряженію мѣстной администраціи, указывается, что это также служитъ стѣсненіемъ для дѣятельности обществъ. И вотъ въ заключеніе запросъ формулированъ такъ *(Читаетъ)*: „На основаніи всего вышеизложеннаго предлагаемъ Государственной Думѣ, согласно ст. 33 Учр. Госуд. Дум., сдѣлать слѣдующіе запросы: 1) извѣстны ли Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи вышеприведенные факты; 2) какія мѣры приняты и предполагается принять для предотвращенія указанныхъ незакономѣрныхъ дѣйствій и для уничтоженія противорѣчивыхъ толкованій закона 4 марта; 3) какими обстоятельствами вызываются крайнія мѣры подчиненной Министру Внутреннихъ Дѣлъ мѣстной администраціи по отношенію къ профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ, ихъ дѣятельнымъ членамъ и органамъ профессіональной печати; 4) намѣренъ ли Министръ Внутреннихъ Дѣлъ принять какія-либо мѣры къ прекращенію указанныхъ административныхъ преслѣдованій и къ возбужденію дѣлъ по нарушенію временныхъ правилъ 4 марта только въ судебномъ порядкѣ?“ Вотъ эти четыре пункта и выражаютъ запросъ. Комиссія по запросамъ, разсмотрѣвъ это заявленіе, признала, что въ тѣхъ фактахъ, на которые были сдѣланы ссылки, не заключается незакономѣрныхъ дѣйствій, что эти факты показываютъ только неправильное рѣшеніе губернскихъ присутствій по отношенію къ закрытію обществъ, а такія дѣйствія губернскихъ присутствій не являются незакономѣрными; они могутъ быть названы неправильными въ смыслѣ примѣненія закона. (*Голосъ слѣва:* а что же такое незакономѣрныя дѣйствія?). Если какое-либо учрежденіе, дѣйствующее на основаніи закона, неправильно понимаетъ законъ, то такія его дѣйствія могутъ быть обжалованы установленнымъ въ законѣ порядкомъ. Если бы эти губернскія присутствія, которыя закрывали профессіональные союзы, указанные въ заявленіи о запросѣ, не дали бы возможности обжаловать ихъ постановленіе, то тогда бы это было незакономѣрнымъ дѣйствіемъ, выходящимъ изъ рамокъ, установленныхъ закономъ для дѣйствія этихъ учрежденій. Если бы мы здѣсь,

въ Государственной Думѣ, стали разсматривать неправильное примѣненіе закона, или неправильное его истолкованіе, то этимъ самымъ мы приняли бы на себя функціи Правительствующаго Сената, куда по закону приносятся жалобы, какъ на дѣйствія присутствія по обществамъ и союзамъ, такъ и на другія подлежащія учрежденія, и мы бы, такимъ образомъ, обратились въ кассаціонную инстанцію и занялись не тѣмъ дѣломъ, которое возложено на насъ закономъ. (*Голоса въ центрѣ*: браво). Затѣмъ въ слѣдующемъ пунктѣ говорится, что администрація, въ лицѣ Генералъ-Губернатора или Главноначальствующаго, выслала члена профессіональнаго общества за предѣлы губерніи на время исключительныхъ положеній. Въ этихъ случаяхъ дѣйствія Главноначальствующаго являются также основанными на законѣ, предоставляющемъ ему право во время исключительнаго положенія принимать такія мѣры. Если бы здѣсь было указано, что это находилось въ связи съ дѣломъ о разсмотрѣніи неправильнаго дѣйствія какого-либо союза, что Генералъ-Губернаторъ принялъ такую административную мѣру въ видѣ наказанія за дѣйствія того или иного члена общества или союза, тогда было бы понятно, что это дѣйствіе незакономѣрно, но если Генералъ-Губернаторъ или Главноначальствующій высылаетъ кого-либо въ силу исключительнаго положенія, высылаетъ по тѣмъ соображеніямъ, которыя совсѣмъ не касаются дѣятельности его, какъ члена общества, а касаются его дѣятельности вообще, какъ человѣка, признаваемаго имъ вреднымъ для общественнаго спокойствія, то тутъ незакономѣрныхъ дѣйствій нѣтъ. Можно признавать, что вредны исключительныя положенія, можно желать, чтобы ихъ не было, можно принимать тѣ или иныя мѣры для того, чтобы въ Россіи были совсѣмъ не примѣняемы исключительныя положенія, или примѣнялись возможно меньше,—съ этимъ я вполнѣ согласенъ, но разъ исключительныя положенія введены, и на основаніи этого вполнѣ законнаго акта Генералъ-Губернаторъ или Главноначальствующій дѣйствуетъ, то тутъ, повторяю, незакономѣрныхъ дѣйствій нѣтъ. Дальше, что же остается? Остается печать. Но она вѣдь тѣсной связи съ дѣломъ профессіональныхъ обществъ не имѣетъ. Но допустимъ, что она ее имѣетъ. Я соглашаюсь съ авторами запроса, что прекращеніе дѣйствій печатныхъ органовъ вредитъ ихъ дѣятельности, стѣсняетъ. Но вѣдь, опять-таки, закрытіе это произошло установленнымъ въ законѣ порядкомъ, и администрація, закрывшая извѣстный органъ, изъявшая его изъ обращенія, дѣйствуетъ въ рамкахъ, предоставленныхъ ей закономъ. Опять скажу, что, можетъ быть, законъ этотъ плохъ, что слѣдуетъ съ извѣстной точки зрѣнія желать, чтобы никакихъ ограниченій печати не было, это тоже другой вопросъ; это совсѣмъ не то, о чемъ говорится въ запросѣ; и опять здѣсь незакономѣрныхъ дѣйствій—нѣтъ. Вотъ въ силу этихъ соображеній, комиссія по запросамъ и высказывается, что по ея мнѣнію, примѣняя строго ст. 33, запроса здѣсь нѣтъ, и принимать его не слѣдуетъ. Во время обсужденія въ комиссіи по запросамъ заявленія, нѣкоторые изъ членовъ комиссіи возбудили вопросъ, что если нѣтъ запроса на основаніи ст. 33, то здѣсь, можетъ быть, есть

вопросъ на основаніи ст. 40. Но и это мнѣніе послѣ обсужденія было отвергнуто, потому что вопросъ можетъ быть предъявленъ Правительству только тогда, когда требуется Думою объясненіе по дѣлу, которое находится на ея разсмотрѣніи, а этого здѣсь нѣтъ. Членъ комиссіи Пырковъ приложилъ къ заключенію комиссіи особое мнѣніе, гдѣ онъ, не отвергая толкованія въ отношеніи другихъ пунктовъ, говоритъ, что онъ не согласенъ въ отношеніи одного обстоятельства. Въ запросѣ указано на высылку изъ предѣловъ губерніи членовъ союза, и здѣсь есть признакъ запроса. Но я уже имѣлъ честь объяснить, что если бы это было примѣнено въ видѣ наказанія за дѣятельность по обществамъ и союзамъ, то тогда это было бы неправильно, ибо за такую дѣятельность, незаконную, членовъ обществъ и союзовъ нужно привлекать къ суду. (Я даю объясненіе по поводу особаго мнѣнія Пыркова). Теперь слѣдующее обстоятельство. Я понимаю важность этого запроса, я понимаю, что очень многимъ, не только авторамъ запроса, но и многимъ на этихъ и на всѣхъ другихъ скамьяхъ сидящимъ, дѣло представляется чрезвычайно серьезнымъ; авторы запроса хотятъ выяснить это дѣло въ томъ смыслѣ, что вотъ де Правительство стѣсняетъ дѣятельность общества, а другіе—для того, чтобы Правительство показало, что эти общества слѣдуетъ закрывать. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, дѣйствительно, казалось бы, почему бы не принять запроса. Лично, самъ отъ себя, не отъ комиссіи, могу сказать, что я охотно присоединился бы къ тому мнѣнію, чтобы дать правительству возможность сдѣлать освѣщеніе этого дѣла и выяснить его какъ предъ самими авторами запроса, такъ и передъ тѣми, кто интересуется дѣятельностью Думы. Дѣйствительно, мы бы узнали, насколько есть доля правды въ отношеніи стѣсненій союзовъ; но, гг., вѣдь это совсѣмъ будетъ другое дѣло. Мы не можемъ сказать: вотъ фактъ незакономѣрной дѣятельности правительственнаго агента, а потому, Правительство, дай отвѣтъ по этому факту. Если же такого опредѣленнаго факта нѣтъ, такъ вѣдь намъ Правительство совершенно свободно можетъ сказать: „да позвольте, гдѣ же самое существо запроса, на что я вамъ буду отвѣчать, на общее положеніе, что такъ много закрыто обществъ и союзовъ, что такъ много произведено высылокъ, да вѣдь это все не входитъ въ область незакономѣрныхъ дѣйствій, на губернское присутствіе вы можете подать жалобу въ Сенатъ“. Оно можетъ также сказать, что „если законъ объ обществахъ и союзахъ не удовлетворителенъ, если онъ дѣйствительно таковъ, что обществамъ свободно работать нельзя, то вы, пожалуйста, внесите путемъ законодательной инициативы новый законъ объ обществахъ и союзахъ и дайте самый широкій просторъ для дѣятельности этихъ союзовъ—все это въ вашей власти“. Но на томъ основаніи, что законъ неудовлетворителенъ, предъявленіе запроса Правительству о его незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ является совершенно неправильнымъ. Далѣе, если мы скажемъ Правительству, что губернское присутствіе такъ-то и такъ-то, въ такихъ-то и въ такихъ-то случаяхъ поступило незаконно, оно намъ скажетъ, что если оно поступило незаконно, если оно невѣрно истолковало законъ, подайте жа-

лобу въ Сенатъ, и если Сенатъ найдетъ дѣйствія присутствія неправильными, то онъ отмѣнитъ постановленіе присутствія, и дѣятельность союза будетъ возстановлена. Вотъ какія соображенія руководили комиссіей при ея заключеніи, что въ этомъ запросѣ нѣтъ содержанія для запроса и что его принимать не слѣдуетъ. Если бы, дѣйствительно, всѣ наши сужденія были въ этихъ предѣлахъ, если бы я зналъ, что мнѣ, какъ докладчику комиссіи, будутъ возражать только на этой почвѣ, не касаясь существа запроса, не касаясь доказательствъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ мы и не входили въ разсмотрѣніе, я, быть можетъ, этимъ и ограничился бы. Но я хорошо вижу, что здѣсь будетъ говорить цѣлый рядъ ораторовъ по существу. Кромѣ тѣхъ фактовъ, которые здѣсь приведены о закрытіи обществъ —правильно или неправильно будутъ приводить цѣлую массу другихъ фактовъ и будутъ доказывать, что то или иное неправильно, незаконно. Вотъ потому то я и рѣшаюсь заранѣе, можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ я этого и не сдѣлалъ бы, освѣтить вамъ дѣятельность тѣхъ обществъ и союзовъ, которые были закрыты, и рѣшаюсь освѣтить вопросъ этотъ по существу. Да проститъ мнѣ Государственная Дума, я оговариваюсь, почему я это дѣлаю: я хочу показать вамъ съ фактами въ рукахъ, что такое дѣлали эти общества и за что ихъ закрыли. Прежде всего я остановился на Екатеринославской губ.—я оттуда такъ же, какъ и одинъ изъ подписавшихъ запросъ; оба мы, совершенно свободно, могли получить документальныя данныя изъ губернскаго присутствія. И вотъ я попросилъ дать мнѣ копію, не ради возраженія, а единственно ради того, чтобы узнать, за что были закрыты союзы. У меня сейчасъ въ рукахъ копія постановленія губернскаго присутствія. Въ запросѣ указывается на одно изъ обществъ, закрытыхъ въ Екатеринославской губ.—это общество портныхъ. Я привожу постановленіе губернскаго присутствія, касающееся профессіональнаго общества рабочихъ и работницъ мужского и дамскаго верхняго платья, модистокъ и бѣлошвеекъ Екатеринославской губ. „Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, присутствіе находитъ, что правленіе профессіональнаго общества и его Бахмутское отдѣленіе предъявляло различнаго рода требованія экономическаго характера къ владѣльцамъ портняжныхъ заведеній, рабочіе которыхъ не состоятъ членами общества рабочихъ, употребляя при этомъ насилія и угрозы; что въ числѣ лицъ, задержанныхъ на общемъ собраніи 18 сентября 1907 г. въ помѣщеніи правленія общества въ Екатеринославѣ, въ д. Давыдовскаго, оказалось большинство не имѣющихъ никакого отношенія къ обществу; въ числѣ же вещественныхъ доказательствъ оказалось много брошюръ нелегальнаго и преступнаго содержанія; почему, признавая дѣятельность общества выходящею изъ рамокъ утвержденнаго въ надлежащемъ порядкѣ устава и вредной для общественнаго спокойствія и безопасности, присутствіе опредѣляетъ: закрыть профессіональное общество рабочихъ и работницъ мужского и дамскаго верхняго платья со всѣми его отдѣленіями, предоставивъ право обществу обжаловать это опредѣленіе“. Второе—тоже указано здѣсь въ заявленіи—профессіональ-

ное общество рабочихъ мукомольныхъ и круподерныхъ мельницъ г. Екатеринослава. „Разсмотрѣвъ переписку общества рабочихъ, присутствіе находитъ, во-первыхъ, что нѣкоторые члены и правленіе общества, уклоняясь отъ утвержденнаго устава, позволяли себѣ созывать общія собранія членовъ общества въ неуказанныхъ мѣстахъ и безъ надлежащаго разрѣшенія; во-вторыхъ, что въ помѣщеніи правленія были задержаны принадлежащія къ революціонной организаціи лица, при чемъ при обыскѣ этихъ лицъ была обнаружена нелегальная литература; въ третьихъ, что общее собраніе дважды избрало въ предсѣдатели правленія лицъ, политически неблагонадежныхъ и проживающихъ по подложнымъ документамъ, при чемъ предпослѣдній предсѣдатель", называть его имени не буду (**Кузнецовъ,** *съ мѣста:* предсѣдатель еврей, Ильеневичъ, вотъ за это и закрыли общество), „находясь въ этой должности не состоялъ даже гдѣ-либо рабочимъ и получалъ отъ общества опредѣленное содержаніе". (**Кузнецовъ,** *съ мѣста:* еврей). Я уже не знаю, еврей онъ, или не еврей. „Въ-четвертыхъ, рабочіе мельницы Гезе, собравшись 15 и 18 ноября 1907 г. безъ надлежащаго разрѣшенія въ помѣщеніе мельницы, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя правленія Ильеневича, устроили судебное разбирательство между рабочимъ—членомъ общества Левковичемъ и Сазоновымъ—рабочимъ, не состоящимъ членомъ общества, и затѣмъ предъявили владѣльцу мельницы требованіе объ увольненіи Сазонова. Вышеуказаннымъ дѣйствіемъ правленіе явно нарушило уставъ". Въ виду этого общество закрываютъ, предложивъ ему обжаловать опредѣленіе въ двухнедѣльный срокъ. Теперь дальше есть тоже нѣкоторыя любопытныя данныя. „Протоколомъ дознанія выяснено и установлено"—это третье профессіональное общество центральной электрической станціи въ г. Екатеринославѣ—„что на всѣхъ собраніяхъ рабочихъ электрической станціи присутствовали всегда посторонніе ораторы, которые въ своихъ преступныхъ и зажигательныхъ рѣчахъ и возгласахъ критикуютъ основные законы, оправдываютъ терроръ, призываютъ къ насилію и вообще пагубно вліяютъ на рабочихъ. Эти ораторы, при появленіи полиціи, скрываются и, такимъ образомъ, остаются безнаказанными. Весь составъ профессіональнаго общества, за малымъ исключеніемъ, примыкаетъ къ самымъ лѣвымъ партіямъ, и общество вообще функціонируетъ съ преступной цѣлью. По собраннымъ свѣдѣніямъ, рабочіе электрической станціи прекратили работу по случаю годовщины 9 ноября 1907 г. Въ первомъ часу дня полицеймейстеромъ было предложено приступить къ работѣ. Въ пятомъ часу дня на электрическую станцію явился завѣдывающій станціей Тесье, монтеры, мастера и дали свѣтъ по городу. За полчаса до этого времени на станцію явились рабочіе и, подъ угрозой смерти, потребовали прекращенія работъ; главнымъ руководителемъ забастовки былъ предсѣдатель общества Дмитрій Загорулько, секретарь Здоренко, библіотекарь Николаевъ и члены правленія такіе-то". Вотъ почему это общество было закрыто, также съ предоставленіемъ права обжалованія. Затѣмъ четвертое

профессіональное общество. Я не буду васъ утомлять, я приведу 6 обществъ, а тутъ можно было бы много привести. Профессіональное общество печатнаго дѣла, въ виду систематическаго нарушенія упомянутымъ обществомъ своего устава и пріобрѣтеннаго этимъ обществомъ характера угрозъ общественной безопасности, рѣшено было закрыть. Относительно общества торговыхъ служащихъ при Петровскомъ заводѣ имѣются слѣдующія данныя: все время общество продолжало выходить изъ рамокъ, намѣченныхъ въ уставѣ, а именно занималось бойкотомъ торговцевъ, накладывало штрафы на содержателей торговыхъ заведеній, удерживало отъ поступленія въ эти заведенія другихъ служащихъ, не состоящихъ членами общества, и за эту самую дѣятельность оно также было закрыто. Еще слѣдующій любопытный фактъ относительно общества покупки и продажи лѣсныхъ матеріаловъ. Чѣмъ оно занялось? Оно дѣйствовало произвольно и облагало процентными сборами лѣсопромышленниковъ безъ ихъ на то согласія, играя при этомъ роль конторы; его тоже закрыли и предоставили жаловаться. Далѣе я приведу вамъ еще случай о профессіональномъ обществѣ Луганскаго Донецко-Юрьевскаго завода. Вотъ какимъ образомъ характеризуется его дѣятельность: „правленіе не имѣло возможности слѣдить за дѣятельностью своихъ членовъ, составъ общества уменьшился съ 2.000 до 400, а такое обстоятельство доказывало, что среди общества происходитъ разложеніе; хотя дознаніемъ и категорически не установлено нарушеній устава, но выяснено, что счетоводство ведется небрежно и что члены правленія Кокаревъ и Бабарыкинъ изобличены въ храненіи бомбъ и изготовленіи фальшивыхъ монетъ“. Вотъ вамъ данныя, взятыя изъ офиціальнаго источника. Можно, конечно, сказать, что губернское присутствіе пишетъ неправду, но опять это вопросъ другой. По крайней мѣрѣ это офиціальныя данныя. Я привелъ только то, что извѣстно по нашей губерніи; не берусь, конечно, сообщать данныхъ по другимъ мѣстамъ, я ихъ не знаю. Конечно, если бы представители Правительства были здѣсь и они считали бы возможнымъ давать по существу отвѣты, то они намъ привели бы тоже офиціальныя данныя, бывшія причиной закрытія этихъ обществъ. Вотъ въ какомъ положеніи находится дѣло. Моя обязанность, какъ докладчика комиссіи по запросамъ, доложить Государственной Думѣ постановленія комиссіи. Мы не входили въ обсужденіе того, могутъ ли быть тѣ факты, о которыхъ говорятъ, вѣрны ли они. Я напомню, что сказалъ въ началѣ: въ данномъ случаѣ есть поводъ апеллировать, поводъ подавать кассаціонную жалобу на неправильное примѣненіе закона, но обвинять въ незакономѣрности дѣйствій здѣсь нѣтъ повода. *(Рукоплесканія справа).*

Убѣдительная рѣчь докладчика произвела сильное впечатлѣніе на колеблющихся и для его ослабленія октябристскій штабъ поспѣшилъ придавить всякое проявленіе самостоятельности всенароднымъ, и потому сугубо связующимъ,

исповѣданіемъ фракціонной точки зрѣнія. Послѣ Гололобова на трибуну вышелъ Люцъ и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

Люцъ (Херсонская губ.). Фракція союза 17 октября, не соглашаясь съ заключеніемъ комиссіи по запросамъ, уполномочила меня заявить, что она присоединяется къ предъявленію запроса, полагая, что надо предоставить всѣ благопріятныя условія для развитія профессіональныхъ союзовъ, конечно, въ тѣхъ лишь цѣляхъ, если таковые будутъ преслѣдовать какія-нибудь культурныя задачи и стремиться къ поднятію своего матеріальнаго благосостоянія и къ развитію духовнаго міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я уполномоченъ заявить, что фракція, не имѣя информаціоннаго бюро, всецѣло оставляетъ на отвѣтственности интерпеллянтовъ тѣ факты, которые изложены въ запросѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гг., я очень просилъ бы послѣдующихъ ораторовъ отказаться отъ слова. Вѣдь какой реальный результатъ дадутъ послѣдующія рѣчи? Ясно и такъ, что предъявленіе запроса обезпечено, слѣдовательно, намъ придется дважды говорить по тому же запросу. (*Голосъ справа*: а мы послушаемъ). Дорожите же, гг., хоть немного временемъ Государственной Думы. (*Рукоплесканія*).

Для оцѣнки этого выступленія надо принять во вниманіе, что обыкновенно въ Государственной Думѣ заявленія отъ имени той или иной фракціи по поводу предстоящаго голосованія дѣлаются по окончаніи преній передъ самымъ голосованіемъ. Наоборотъ Люцъ заявилъ о рѣшеніи своей фракціи *до* начала преній, которыя развертываются послѣ рѣчи докладчика, выступающаго съ первымъ словомъ по разсматриваемому вопросу. Это преждевременное объявленіе фракціоннаго постановленія сыграло извѣстную роль въ развитіи „гололобовскаго инцидента", такъ какъ Гололобовъ счелъ себя поставленнымъ въ необходимость, отстаивая комиссіонный докладъ, возражать своей фракціи, полемизировать съ нею, ибо онъ не могъ оставить безъ замѣчаній нападенія, сдѣланныя на комиссію лѣвыми ораторами въ крайне грубой и рѣзкой формѣ. Возражая же противъ ихъ доводовъ за принятіе запроса, Гололобовъ, волей не волей, становился въ оппозицію къ заявленію Люца.

Правда, октябристы разсчитывали поскорѣе проголосовать запросъ и кончить дѣло въ одно засѣданіе, выслушавъ лишь одного лѣваго оратора, которымъ оказался соціалъ-демократъ Захаровъ. Но онъ въ своей длиннѣйшей рѣчи, которую онъ читалъ вопреки Наказу, воспрещающему чтеніе рѣчей, все время сбивался на обсужденіе запроса по существу, вмѣсто того, чтобы говорить только о принятіи или

не принятіи запроса. Тщетно объ этомъ ему напоминалъ предсѣдатель Думы, дошедшій въ своемъ угодничествѣ передъ лѣвыми до явнаго послабленія Захарову, который, въ отвѣтъ на напоминаніе, что онъ говоритъ „по существу“, рѣзко заявилъ: „Я иначе не могу!“ Предсѣдатель поспѣшилъ расшаркаться передъ „сознательнымъ товарищемъ“, сказавъ: „какъ вамъ угодно, но я считаю долгомъ обратить ваше вниманіе на это“. Но Захаровъ не внялъ этому и, не будучи въ состояніи говорить безъ тетрадки, а въ ней то какъ разъ и разсматривался вопросъ по существу, воззвалъ къ членамъ Думы: „Господа! Я не знаю, въ какихъ предѣлахъ держаться, когда не даютъ говорить по существу“. Слѣва раздались сочувствующіе товарищу, попавшему въ бѣду, возгласы. Предсѣдатель сдѣлался еще предупредительнѣе и мягче и торопливо сказалъ Захарову: „Позвольте вамъ объяснить. Вопросъ идетъ о принятіи или непринятіи настоящаго запроса. Вамъ угодно говорить по существу; лишать васъ слова я не буду, но вы лишаете насъ времени!“ Соціалъ-демократъ, конечно, понялъ, что ему разрѣшено говорить, сколько угодно и о чемъ угодно, и поспѣшилъ вернуться къ своей тетради. Снова послышались трафаретныя обвиненія правительства, время летѣло и становилось очевиднымъ, что хитрый планъ октябристовъ проваливается, и въ этомъ засѣданіи дѣло едва ли дойдетъ до рѣшающаго голосованія. Изъ центра сталъ слышаться шумъ, который подѣйствовалъ, какъ предупрежденіе, на предсѣдателя и у Н. А. Хомякова вырвался изъ груди безпомощный вопль: „Я покорнѣйше прошу васъ говорить по вопросу, а вамъ угодно настаивать на своемъ и заставлять Государственную Думу слушать то, что она слушать не желаетъ!“ Но безжалостный товарищъ отрицалъ: „я и говорю о томъ, чтобы Государственная Дума приняла запросъ“. Тщетно изъ центра понеслись голоса: „приняли уже!“ Неумолимый Захаровъ вернулся къ своей тетради и опять раздалось чтеніе различныхъ циркуляровъ. Терпѣніе Хомякова стало истощаться и вдругъ онъ прервалъ Захарова возгласомъ: „Я васъ покорнѣйше прошу объ этомъ не говорить!“ На эту просьбу Захаровъ отвѣтилъ грубымъ вопросомъ: „О чемъ же говорить?“ Тогда вспыхнувшій предсѣдатель, въ свою очередь заговорилъ повышеннымъ тономъ: „нѣсколько разъ уже указывалось, что слѣдуетъ говорить о

принятіи или непринятіи запроса, а не по существу запроса. Я обязанъ руководить преніями, обязанъ и исполняю свою обязанность. Вамъ не угодно подчиниться? Мнѣ очень жалко". Вопросъ былъ предложенъ очень грозно и никто не ожидалъ, что предсѣдатель такъ „жалко" закончитъ свой грозный выпадъ. Но при первомъ же напоминаніи объ обязанностяхъ предсѣдателя слѣва послышался недовольный гулъ и это заставило Хомякова вмѣсто обузданія Захарова заняться самообузданіемъ и самоуглубленіемъ подъ звуки „товарищеской рѣчи", которую принялся продолжать достойный представитель соціалъ-демократической фракціи. Но вотъ справа послышались голоса, говорившіе Захарову: завтра дочитаете! Ничѣмъ не смущающійся „товарищъ" на это хладнокровно отвѣтилъ: „Нѣтъ! Я *сегодня* дочитаю!" Тогда раздались негодующіе крики „довольно" и въ Думѣ начался все усиливающійся шумъ. Отдѣльные возгласы прорѣзывали общій гулъ: „Онъ читаетъ!" „Нельзя читать!" „Какова бездарность!" Негодованіе стало охватывать и болѣе сдержанныхъ, шумъ не умолкалъ, а Захаровъ все читалъ и читалъ, пока слѣва не загремѣлъ властный окрикъ: „Захаровъ, идите прочь!" Выполняя эту команду, соціалъ-демократъ закрылъ свою тетрадку, собралъ бумаги, но уходя все-таки пустилъ парфянскую стрѣлу: „Понятно господа, если намъ, представителямъ рабочихъ классовъ въ третьей Государственной Думѣ, Думѣ государственнаго переворота, затыкаютъ ротъ, то я протестую и ухожу". Настойчивость представителя рабочихъ отъ г. Москвы была, конечно, вознаграждена рукоплесканіями слѣва.

Предсѣдателю подали заявленіе о полномъ прекращеніи преній, ибо октябристы горѣли желаніемъ покончить съ запросомъ въ это же засѣданіе. По Наказу подобнаго рода предложенія голосуются по выслушаніи всего двухъ ораторовъ, изъ коихъ одинъ говоритъ *за*, другой противъ закрытія преній. Лѣвые были очень возбуждены проваломъ своего товарища, а потому выпустили лучшаго своего оратора и лидера Гегечкори, который напомнилъ о важности обсуждаемаго вопроса для рабочихъ, подчеркнулъ, что высказаться успѣли лишь Гололобовъ, „который, въ качествѣ докладчика, не приминулъ распространить противъ тѣхъ профессіональныхъ организацій, о которыхъ шла рѣчь, „инсинуаціи и кле-

веты“ и „одинъ изъ нашихъ товарищей“, при чемъ онъ, какъ со стороны предсѣдателя, такъ и со стороны большинства Государственной Думы, встрѣчалъ не лестные отзывы и препоны для того, чтобы довести свою рѣчь до логическаго конца“. Свою рѣчь раздраженный кавказскій соціалъ-демократъ закончилъ такими словами: „Сейчасъ предлагать прекращеніе преній—мы думаемъ, что это новое оскорбленіе, новая насмѣшка и надъ авторами этого запроса, и надъ тѣмъ вопросомъ, который является объектомъ даннаго запроса, и надъ тѣмъ классомъ, котораго прежде всего касается этотъ запросъ—именно надъ рабочимъ классомъ. Поэтому, отъ имени соціалъ-демократической фракціи, отъ имени рабочаго класса, противъ такого поведенія большинства Государственной Думы и противъ поведенія руководителя преніями я протестую“. Помимо этого устнаго протеста поступилъ и „письменный протестъ на неправильныя дѣйствія предсѣдателя“. Такъ Н. А. Хомяковъ поплатился за свою попытку угодить лѣвымъ и своей пылкостью разрушилъ лелѣемую октябристами надежду привлечь на свою сторону рабочихъ и отнять у кадетовъ ихъ пресловутаго „лѣваго осла“. Но октябристы все еще надѣялись на успѣхъ и въ противовѣсъ Гегечкори выставили юнаго князя Тенишева, который сладкимъ голосомъ поспѣшилъ увѣрить лѣвую братію: „Мы считаемъ, что запросъ этотъ, дѣйствительно, важенъ и что его слѣдуетъ принять; но если мы не прекратимъ пренія, то его нельзя будетъ принять сегодня, вслѣдствіе чего откладывается объясненіе правительства и оттягивается обсужденіе по существу. Обсуждать этотъ запросъ по существу сегодня нѣтъ никакого смысла, а запросъ надо принять именно для того, чтобы правительство дало на него разъясненія. Затѣмъ, чтобы разъясненіе послѣдовало, въ интересахъ тѣхъ лицъ, которыя предъявили запросъ, и въ интересахъ государства, я высказываюсь за то, чтобы пренія прекратить и сейчасъ голосовать запросъ“.

Однако, могущественную партію центра ждало въ данномъ случаѣ полное пораженіе: большинство членовъ Думы не согласилось принимать запросъ такъ сказать въ „кредитъ“; лѣвые хотѣли развить болѣе удачно, чѣмъ Захаровъ, свои соображенія, а правымъ важно было разъяснить, что, голосуя противъ принятія запроса, они стоятъ на почвѣ за-

конности, осуждаютъ политиканство профессіональныхъ союзовъ и всемѣрно сочувствуютъ экономическому объединенію рабочаго люда. Октябристы въ данномъ случаѣ возлагали упованіе на поддержку „кадетовъ“, но ихъ представитель Герасимовъ объяснилъ съ трибуны, что фракція народной свободы будетъ „голосовать противъ прекращенія преній, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ея фракціонные ораторы не воспользуются правомъ слова по этому вопросу!“

На происшедшемъ голосованіи крылья, соединенными голосами правыхъ и лѣвыхъ, провалили предложеніе центра. Однако, дорожа временемъ, фракціи пришли къ соглашенію ограничить число ораторовъ 6 лицами и Дума приняла неполное прекращеніе преній. Въ концѣ засѣданія Гололобовъ по личному вопросу заявилъ, что „выраженіе, употребленное почтеннымъ депутатомъ Гегечкори, что сообщенные докладчикомъ факты суть инсинуація и клевета,—не правильно и недостойно“.

Справа и въ правой половинѣ центра раздались рукоплесканія. Слѣва отвѣтили дружнымъ шиканьемъ. Это показывало, что взбудораженныя страсти не улеглись и на предстоящемъ засѣданіи октябристамъ не удастся такъ легко и скоро принять запросъ правительству при помощи лѣвыхъ, а затѣмъ признать при содѣйствіи правыхъ разъясненія правительства вполнѣ удовлетворительными и, такимъ образомъ, показать, что въ Думѣ есть правящая партія, а въ ней бразды правленія держитъ твердая рука А. И. Гучкова.

IV.

Отложенное за позднимъ временемъ избраніе фракціонныхъ ораторовъ отсрочило дальнѣйшія пренія на цѣлую недѣлю. Вечеромъ 25-го февраля Дума снова вернулась къ „обсужденію доклада комиссіи о запросѣ Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи по поводу преслѣдованія профессіональныхъ союзовъ рабочихъ“. Октябристы и умѣренно-правые отказались отъ участія въ преніяхъ и не выставили своихъ ораторовъ. За то кадеты, съ присущей имъ послѣдовательностью, забыли о своемъ обѣщаніи, что *всѣ* ихъ фракціонные ораторы не воспользуются правомъ слова по этому вопросу“, и поручили произнесеніе отвѣтственной рѣчи Никольскому, тогда какъ отъ имени соціалъ-демократовъ долженъ

былъ говорить Покровскій, отъ трудовиковъ—Петровъ 3-й, а отъ правыхъ—Замысловскій. Пренія открылись рѣчью представителя фракціи народной свободы, который, хотя и посулилъ „ограничиться немногими словами“, такъ какъ принятіе запроса уже предрѣшено, однако произнесъ довольно обширную рѣчь, въ которой не сказалъ ни единаго слова о незакономѣрности дѣйствій правительства по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ. Онъ указалъ лишь, что изъ 29 извѣстныхъ ему одесскихъ союзовъ 22 были закрыты „за вредное направленіе, нелегальныя брошюры“, подчеркнулъ, что „профессіональные союзы образуются для борьбы съ эксплоатаціей предпринимателей“, а потому, „хозяева интригуютъ противъ нихъ и входятъ въ сношенія съ администраціей, пожаловался, какъ подобаетъ истому кадету, на Союзъ русскаго народа, который желаетъ быть монополистомъ извѣстныхъ предпріятій и, пользуясь покровительствомъ администраціи, изъ-за чистой конкурренціи, притѣсняетъ и тормозитъ профессіональные союзы“, тогда какъ г. Никольскій полагаетъ, что „не нужны придирки, а нужно всячески покровительствовать такимъ союзамъ“. На столь вѣскомъ основаніи фракція народной свободы поддерживала „принятіе этого запроса“.

Соціалъ-демократъ Покровскій, умудренный проваломъ Захарова, перешелъ къ обоснованію обвиненія правительства въ незакономѣрныхъ дѣяніяхъ: „правительство явно становится на сторону промышленниковъ и во имя ихъ интересовъ попираетъ тѣ жалкія права, которыя предоставлены рабочимъ закономъ 4 марта 1906 г. Картина, нарисованная нами, достаточно ясна и ярка, и тѣмъ не менѣе третья Государственная Дума говоритъ, что она не видитъ фактовъ незакономѣрности въ дѣяніяхъ администраціи по отношенію къ рабочимъ союзамъ... Пора отказаться отъ традиціонныхъ взглядовъ, что права гражданства принадлежатъ только баронамъ, графамъ, князьямъ и именитымъ купцамъ. Рабочій въ 1905 г. громогласно провозгласилъ себя гражданиномъ; пролетаріатъ въ моментъ революціи наглядно показалъ всѣмъ, что и онъ играетъ не послѣднюю и не маловажную роль въ *политической* жизни страны. По его мановенію на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи стали желѣзныя дороги, прекратили дѣйствіе почта и телеграфъ, погасло электричество; Премьеръ Ми-

нистръ входилъ въ переговоры съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и Министръ Финансовъ чувствовалъ вліяніе пролетаріата и вліяніе манифеста совѣта рабочихъ депутатовъ по отливу золотой волны изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Не забывайте этого, господа, и не попирайте правъ пролетарія! онъ будетъ бороться и впредь, какъ боролся за возстановленіе своихъ правъ".

Эта программная рѣчь ясно свидѣтельствуетъ, что политическіе разсчеты вожаковъ и главарей, а не экономическія нужды рабочихъ послужили основаніемъ для возбужденія запроса.

Эту мысль особенно ярко и ясно провелъ въ своей прекрасной рѣчи правый Замысловскій, говорившій послѣ трудовика Петрова 3, который ограничился коротенькимъ заявленіемъ, что „трудовая группа будетъ голосовать за принятіе настоящаго запроса, но участіе въ преніяхъ она откладываетъ до того времени, когда получится отвѣтъ отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ".

Замысловскій развилъ точку зрѣнія „правыхъ" на внесенный запросъ и на профессіональные союзы. Онъ заявилъ, что „фракція правыхъ будетъ голосовать противъ принятія запроса, потому что въ тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя приведены его авторами, рѣшительно никакихъ указаній на незакономѣрность не содержится". „Къ профессіональнымъ же союзамъ, какъ таковымъ, фракція относится очень симпатично и всячески желаетъ и готова ихъ поощрять. Но подъ профессіональными союзами надо разумѣть не филіальныя отдѣленія социалъ-демократической организаціи, а союзы для подъема благосостоянія рабочихъ только на экономической почвѣ, для развитія ихъ самодѣятельности. Въ партійной же литературѣ социалъ-демократической рабочей партіи совершенно опредѣленно сказано: надо добиваться открытія союзовъ и ихъ легализаціи; ради этой легализаціи надо идти на всевозможныя уступки, надо быть покладистымъ, не надо спорить съ администраціей и т. д. но, добившись легализаціи, надо твердо помнить, что профессіональные союзы—это союзы для классовой борьбы пролетаріата, *для борьбы политической*, для борьбы по той программѣ, которая начертана социалъ-демократической рабочей партіей *(голосъ слѣва:* **„вѣрно!"**) Разложеніе профессіональ-

ныхъ союзовъ, въ той же партійной литературѣ, объясняется не только угнетеніями администраціи и гоненіями полиціи, но и другими причинами, ибо оно замѣчается и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ притѣсненій, напримѣръ, на Кавказѣ. Въ газетахъ „Голосъ Соціалъ-Демократа“ и „Впередъ“ говорится, что „когда полиція закрыла одинъ изъ профессіональныхъ союзовъ, то всѣ вздохнули облегченно, потому что въ этомъ союзѣ уже было внутреннее гніеніе; причину этому сами соціалъ-демократы усматриваютъ въ томъ, что „прошелъ извѣстный острый политическій моментъ; такъ какъ эти организаціи вовсе не экономическія, а политическія, то съ измѣненіемъ политическаго момента, съ упадкомъ политическаго интереса, начался и упадокъ союзовъ даже тамъ, гдѣ, по сознанію самихъ соціалъ-демократовъ, не было никакихъ репрессій“.

Послѣднее слово, по установившемуся обычаю, было предоставлено Гололобову, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

Гололобовъ. Мое положеніе, г.г. члены Государственной Думы безнадежно. (Голосъ слѣва: „Очень жаль“). Прошлый разъ представитель фракціи союза 17 октября, фракціи, къ которой я имѣю честь принадлежать, заявилъ, что фракція присоединяется къ запросу. Сегодня депутатъ Никольскій даже и разговаривать не сталъ: „принятіе, говоритъ, обезпечено,—что же тутъ говорить, мы въ свое время поговоримъ“. И, господа, я не сталъ бы, дѣйствительно васъ утруждать, да и самъ себя не сталъ бы утруждать, не сталъ бы разговаривать больше, но меня укрѣпило въ этомъ рѣшеніи намѣреніе исполнять свою обязанность до конца, отстаивать возложенныя на меня порученія комиссіей по запросамъ, утверждать и поддерживать, что этотъ запросъ слѣдуетъ отклонить. Меня въ этомъ рѣшеніи укрѣпили ораторы, которыхъ я здѣсь слышалъ и теперь, и въ особенности въ теченіе предшествующихъ дней. Здѣсь были ораторы слѣва такіе, какъ депутатъ Родичевъ, были ораторы той почтенной фракціи, къ которой я принадлежу, были ораторы и слѣва такіе, какъ г. Покровскій. Я конечно, не стану спорить съ г. Покровскимъ: онъ вѣдь утверждаетъ, что каннибальски кровожадное правительство живьемъ глотаетъ невинныхъ младенцевъ въ видѣ представителей оппозиціонныхъ партій, дѣятелей освободительнаго движенія. Я спорить съ этимъ не стану: это очень убѣдительно, мы всѣ въ этомъ убѣждены, убѣждено и само правительство въ этомъ, и я только удивляюсь, какъ оно до сихъ поръ занимаетъ эти кресла, а не уйдетъ отсюда. Не въ этомъ дѣло, а дѣло въ ораторахъ, которые насъ призывали здѣсь къ тому, чтобы соблюдать законъ. И депутатъ Родичевъ. (Голосъ слѣва: „При чемъ тутъ Родичевъ! Родичевъ не говорилъ по за-

просу“)... и мои сочлены по фракціи настойчиво и обстоятельно утверждали, что Государственная Дума должна держаться законности. Вотъ я и думаю, что дѣйствительно Государственной Думѣ прежде всего нужно охранять строго ту почву законности, на которой зиждется ея собственная дѣятельность. Меня больше всего печалитъ и, собственно говоря, побуждаетъ говорить въ настоящее время, то что фракція союза 17 октября, заявляя о томъ, что она присоединяется къ запросу, поступаетъ неправильно. (Смѣхъ слѣва). Я утверждаю, что, по моему мнѣнію, а также по мнѣнію членовъ комиссіи по запросамъ, фракція неправильно понимаетъ этотъ запросъ. Я, г.г. право, можетъ быть, не сталъ бы говорить, потому что вопросъ предрѣшенъ: вы скажете, ну, чего говорить, все равно примутъ. Но, г.г. нужно же непремѣнно разобраться въ этомъ, почему же этотъ запросъ принять, почему же допустить, съ моей точки зрѣнія и съ точки зрѣнія комиссіи по запросамъ, явно неправильное толкованіе закона. Можно сказать, что это надо допустить изъ тактическихъ соображеній, изъ какихъ-нибудь постороннихъ внѣ зависимости отъ пониманія и толкованія законовъ цѣлей. Но, г.г., тактическія соображенія—дѣйствіе такое, которое будетъ явно неправильно съ точки зрѣнія законовъ, это есть мудрствованіе лукавое и въ этомъ случаѣ нужно помнить, что „на всякаго мудреца довольно простоты“. (Смѣхъ слѣва). Если Государственная Дума, въ томъ числѣ фракція союза 17-го октября или какая-нибудь другая, будетъ руководствоваться усмотрѣніями, то я не знаю, какъ мы будемъ нападать на правительство за его усмотрѣнія. Вѣдь съ этой стороны (ораторъ указываетъ налѣво), да и со стороны центра жестоко и вполнѣ справедливо нападаютъ на агентовъ правительства, разъ они дѣйствуютъ не по закону, а по усмотрѣнію. Вѣдь, если этому правительству предъявлять не по закону, а по усмотрѣнію какой-либо запросъ, то вѣдь это самое правительство можетъ напомнить о самоисцѣленіи врача. (Справа голоса: „Браво!“ и рукоплесканія). Вѣдь нужно же заботиться о томъ, чтобы не подавать неправильныхъ примѣровъ? Вѣдь вы представьте себѣ, что если мы въ настоящемъ случаѣ примемъ этотъ запросъ, то создадимъ прецеденты совершенно нежелательные: мы дадимъ поводъ къ предъявленію такихъ запросовъ, которые запроса по своему существу не содержатъ. Мы, вѣдь, превратимъ Государственную Думу, какъ я уже прошлый разъ говорилъ, въ кассаціонную инстанцію. Къ намъ будутъ обращаться со всевозможными жалобами апелляціоннаго и кассаціоннаго характера. Вѣдь если мы въ настоящемъ случаѣ, когда нѣтъ формальныхъ и юридическихъ признаковъ запроса, примемъ запросъ, то какое же будемъ имѣть основаніе отказать въ другомъ случаѣ? Вѣдь если въ настоящее время является не болѣе, не менѣе, какъ жалоба на дѣйствія губернскихъ присутствій по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ, то почему бы намъ не принимать жалобъ и такого же рода запросовъ по поводу дѣйствій присутствія по городскимъ и земскимъ дѣламъ, на дѣйствія присутствія по промысловому налогу, присутствія по воинской повинности. Вѣдь это все равно. Вѣдь если мы дѣйстви-

тельно въ такомъ видѣ будемъ принимать запросы тамъ, гдѣ есть кассаціонная сторона, а ничуть не сторона незаконныхъ дѣйствій правительства, то мы на самомъ дѣлѣ дойдемъ то того, что будемъ вмѣшиваться въ разбирательства судебныхъ дѣлъ. Вѣдь вотъ къ чему это ведетъ. Вы посмотрите, почтенный депутатъ Люцъ заявилъ: фракція союза 17 октября, не соглашаясь съ заключеніемъ комиссіи по запросамъ, присоединяется къ запросу, полагая, что это полезно для того, чтобы развивались общества. Это и я признаю, что полезно, что надо, чтобы развивались общества. Но вы посмотрите, къ чему же присоединяются. Я васъ, г.г., рѣшаюсь все-таки затруднить, потому что для меня чрезвычайно важной является принципіальная сторона вопроса: важно то, чтобы въ лѣтописяхъ, въ аналахъ Государственной Думы не было занесено дѣйствій по усмотрѣнію, отклоненія отъ законныхъ дѣйствій. Вѣдь говорится, что присоединяются къ запросу. Посмотрите, въ чемъ заключается первый запросъ: „извѣстны-ли Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи вышеприведенные факты?“ Позвольте васъ спросить: при чемъ тутъ Министръ Юстиціи? Можетъ быть только при томъ, что какъ депутатъ Покровскій указалъ, Министръ Юстиціи долженъ разъяснять законъ присутствіямъ? Министръ Юстиціи закона не разъясняетъ, а разъясняетъ Сенатъ. Такъ уже одно это, первое показываетъ, какимъ образомъ Дума, въ средѣ которой очень много юристовъ, сдѣлаетъ такую ошибку, какъ принятіе этого запроса, ошибку чисто юридическаго характера. Далѣе, я не буду останавливаться на этомъ. Вѣдь если мы дѣйствительно въ настоящее время примемъ запросъ, то позвольте спросить: что намъ правительство скажетъ? Вы говорите, что закрытіе союзовъ губернскими присутствіями неправильно. Хорошо, а что же вы мнѣ прикажете дѣлать? Что я могу съ этими губернскими присутствіями сдѣлать? Я долженъ имъ предписать не закрывать союзовъ? Такъ вѣдь мнѣ скажутъ присутствія: это не ваше дѣло. Несомнѣнно, я долженъ предписать, несмотря на то, что мнѣ скажутъ—не ваше дѣло: нѣтъ, не смѣйте закрывать, хотя бы вы находили тамъ незаконныя дѣйствія. Да позвольте, г.г., да вѣдь тогда, если дѣйствительно Министры начнутъ предписывать разнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ строго на основаніи закона, произвольныя дѣйствія, предписывать имъ несогласно съ закономъ, то вѣдь этимъ самымъ Министры будутъ совершать незакономѣрныя дѣйствія, и мы, фракція союза 17 октября, и вы, первые, подпишете запросъ о неправильныхъ, незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ Министра, который будетъ требовать незакономѣрныхъ дѣйствій отъ присутствій. Такъ неужели, въ самомъ дѣлѣ, принявши запросъ, мы должны будемъ поставить Министра въ такое положеніе, чтобы онъ сдѣлалъ незаконное дѣйствіе? Вѣдь вы не забывайте того, что Министръ, если мы примемъ запросъ, скажетъ: въ чемъ же дѣло, что я долженъ сдѣлать? Какъ я долженъ заставить эти присутствія рѣшать такъ-то и такъ-то? Вѣдь это Сенатъ имъ разъяснитъ, что по закону они должны дѣйствовать такъ, а пока что я буду дѣлать?

Что мы ему отвѣтимъ? Вы хотите, чтобы онъ, несмотря ни на

что, далъ намъ отвѣтъ по существу? А если онъ намъ не дастъ отвѣта по существу—тогда что? (Смѣхъ). Это возможное дѣло. Тогда что будетъ дѣлать Дума, позвольте васъ спросить? Поэтому, я предлагаю, г.г., прежде чѣмъ голосовать за принятіе запроса, подумать объ этомъ. (Рукоплесканія справа).

Эта вторая рѣчь Гололобова, какъ видно, по существу сходная съ первой, не была, благодаря этому, помѣщена въ газетахъ, тѣмъ болѣе, что большинство 144 голосовъ противъ 92 отклонило докладъ комиссій и запросъ былъ принятъ. Дума перешла къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ очередныхъ дѣлъ и никто не обратилъ большого вниманія въ печати на гололобовскую рѣчь, да и самъ Гололобовъ не придавалъ ей какого-либо особаго значенія, а не бывшіе на засѣданіи члены Думы совершенно даже не знали подробностей ея содержанія. Но Гучковъ и Люцъ сочли себя задѣтыми этой рѣчью и она-то послужила искрой, отъ которой загорѣлся сыръ-боръ, дымъ коего оказался впослѣдствіи столь непріятнымъ для многихъ, въ особенности, лѣвыхъ октябристовъ.

V.

Вполнѣ естественно, что самообожающій „лидеръ октябристовъ“ не могъ забыть выступленія Гололобова, который осмѣлился возражать въ общемъ собраніи Думы противъ фракціоннаго рѣшенія, внушеннаго самимъ непогрѣшимымъ А. И. Гучковымъ! Партійная дисциплина, отожествленная съ покорнымъ послушаніемъ „генію союза 17 октября“ и раболѣпнымъ преклоненіемъ передъ его волею, требовала, чтобы виновный получилъ достойное возмездіе. „Истинный октябристъ“, по пониманію А. И. Гучкова, долженъ быть, прежде всего, почтительнымъ выполнителемъ желаній и преуказаній „лидера“, т. е. отказавшись отъ своего „я“, превратиться въ одну изъ овечекъ „гучковскаго стада“. Это превращеніе со многими уже произошло, а потому въ повременной печати стали уже „октябристовъ“ называть по просту „*гучковцами*“, или „гучковистами“. Такимъ образомъ, политическая партія вырождалась въ секту поклонниковъ одного лица и утрачивала значительную долю общественнаго значенія, но зато, безспорно, выигрывалъ „лидеръ“, удовлетворялось его честолюбіе, его желаніе заставить говорить о себѣ, т. е. та самая черта характера, которая побу-

ждала его ѣздить къ Бурамъ и на Дальній Востокъ, гдѣ для „будущаго премьера“ всетаки мало было данныхъ, воспитывающихъ дѣйствительно крупнаго государственнаго дѣятеля. При такой „подготовкѣ“, конечно, всякое противорѣчіе, а тѣмъ болѣе открытое выступленіе противъ высказаннаго „лидеромъ“ мнѣнія, равносильно было, въ его глазахъ, тяжкому преступленію и требовало суровой кары, дабы и другимъ не повадно было слѣдовать примѣру дерзкаго нарушителя „партійной дисциплины“. Враждебное отношеніе Гучкова къ Гололобову старались подогрѣть и раздуть „лѣвые октябристы“, настаивавшіе на необходимости исключить „черносотенца“ изъ фракціи, по пословицѣ „дурную овцу изъ стада вонъ“.

Желаніе отомстить Гололобову за всѣ его выступленія и стремленіе уничтожить всякое его вліяніе на фракцію переплелись неразрывно въ помыслахъ его враговъ и вотъ началась кампанія, направленная къ изгнанію Гололобова изъ фракціи и устраненію одной изъ помѣхъ къ сближенію центра съ лѣвыми. Въ Государственной Думѣ стали говорить, что бюро фракціи октябристовъ рѣшило обсудить рѣчь Гололобова и принять по ея поводу опредѣленное постановленіе. Сначала на эти толки не обращали вниманія, а Гололобовъ, когда его предупреждали о замыслахъ противниковъ, не хотѣлъ вѣрить возможности суда надъ нимъ за рѣчь, въ которой онъ не находилъ ничего предосудительнаго, ничего неправильнаго. Однако, ему вскорѣ пришлось убѣдиться въ противномъ, такъ какъ къ нему обратился Гучковъ и пригласилъ побесѣдовать наединѣ, какъ „бесѣдуетъ“ снисходительный начальникъ съ провинившимся подчиненнымъ или добрый пастырь съ заблудшей овцой.

Бесѣда началась съ того, что Гучковъ припомнилъ, что онъ не былъ въ Государственной Думѣ при произнесеніи Гололобовымъ его рѣчи, но ознакомившись съ нею по стенограммѣ, былъ пораженъ ею и нашелъ ее крайне оскорбительной для фракціи. На это заявленіе Гололобовъ выразилъ свое глубокое изумленіе, такъ какъ въ рѣчи нѣтъ ничего оскорбительнаго ни для фракціи, ни для кого бы то ни было; произнося рѣчь, онъ не имѣлъ де въ виду кого-либо обидѣть, а просто выполнилъ свою обязанность, какъ докладчикъ, который долженъ былъ отстаивать вполнѣ правиль-

ное, по его мнѣнію, постановленіе комиссіи, а потому и вынужденъ былъ возражать своей фракціи. Тогда Гучковъ призналъ, что, по существу дѣла, рѣчь—правильная, и, соглашаясь, что, можетъ быть, въ ней нѣтъ оскорбительныхъ выраженій, всетаки настаивалъ, что *тонъ* рѣчи, которую онъ не слышалъ, былъ оскорбителенъ. Гололобовъ отвѣтилъ, что о тонѣ онъ спорить не станетъ, ибо опредѣленіе качества тона всегда бываетъ весьма субъективнымъ. Разговоръ постепенно принялъ спокойный и даже мирный характеръ; начались даже „объясненія по душѣ“ о дѣлахъ фракціи, такъ какъ Гололобовъ, будучи человѣкомъ откровеннымъ и искреннимъ, прямо указалъ Гучкову, въ чемъ усматриваетъ ненормальное во фракціи и что, по его разумѣнію, надо предпринять для улучшенія положенія и пользы дѣла. Бесѣда продолжалась почти цѣлый часъ. Гучковъ внимательно слушалъ изліянія Гололобова и даже ему поддакивалъ. Разговоръ законченъ былъ Гучковымъ, который сказалъ Гололобову: „ну теперь мнѣ надо идти въ совѣщаніе бюро; оно будетъ обсуждать вашу рѣчь“.

Вслѣдъ затѣмъ, дѣло было во время перерыва Думскаго засѣданія,—встрѣтившіе Гололобова М. В. Родзянко и П. В. Каменскій, состоявшіе членами бюро, заявили ему, что идутъ на совѣщаніе бюро разсматривать его рѣчь. При этомъ, въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ Думы, Родзянко, со стенограммой рѣчи въ рукѣ, сказалъ: „чрезвычайно удивляюсь, что бюро возбуждаетъ этотъ вопросъ; я и Петръ Валеріевичъ (Каменскій) положительно ничего не находимъ въ вашей рѣчи: ничего въ ней ни обиднаго, ни предосудительнаго нѣтъ. Идемъ васъ защищать“, обратился онъ, смѣясь, къ Гололобову.

Послѣ совѣщанія бюро, въ концѣ думскаго засѣданія Родзянко и Каменскій подошли къ Гололобову и пригласили его выйти въ кулуары для сообщенія постановленія бюро; приглашены были и другіе екатеринославцы проф. М. М. Алексѣенко, Тищенко и Бергманъ, такъ какъ имъ, какъ „землякамъ“ Гололобова, интересно было знать, какой оборотъ принимаетъ дѣло, и ихъ мнѣніе было особенно дорого для Гололобова. Въ присутствіи этихъ лицъ Родзянко и Каменскій заявили Гололобову, что бюро постановило выразить ему порицаніе за его рѣчь; объ этомъ ему объявить

депутація изъ трехъ лицъ, въ число которыхъ назначенъ и Каменскій. Оба они, по ихъ словамъ, защищали Гололобова, но бюро, въ составѣ 10 лицъ, подъ предсѣдательствомъ Гучкова и при участіи въ преніяхъ Люца, всетаки приняло такое постановленіе. Родзянко присовокупилъ, что, хотя онъ попрежнему не находитъ въ разсматриваемой рѣчи ничего достойнаго порицанія, но совѣтуетъ подчиниться постановленію бюро: „скажите депутаціи, что вы подчиняетесь, и все будетъ кончено“. Гололобовъ былъ крайне изумленъ какъ постановленіемъ бюро, принятымъ тотчасъ послѣ столь мирной бесѣды съ Гучковымъ, такъ и совѣтомъ Родзянко—признать себя безъ вины виноватымъ. Но М. М. Алексѣенко, будучи человѣкомъ вполнѣ независимымъ и самостоятельнымъ, тутъ же высказалъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ свое глубокое возмущеніе подобнымъ постановленіемъ бюро: „Какое право имѣетъ бюро выражать порицаніе членамъ фракціи и даже обсуждать ихъ дѣйствія?“ негодующе спрашивалъ онъ. „Бюро можетъ доложить фракціи, которая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ, пожалуй, имѣть сужденіе, но бюро? развѣ оно—начальство? Это—исполнительный органъ и только! Подобное постановленіе возмутительно! Это—жесточайшій деспотизмъ! это—фельдфебельство! При такихъ условіяхъ фракція не можетъ существовать!“ Гололобовъ, вполнѣ соглашаясь съ точкой зрѣнія М. М. Алексѣенко, не могъ допустить и мысли о какомъ-либо подчиненіи рѣшенію самозваннаго трибунала, но изъявилъ готовность написать П. В. Каменскому, для передачи бюро, письмо, въ которомъ выскажетъ свои соображенія, и просилъ, чтобы депутація пока не обращалась къ нему. Каменскій выразилъ согласіе подождать письма.

Уже въ этомъ рѣшеніи бюро нетрудно подмѣтить желаніе поставить Гололобова въ невозможное положеніе: отъ него требовали *подчиненія* рѣшенію, выражавшему ему порицаніе, т. е. зная характеръ осужденнаго, втравливали его въ столкновеніе съ бюро и со всѣми сторонниками послѣдняго. Какъ видно, даже расположенные къ Гололобову люди не придавали особаго значенія этому постановленію, полагая, что все дѣло исчерпывалось заявленіемъ подсудимаго, что онъ подчиняется приговору. Но подчиненіе было бы признаніемъ своей вины и права бюро судить и карать равныхъ

между собой членовъ Думы. Гололобовъ, соглашаясь на „подчиненіе“, тѣмъ самымъ признавалъ себя подчиненнымъ, а Гучкова—начальствомъ. Въ случаѣ же неподчиненія—нарушалъ партійную дисциплину, поднималъ „исторію“ и тѣмъ самымъ вооружалъ противъ себя всѣхъ тѣхъ, кто готовъ былъ на всякія уступки, лишь бы сохранить обликъ могущественной и единодушной партіи центра. „Бунтовщикъ“ возстановлялъ неосвѣдомленное большинство противъ себя, а потому попытался разъяснить, въ чемъ дѣло. Ради этого Гололобовъ и написалъ П. В. Каменскому слѣдующее письмо:

„Многоуважаемый
Петръ Валеріевичъ!

28 февраля Вы и М. В. Родзянко сообщили мнѣ, что Бюро нашей фракціи вошло въ обсужденіе моей рѣчи, произнесенной въ Гос. Думѣ 25 февраля по запросу объ обществахъ и союзахъ, и постановило выразить мнѣ порицаніе, о чемъ меня извѣстятъ уполномоченныя Бюро лица, въ числѣ которыхъ и Вы состоите. (Кажется, такъ я понялъ Ваше сообщеніе). Я вамъ заявилъ, что Бюро слѣдовало бы прежде, чѣмъ постановлять какое-либо рѣшеніе, выслушать мои объясненія, - такъ, по крайней мѣрѣ, поступаютъ повсюду со всякаго рода подсудимыми и обвиняемыми. Вы съ этимъ согласились и обѣщали передать Бюро мое заявленіе.

Теперь я нахожу цѣлесообразнымъ высказать мой взглядъ на это дѣло и мое отношеніе къ нему письменно,—это будетъ удобнѣе, такъ какъ письменное изложеніе будетъ имѣть опредѣленно и болѣе кратко выраженную форму, и притомъ сдѣлать это заранѣе, во избѣжаніе, можетъ быть, излишнихъ разговоровъ и напрасной траты времени, столь необходимаго намъ, членамъ Думы, для серьезныхъ занятій.

Прежде всего я категорически заявляю, что въ своей рѣчи я не нахожу ничего такого, за что мнѣ слѣдовало бы выразить порицаніе, замѣчаніе и вообще осужденіе въ какой бы то ни было формѣ. Осужденіе, не говорю уже о рѣзкой его формѣ—порицаніи, можетъ быть выражено за такіе поступки, которые не согласны съ общепринятыми правилами морали,—моя рѣчь ничего подобнаго собою не представляетъ. Осужденію можетъ быть подвергнутъ также поступокъ, не согласный съ профессіональной этикой,—въ настоящемъ случаѣ этого тоже нѣтъ. Могутъ быть также нарушаемы правила или установившіеся обычаи обществъ, корпорацій, клубовъ, правилъ всѣмъ ихъ членамъ, разумѣется, заранѣе извѣстныхъ,—но и этого здѣсь нѣтъ. Я признаю, что моя рѣчь можетъ не нравиться, и мнѣ извѣстно, что она многимъ октябристамъ не нравится, но мнѣ также извѣстно, что она многимъ октябристамъ же нравится, они находятъ ее справедливой и правильной. Вы сами мнѣ говорили, что не находите въ моей рѣчи ничего предосудительнаго. Такъ же говорилъ и М. В. Род-

зянко. По мнѣнію нѣкоторыхъ, такую рѣчь не слѣдовало бы произносить,—не стану спорить, хотя существуетъ и противоположное мнѣніе, но чтобы порицаніе выражать за такую рѣчь,—извините меня,—это—несообразность.

Перехожу къ вопросу о томъ, въ правѣ ли Бюро выражать кому либо изъ членовъ фракціи порицаніе. По этому поводу не буду говорить отъ себя, а напомню вамъ мнѣніе присутствовавшаго при нашемъ разговорѣ октябриста, человѣка науки, глубоко нами и всей фракціей уважаемаго (имени его не стану называть). Онъ не на сторонѣ моей рѣчи, но онъ горячо и энергично высказалъ свое глубокое возмущеніе поступкомъ Бюро. Онъ не допускаетъ и мысли, чтобы Бюро могло выразить порицаніе, онъ назвалъ это „жесточайшимъ деспотизмомъ", при которомъ фракція не можетъ существовать. Онъ считаетъ, что назначеніе Бюро не начальствовать, а быть исполнительнымъ органомъ. Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, нельзя не согласиться, и остается только пожалѣть, что осудившіе меня члены Бюро упустили это изъ виду. Въ силу изложеннаго, вполнѣ справедливаго соображенія, рѣшеніе Бюро о выраженіи мнѣ порицанія, а равно всякое другое рѣшеніе въ этомъ смыслѣ я считаю не состоятельнымъ и не имѣющимъ никакого значенія, а потому заявляю, что съ уполномоченными Бюро, какъ таковыми, и съ самимъ Бюро, ни въ какія объясненія вступать не желаю и прошу меня отъ нихъ избавить. Само собою разумѣется, что я ничуть не отказываюсь отъ бесѣды съ кѣмъ угодно изъ октябристовъ и вообще членовъ Думы о моей рѣчи и о чемъ угодно.

Что касается вопроса о правѣ фракціи выражать осужденіе своимъ членамъ, то я это право признаю, такъ какъ фракція представляетъ собою видъ корпораціи. Но при настоящемъ положеніи фракцій, дѣйствующихъ безъ уставовъ, наказовъ, опредѣленныхъ правилъ и даже, за кратковременностью существованія, безъ какихъ либо обычаевъ, осужденіе члена можетъ имѣть мѣсто лишь за явное нарушеніе общепринятыхъ, безспорныхъ правилъ морали. Въ настоящемъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, этого нѣтъ, значитъ, и осужденія мнѣ за рѣчь быть не можетъ.

Нѣкоторые говорятъ, что моя рѣчь направлена противъ фракціи и въ этомъ отношеніи фракція можетъ ее обсуждать. Противъ разсмотрѣнія рѣчи на этой почвѣ ничего не имѣю и въ разъясненіе скажу, что рѣчь не направлена противъ фракціи, а носитъ только полемическій характеръ со всѣми сторонниками принятія запроса, въ томъ числѣ упоминалась и фракція октябристовъ. При этомъ необходимо замѣтить, что рѣшеніе о принятіи запроса 8 или 9 октябристовъ изъ числа 13 человѣкъ, собравшихся за 10 минутъ передъ его обсужденіемъ, нельзя считать, какъ бы ни смотрѣть, рѣшеніемъ фракціи. При такихъ условіяхъ, при лишеніи меня возможности высказать передъ фракціей въ обыкновенномъ ея составѣ соображенія, которыя могли убѣдить ее не принимать, явно неправильнаго, по моему мнѣнію, рѣшенія, мнѣ ничего не оставалось, какъ только высказать свои соображенія съ трибуны, тѣмъ болѣе, что я обязанъ

былъ, какъ докладчикъ, защищать постановленіе комиссіи по запросамъ, хотя бы съ нимъ и дѣйствительно не соглашалась вся фракція. Мнѣ говорятъ, что некогда было заблаговременно и при болѣе многочисленномъ составѣ фракціи разсмотрѣть вопросъ, но, во-первыхъ, я въ этомъ не виноватъ, а, во-вторыхъ, это не такъ: запросъ о союзахъ ставился на повѣстку нѣсколько разъ еще до Рождественскихъ каникулъ. Мнѣ говорятъ, наконецъ, что если и нѣтъ предосудительнаго въ моей рѣчи, то тонъ ея неподходящій. На это возражать не стану, можетъ быть, по мнѣнію кого-либо тонъ и неподходящій, но это уже субъективный взглядъ, то самое, о чемъ уже мною сказано: однимъ нравится рѣчь, другимъ не нравится. Фракція же, какъ корпорація, какъ своего рода учрежденіе, не имѣетъ основаній, не имѣетъ критерія для опредѣленія тона рѣчей или ихъ фракціоннаго качества. Не буду останавливаться на томъ, насколько принципіально допустимо такое опредѣленіе рѣчей, но если признать это допустимымъ, то необходимо заранѣе установить нормы для рѣчей, извѣстные предѣлы и заранѣе извѣстить членовъ фракціи, что и въ какихъ предѣлахъ можно говорить, и затѣмъ уже въ случаѣ несоблюденія нормъ, опредѣлять то или иное отношеніе фракціи къ рѣчи. При отсутствіи же такихъ нормъ, при отсутствіи даже болѣе или менѣе установившагося мнѣнія во фракціи, входить въ разборъ рѣчи, опредѣлять ея тонъ, а тѣмъ паче осужденіе выражать за тонъ фракція едва ли можетъ, иначе это будетъ даже не предварительная, а послѣдовательная цензура, на основаніи генералъ-губернаторскихъ усмотрѣній.

Не думаю, чтобы вопросъ о моей рѣчи поступилъ на разсмотрѣніе фракціи, ибо поводовъ для этого я не вижу, но если бы осудившіе меня члены Бюро стали добиваться и добились бы этого, то въ такомъ случаѣ считаю справедливымъ и необходимымъ, чтобы до разсмотрѣнія вопроса во фракціи всѣмъ членамъ ея были вручены стенограммы моей рѣчи и настоящее письмо, выражающее мое объясненіе, безъ котораго не можетъ быть разсмотрѣнія дѣла. Ограничиться обыкновеннымъ способомъ разсмотрѣнія дѣлъ—сколько бы ни пришло членовъ, тѣ и рѣшаютъ,—въ настоящемъ случаѣ нельзя, такъ какъ здѣсь дѣло, хотя и не важное по существу, но имѣющее принципіальное значеніе и притомъ личнаго характера. Мнѣніе по дѣлу должно быть выражено непремѣнно каждымъ членомъ фракціи поименно, необходимо выяснить, какъ смотритъ на такое дѣло каждый членъ, ибо сегодня судятъ меня за рѣчь, а завтра начнутъ судить тоже за рѣчь или за что другое кого-либо еще. Наконецъ, результатомъ разсмотрѣнія моей рѣчи можетъ быть только установленіе какихъ-нибудь правилъ на будущее время, но никоимъ образомъ не осужденіе меня въ какой бы то ни было формѣ. По приведеннымъ соображеніямъ я и мысли объ этомъ не могу допустить. Выражаемому фракціею осужденію своего члена, хотя бы въ формѣ неодобренія, не говорю уже о порицаніи, я придаю вообще серьезное принципіальное значеніе. Если кому-либо выражено осужденіе, даже въ самой легчайшей степени, то этимъ, слѣдовательно, установлено

его неправильное поведеніе, его некорректность, словомъ, его неправота; затѣмъ установленіе его неправоты не можетъ ограничиться только средой фракціи, потому что лицо, являющееся неправымъ, какъ членъ фракціи, не можетъ уже быть правымъ, какъ членъ Думы. А это значитъ, что члена Думы, признаннаго фракціей неправымъ почему бы то ни было, Дума, его избиратели и кругъ населенія, представителемъ котораго онъ состоитъ, и, наконецъ, все общество могутъ расцѣнивать, какъ члена Думы, не удовлетворяющаго своему назначенію, не стоящаго на высотѣ положенія. Изъ этого само собою вытекаетъ, что въ виду важности такого вывода, въ виду того, что такимъ путемъ создается репутація членовъ Думы, членъ Думы, не признающій правильнымъ осужденіе фракціи, не только можетъ, но и долженъ въ огражденіе себя перенести вопросъ въ среду всѣхъ вообще членовъ Думы тѣмъ или инымъ способомъ, а равно и на судъ общественнаго мнѣнія при помощи печати.

Предоставляю судить помышляющимъ о передачѣ вопроса о моей рѣчи на обсужденіе фракціи рѣшить, убѣждены ли они, такъ же, какъ я, въ своей правотѣ и будетъ ли на ихъ сторонѣ общественное мнѣніе? Не будетъ ли признано, что стоящіе за свободу слова октябристы покушаются на свободу слова своихъ сочленовъ? И удобно ли руководящей Думской фракціи, направляющей до извѣстной степени судьбы Россіи, создавать подобнаго рода инциденты, тратить время на такого рода занятія? Не лучше ли остановиться и прекратить въ Бюро разговоры о моей рѣчи? Говорю это совершенно искренно, въ интересахъ нашей фракціи.

Вотъ что я хотѣлъ пока сказать и на этомъ могъ бы закончить письмо, если бы М. В. Родзянко тогда же, при нашемъ розговорѣ, не передалъ мнѣ, что въ Бюро высказаны были обвиненія меня въ намѣреніи разрушить.... не государство, а только пока фракцію. По словамъ М. В., какіе-то члены Бюро утверждали, что я веду тайную политику или интригу, чтобы учинить расколъ фракціи и увести кого-то къ умѣренно-правымъ, причемъ въ доказательство обѣщали назвать членовъ Думы, которыхъ я совращалъ на это преступное дѣло. Чтобы помочь обвинителямъ въ ихъ „разслѣдованіи“ (стѣсняюсь назвать иначе), я заявляю, что дѣйствительно говорилъ и говорю о неудовлетворительности взаимоотношенія членовъ нашей фракціи при рѣшеніи многихъ вопросовъ и о недостаткахъ нашей организаціи, вытекающихъ изъ различія взглядовъ, а также о необходимости урегулировать внутренніе порядки фракціи. Объ этомъ давно говорили и говорятъ; не я одинъ, а многіе члены фракціи; объ этомъ говорили при выборахъ членовъ Бюро въ прошломъ и нынѣшнемъ году открыто въ засѣданіи фракціи А. И. Гучковъ, М. В. Родзянко и многіе, въ томъ числѣ и я. Признано всѣми, что во фракціи существуютъ двѣ и даже три группы: лѣвыхъ, центра и правыхъ; неизбѣжно возникаетъ вопросъ о нормированіи отношеній между ними, чтобы не было никакого давленія, иногда весьма тягостнаго, путемъ какого либо разграниченія. По этому поводу не далѣе, какъ 28 февраля А. И. Гучковъ самъ со мною заговорилъ, и я ему высказалъ нѣсколько

соображенiй о мѣрахъ, которыя послужили бы не къ расколу, а къ укрѣпленiю фракцiи. О раздѣленiи фракцiи и объ уходѣ къ правымъ или еще куда-нибудь никто не говоритъ. Да и разговоръ такой я считаю безсмысленнымъ. Почему мнѣ или другому правому октябристу нужно уходить къ правымъ, а М. Я. Капустину или другому лѣвому октябристу не нужно уходить къ кадетамъ? Какъ мы, такъ и они въ общемъ октябристы. И я даже всегда утверждалъ, что мы то и есть настоящiе октябристы, болѣе устойчивые и выражающiе правильнѣе отношенiе неоппозицiоннаго населенiя къ Манифесту 17 октября. Поэтому мы ничуть не помышляемъ и никогда не помышляли изъ своей хаты уходить въ чужую,—пусть уходятъ лѣвые, если хотятъ.

Вотъ вся моя интрига и все покушенiе на разрушенiе фракцiи. Вы и другiе мои земляки знаете меня давно и знаете, что въ интриганы я не гожусь—слишкомъ я прямой и открытый (иногда во вредъ себѣ) человѣкъ. О тѣхъ мѣрахъ, которыя во внутреннемъ устройствѣ фракцiи слѣдовало бы предпринять для ея же пользы и укрѣпленiя, я здѣсь распространяться не стану; объ этомъ я изготовлю записку и предложу вниманiю нашей фракцiи.

Настоящее письмо прошу Васъ доложить членамъ Бюро и предсѣдателю фракцiи А. И. Гучкову.

Простите за безпокойство.

Съ истиннымъ почтенiемъ Я. Гололобовъ".

Этотъ очень благоразумный шагъ Гололобова склонилъ чашку вѣсовъ въ его пользу: письмо произвело сильное впечатлѣнiе и вызвало множество толковъ и разсужденiй, въ общемъ не благопрiятныхъ для бюро. Члены его принялись утверждать, что постановленiя о выраженiи порицанiя Гололобову не было и что сообщившiе ему объ этомъ постановленiи члены Государственной Думы Родзянко и Каменскiй ошиблись. Вполнѣ понятно, однако, что у Гучкова и его наперсниковъ, равно какъ у всѣхъ лѣвыхъ октябристовъ, письмо вызвало сильнѣйшее озлобленiе и они начали настаивать на перенесенiи дѣла на разсмотрѣнiе всей фракцiи. Болѣе благоразумные и не столь ослѣпленные страстью „октябристы" считали эту мѣру совершенно излишней и чреватой нежелательными послѣдствiями. Многiе находили всю эту исторiю слишкомъ раздутой и не заслуживающей вниманiя, полагая, что бюро не дойдетъ до суда надъ Гололобовымъ во фракцiи, ибо это подчеркнетъ лишь мелочность заправилъ, которые на несуразное дѣло отнимаютъ время, необходимое для отвѣтственной государственной работы. Не одни октябристы оживленно толковали о странномъ образѣ дѣйствiй А. И. Гучкова; всѣ члены Думы и представители печати за-

интересовались этимъ „случаемъ“, ибо онъ имѣлъ особую подкладку и выяснялъ даже для неособенно проницательныхъ удѣльный вѣсъ и дѣйствительный обликъ „лидера октябристовъ“. Происходили горячіе споры, при чемъ одни утверждали, что А. И. Гучковъ, какъ „государственный человѣкъ крупнаго калибра“, не станетъ копаться и не заставитъ другихъ рыться въ ничтожныхъ дрязгахъ, тогда какъ другіе настаивали, что Гучковъ въ данныхъ условіяхъ какъ разъ покажетъ себя въ настоящемъ видѣ, ибо въ сущности онъ говоритъ Гололобову: „слышь, что моя нога говоритъ“.

VI.

Недоумѣнія были вскорѣ разсѣяны ближайшимъ очереднымъ засѣданіемъ фракціи октябристовъ; имъ была разослана повѣстка, на которой коротко значилось: „текущія дѣла“. Такъ обычно обозначается разсмотрѣніе мелкихъ вопросовъ, не представляющихъ ничего важнаго для думской жизни. На такія засѣданія собираются лишь самые аккуратные члены фракціи и притомъ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Занятые срочной думской работой обыкновенно не расточаютъ на пустяки дорогого времени и не появляются на разсмотрѣніи „текущихъ дѣлъ“. Получивъ повѣстку, Гололобовъ, имѣя на рукахъ много очередной работы, въ свою очередь рѣшилъ не идти на засѣданіе, но за часъ до его начала получилъ записку отъ Гучкова съ просьбой повидаться до засѣданія. Дѣлать нечего, пришлось ѣхать, ибо приглашеніе могло имѣть въ виду какой-нибудь важный для сложной думской жизни вопросъ. Прибывъ въ помѣщеніе фракціи, Гололобовъ засталъ тамъ уже ожидавшаго Гучкова и имѣлъ съ нимъ такой разговоръ:

— „Хотя вы, началъ А. И. Гучковъ, и пишете въ своемъ письмѣ, что не желаете говорить съ уполномоченными бюро по поводу вашей рѣчи, но я все-таки считаю нужнымъ поговорить съ вами: какъ же вы думаете, что дальше будетъ?“

— „Въ чемъ же дѣло, Александръ Ивановичъ? Я не понимаю“, спросилъ Гололобовъ.

— „Видите-ли, вамъ неправильно передали, что бюро постановило выразить вамъ порицаніе: такого постановленія не было, но бюро признаетъ тонъ вашей рѣчи неподходящимъ“.

— „Но мы говорили уже о тонѣ и я не буду оспаривать, что тонъ рѣчи однимъ можетъ не нравиться, а другіе находятъ его подходящимъ, такъ какъ онъ имъ нравится. Это мнѣ многіе говорили. Называть этихъ лицъ я не стану“, сказалъ Гололобовъ: „но вы нѣкоторыхъ знаете, а всѣмъ не угодишь“...

— „Что-же вы, все-таки, думаете дѣлать?“ продолжалъ Гучковъ.

— „А что-же мнѣ дѣлать?“

— „Вы не намѣрены переносить вопросъ во фракцію?“

— „Я? удивился Гололобовъ,—почему-же я-то буду переносить? Я вѣдь не возбуждалъ дѣла и, если постановленія о порицаніи мнѣ не было, то съ какой-же стати я буду переносить дѣло во фракцію?“

— „Да, да, это такъ!“ согласился Гучковъ. „Значитъ вы считаете вопросъ исчерпаннымъ и готовы дѣло ликвидировать?“ спросилъ онъ Гололобова.

— „Готовъ, конечно“, отвѣчалъ тотъ. „Повторяю: я его не возбуждалъ и считаю, что и бюро напрасно возбудило“.

Поговорили еще такъ-же спокойно и даже, повидимому, дружелюбно.

— „Итакъ, значитъ, будемъ считать дѣло законченнымъ“ сказалъ Гучковъ. „Я такъ и доложу сейчасъ во фракціи“.

— „Хорошо! Я, слѣдовательно, могу говорить, что дѣло кончено и могу ссылаться на васъ, Александръ Ивановичъ, при разговорѣ?“

— „Можете, можете ссылаться на меня!“

— „Ну такъ до свиданья! Скажите, впрочемъ, Александръ Ивановичъ, что сегодня будетъ во фракціи? Я хотѣлъ бы уѣхать домой“...

— „Ничего особеннаго не будетъ, свободно можно уѣхать!“

Распрощались, Гололобовъ уѣхалъ, спокойно проработалъ вечеръ, на утро является въ Думу и вдругъ тамъ узнаетъ, что во вчерашнемъ засѣданіи фракціи, подъ предсѣдательствомъ Гучкова, разсматривался вопросъ о „гололобовской рѣчи“ по письменному заявленію крестьянина-октябриста Кузовкова, который подалъ въ бюро выраженіе неудовольствія тономъ рѣчи Гололобова. Это заявленіе было

подано ранѣе описаннаго разговора между Гучковымъ и Гололобовымъ. Разумѣется, Гучковъ, какъ предсѣдатель, не могъ не знать о подачѣ такой „бумаги" и это придаетъ особый отпечатокъ его „дружественной бесѣдѣ" съ Гололобовымъ: такъ паукъ „бесѣдуетъ" съ мухой, попавшей въ его тенета, такъ усыпляютъ всякія подозрѣнія мастера интриги, чтобъ вѣрнѣе нанести чувствительный ударъ успокоенной жертвѣ.

Однако, коварный замыселъ, въ отсутствіи Гололобова поставить его дѣло передъ неподготовленной и неосвѣдомленной фракціей и, воспользовавшись общей растерянностью, заставить ее принять продиктованное рѣшеніе не удался: „правыхъ октябристовъ" и добросовѣстныхъ людей оказалось во фракціи больше, чѣмъ разсчитывалъ А. И. Гучковъ, и они не допустили разсмотрѣнія заявленія Кузовкова по существу, потребовавъ, чтобы вопросъ о немъ былъ назначенъ на слѣдующее засѣданіе и предварительно поставленъ на повѣстку.

Такой оборотъ дѣла привлекъ еще болѣе вниманія: какъ во фракціяхъ, такъ и въ печати заговорили о „гололобовскомъ инцидентѣ". Такъ окрестили его для краткости въ газетахъ, сообщая даже въ особыхъ телеграммахъ о его дальнѣйшемъ теченіи. Никто, конечно, не вѣрилъ, что малограмотный Кузовковъ, тотъ самый крестьянинъ, который съ думской трибуны упрекалъ другого крестьянина—Мерзлякова за то, что тотъ на депутатское жалованье купилъ себѣ шубу за двѣсти рублей и отростилъ „пузо", по собственному побужденію выступилъ блюстителемъ хорошаго „тона" и подалъ заявленіе, обидѣвшись за фракцію. Всякій видѣлъ, что бюро, т. е. Гучковъ и К°, желая во чтобы то ни стало раздуть гололобовское дѣло перенесеніемъ его во фракцію на разсмотрѣніе общаго собранія думскихъ „октябристовъ и примыкающихъ", прикрылись мужичкомъ вмѣсто фиговаго листа, получивъ возможность говорить: „это-де не мы, а Кузовковъ заводитъ исторію и завариваетъ кашу".

Столь недостойный пріемъ нашелъ рѣдкое по единодушію осужденіе въ печати и лѣвыя газеты, не долюбливавшія и даже травившія „праваго октябриста и черносотенца" Гололобова, все-таки не могли одобрить поведенія Гучкова и его сподвижниковъ. Для всѣхъ было очевидно,

что эта почтенная фирма хочетъ, чтобы фракція или исключила Гололобова изъ своего состава, или вынесла бы ему порицаніе за рѣчь и тѣмъ самымъ вынудила бы его уйти изъ фракціи и очистить широкое поле для осуществленія задуманнаго „сдвига влѣво". По сообщеніямъ газетныхъ репортеровъ, „лѣвые октябристы"—кн. Куракинъ, кн. Голицынъ, Искрицкій и другіе, прямо заявляли имъ, что стремятся къ тому, чтобы избавить фракцію отъ Гололобова и еще нѣсколькихъ правыхъ членовъ. Повидимому, Гололобовъ мѣшалъ больше другихъ, какъ открытый противникъ сближенія съ кадетами, и потому поставленъ былъ въ первую очередь. Его противники надѣялись, что съ уходомъ Гололобова изъ фракціи и двухъ-трехъ „правыхъ", если бы они ушли вслѣдъ за нимъ, можно будетъ уже свободно, безъ особыхъ препятствій бросить фракцію въ распростертыя объятія лѣвыхъ, для слiянія явныхъ и тайныхъ, первосортныхъ и второсортныхъ кадетовъ въ одну партію—конституціоннаго центра, который, пренебрегая безсильными, по малочисленности членовъ, крыльями, забралъ бы въ свои руки дѣйствительную власть въ Думѣ и подчинилъ бы своему вліянію правительство. Но на этотъ разъ Гучковъ и К° ошиблись въ оцѣнкѣ своихъ силъ, ибо они никакъ не ожидали, что на защиту Гололобова возстанетъ такъ много членовъ фракціи, вдобавокъ весьма не сходныхъ по своей политической окраскѣ.

Когда поставлено было на повѣстку обсужденіе дѣла Гололобова, то на фракціонное засѣданіе собралось 123 чел. изъ 139, т. е. почти вся фракція. Докладчикомъ отъ имени бюро и обвинителемъ выступилъ самъ А. И. Гучковъ, но его прокурорская рѣчь не отличалась убѣдительностью и не склонила собравшихся къ признанію тяжкой вины Гололобова. Послѣ доклада бюро записалось 24 оратора. Первымъ началъ говорить баронъ Черкасовъ, горячо защищавшій Гололобова и доказывавшій отсутствіе поводовъ къ порицанію или какому-либо осужденію его рѣчи. Вѣскія слова барона Черкасова раздражили лѣвыхъ октябристовъ, въ особенности фонъ-Анрепа, который, по свидѣтельству присутствовавшихъ, прямо „рычалъ" отъ злости во время защитительной рѣчи. Вслѣдъ за барономъ Черкасовымъ высказались другіе защитники Гололобова, признававшіе его полез-

нымъ членомъ фракціи и хорошимъ работникомъ. Говорили за Гололобова Шубинской, Матюнинъ, Шейдеманъ, Скоропадскій, Половцевъ, Гриммъ, Потуловъ и даже „лѣвые октябристы"—Хвощинскій и Капустинъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели рѣчи Шубинскаго и Матюнина. Противъ Гололобова выступили Звегинцевъ и Опочининъ, требовавшіе исключенія его изъ фракціи, Шидловскій и другіе, но доводы ихъ были совершенно разбиты „правыми", которыхъ оказалось значительное большинство, какъ въ спискѣ ораторовъ, такъ и въ средѣ присутствовавшихъ. Если бы голосованіе произошло въ тотъ же день, то, несомнѣнно, враги Гололобова были бы посрамлены и фракція высказалась бы въ благопріятномъ для него смыслѣ, такъ какъ успѣхъ и перевѣсъ явно былъ на сторонѣ его защитниковъ. Но за позднимъ временемъ не всѣ ораторы высказались и рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія.

На другой день Дума и печать заговорили о полной побѣдѣ правыхъ. Не бывшаго на засѣданіи Гололобова поздравляли съ достигнутымъ его защитниками успѣхомъ. Въ сообщеніяхъ лѣвыхъ газетъ зазвучали робкія нотки въ виду „поправѣнія октябристовъ" и возможнаго образованія „праваго большинства" вмѣсто „конституціоннаго центра". Положеніе А. И. Гучкова пошатнулось и понадобились чрезвычайныя усилія для его укрѣпленія. Нужно было спасать хитро-задуманный планъ отъ полнаго провала и во чтобы то ни стало одержать верхъ. И вотъ сторонники Гучкова и К° стали доказывать „правымъ октябристамъ", что не стоитъ „изъ-за такого пустяка" играть судьбой всей фракціи, которой, при такихъ условіяхъ, грозитъ распадъ и расколъ со всѣми ихъ послѣдствіями, т. е. гибелью думскаго руководящаго центра, на который-де опирается Столыпинъ и правительство. Тогда Дума потеряетъ-де способность и возможность работать и будетъ непремѣнно распущена.

Надо замѣтить, что къ такому пріему, и не безъ успѣха, очень часто прибѣгали Гучковъ и К°, ссылаясь на заявленія Столыпина, настроеніе сферъ и даже Царскаго Села. Рядовые члены Думы, стоявшіе вдали отъ „большой политики", должны были слѣпо имъ вѣрить, ибо не имѣли никакой возможности провѣрить „новостей изъ сферъ", передаваемыхъ намеками, съ таинственнымъ видомъ, по одиночкѣ и

подъ большимъ секретомъ наиболѣе болтливымъ членамъ фракціи, которые уже и оповѣщали всѣхъ съ видомъ величайшей освѣдомленности. Огорошенные „новостями“ рядовые бѣжали къ „лидерамъ“ съ распросами по поводу полученныхъ отъ болтуновъ свѣдѣній, а лидеры многозначительно помалкивали, поджимали губы и давали понять, что знаютъ еще больше, еще вѣрнѣе и, что ихъ свѣдѣнія еще тревожнѣе. Въ одну минуту распространяется слухъ, что Александръ Ивановичъ получилъ „изъ сферъ“, а то и попросту „отъ Столыпина“, увѣдомленіе, что Дума виситъ на волоскѣ и ее можетъ спасти только безусловное выполненіе предначертаній, полученныхъ самимъ Гучковымъ. Кто тамъ узнаетъ, были-ли дѣйствительно даны эти „предначертанія“, а обаяніе лидера возрастаетъ и на него смотрятъ какъ на спасителя Думы, а, слѣдовательно, и весьма интереснаго для многихъ „довольствія“. Поэтому упорные слухи о близкомъ роспускѣ Думы дѣйствуютъ весьма охлаждающимъ образомъ на разыгравшіяся страсти, ибо всѣ случайные „народные представители“, а такихъ не мало, отлично понимаютъ, что въ другой разъ не попадутъ въ Таврическій Дворецъ, и это заставляетъ ихъ всячески тянуть свое въ немъ пребываніе, дающее имъ положеніе и крупный окладъ, тогда какъ послѣ роспуска Думы ихъ ждетъ „первобытное ничтожество“. Другіе не желаютъ роспуска по инымъ, болѣе возвышеннымъ побужденіямъ, ибо понимаютъ, что новые выборы сулятъ крупныя неожиданности, такъ какъ политиканство „лидеровъ“ сдѣлало безплодной работу третьей Думы, не оправдавшей возложенныхъ на нее надеждъ. Избирательная борьба, при такихъ условіяхъ, можетъ закончиться побѣдой крайнихъ элементовъ, ибо извѣрившееся общество не станетъ принимать въ выборахъ дѣятельнаго участія. Поэтому надо дать Думѣ время показать себя, проявить созидательную, творческую и преобразовательную дѣятельность. Разъ Дума удовлетворитъ назрѣвшимъ запросамъ, то роспускъ ея не страшенъ, ибо верхъ возьмутъ опять сторонники мирной работы и противники революціоннаго насилія, какъ бы они ни назывались. Но пока еще „ничего“ не сдѣлано и надо отдалять роспускъ, посильно работая надъ обновленіемъ родины.

Вотъ почему въ Думѣ стали особо прислушиваться къ

толкамъ о близкомъ роспускѣ и звѣзда мага и кудесника, А. И. Гучкова, стала опять блистать, какъ путеводительница въ запутанномъ и темномъ для рядовыхъ членовъ политическомъ лабиринтѣ. Недовольствуясь распространенiемъ такихъ тревожныхъ слуховъ, гучковцы стали указывать на необходимость дать бюро выходъ изъ неловкаго положенiя и тѣмъ спасти самого Гололобова, путемъ компромисса заставивъ членовъ бюро отказаться отъ требованiя исключить Гололобова изъ фракцiи. Кромѣ того, какъ послѣднiй козырь, пущенъ былъ настойчивый слухъ, что Гучковъ уйдетъ изъ фракцiи, если она не вынесетъ, хотя бы въ весьма смягченномъ видѣ, порицанiя Гололобову. Стало быть, гучковцы предлагали на выборъ, отдать-ли предпочтенiе А. И. Гучкову, отъ котораго многiе ожидали великихъ и богатыхъ милостей въ будущемъ, или Я. Г. Гололобову, на коего искусно набрасывалась тѣнь распространенiемъ слуховъ, будто онъ находится въ какихъ-то „особыхъ сношенiяхъ съ Министерствомъ“, а потому и „всегда поддерживаетъ правительство“. По октябристской этикѣ „въ особыхъ сношенiяхъ съ Министерствомъ“ могъ быть прежде всего „самъ“ А. И. Гучковъ и другiе „младшiе боги“ октябристскаго Парнаса. Остальной же братiи не полагалось самостоятельно сноситься съ правительствомъ, ибо тогда рухнула бы легенда о нарочитой освѣдомленности лидеровъ и сугубомъ довѣрiи, оказываемомъ только А. И. Гучкову. И вотъ о Гололобовѣ пускаютъ темные слухи, намеки на что-то „провокацiонное“, неуловимое, но марающее. Простаки вѣрятъ всякому вздору и даже на фракцiонномъ засѣданiи одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ на основанiи столь нелѣпыхъ сплетенъ произнести обвинительную рѣчь противъ Гололобова, якобы стремящагося, по особымъ соображенiямъ, разрушить созданную съ такимъ трудомъ А. И. Гучковымъ фракцiю.

Всѣми этими толками и прiемами Гучковцы, въ общемъ, сильно повлiяли на настроенiе фракцiи; „правые октябристы“ не хотѣли взять на себя отвѣтственность за развалъ партiи, неизбѣжно связанный съ удаленiемъ „лидера“ отъ руководства дѣлами, и стали изыскивать способы „улацить непрiятный инцидентъ“. Особенное старанiе проявилъ М. В. Родзянко, обратившiйся, въ качествѣ земляка, къ Гололо-

бову съ настойчивой просьбой закрѣпить за собой и за правыми октябристами одержанную на засѣданіи фракціи побѣду, спасти фракцію отъ распада, а вмѣстѣ съ тѣмъ „Думу отъ роспуска, а Россію отъ гибели“. Чтобъ избѣжать всѣхъ этихъ грозныхъ событій требовалось только написать Гучкову или даже бюро фракціи, что онъ, Гололобовъ, *сожалѣетъ* о произнесеніи имъ въ Думѣ извѣстной рѣчи—„тогда все уладится и все будетъ кончено“: лидеръ останется, Думу не распустятъ и Россія спасется! Но Гололобовъ удивился такому обороту дѣла и отказался исполнить совѣтъ земляка, не находя основаній для „сожалѣнія“ по поводу исполненія своихъ обязанностей. На усиленныя просьбы и заклинанія „во имя стараго знакомства“, „пріятельскихъ отношеній“ и проч. послѣдовать „дружескому совѣту“, Гололобовъ заявилъ, что онъ „скорѣе откажется отъ званія члена Государственной Думы, но не напишетъ такого несообразнаго письма“. Вслѣдъ за М. В. Родзянко къ Гололобову приступили его искренніе друзья и единомышленники, горячо защищавшіе его во фракціи. Они въ свою очередь стали уговаривать его, ради закрѣпленія побѣды правыхъ, ради спасенія фракціи пойти на уступки, написать извинительное письмо и этимъ проявить свое „благородство“. Вмѣстѣ съ тѣмъ друзья сообщили Гололобову, что теперь его уже не винятъ за рѣчь, ибо доказано, что въ ней нѣтъ ничего оскорбительнаго, а обвиняютъ за письмо къ Каменскому, которое признаютъ рѣзкимъ по отношенію къ бюро. Однако еще недавно это письмо одобряли и находили его вполнѣ основательнымъ и „правильнымъ“. Очевидно, что назрѣвала уже нѣкоторая перемѣна въ общемъ настроеніи членовъ „парламентской фракціи Союза 17 Октября и примыкающихъ“.

Гололобовъ оставался непреклоннымъ и на всѣ эти уговариванья отвѣчалъ, что въ рѣчи своей не находилъ и по прежнему не находитъ ничего предосудительнаго, а потому ему не объ чемъ „сожалѣть“. Онъ никого не трогалъ, тогда какъ Гучковъ и бюро вздумали его судить, вынудили тѣмъ самымъ написать письмо Каменскому, затѣмъ перенесли дѣло во фракцію, учинили фракціонный судъ и, если они попали въ неудобное положеніе, то вѣдь не его въ томъ вина: онъ ничего не предпринималъ, никого ни о чемъ не просилъ и

потому теперь желаетъ только одного—чтобъ его оставили въ покоѣ.

„Друзья", видя эту неуступчивость, стали просить, чтобъ Гололобовъ хотя бы написалъ въ бюро, что считаетъ свое письмо на имя Каменскаго излишнимъ и беретъ его назадъ. Въ виду этихъ длительныхъ настояній, Гололобовъ заявилъ о своей готовности написать подобное письмо, если бюро подастъ ему поводъ къ этому и сообщитъ, что постановленія о выраженіи ему порицанія не было. Тогда онъ, въ свою очередь, напищетъ, что находитъ свое письмо Каменскому излишнимъ, такъ какъ никакого порицанія не было. Въ сущности письмо такого содержанія со стороны бюро, по мнѣнію Гололобова, было бы только подтвержденіемъ сказаннаго ему Гучковымъ и дало бы опроверженіе сообщеній многихъ газетъ, заявившихъ о выраженіи Гололобову порицанія и тѣмъ поставившихъ его въ необходимость не нападать, а защищаться, отстаивая свою правоту.

Но, конечно, бюро не могло пойти на условіе, предложенное Гололобовымъ, ибо гучковцамъ надо было побѣдить, а не подчеркивать свое нелѣпое положеніе. Получивъ отказъ, друзья-посредники опять налегли на Гололобова, упрашивая его написать извинительное письмо, не ожидая письменнаго заявленія бюро. Однако подобный шагъ былъ бы сознаніемъ собственной неправоты, и Гололобовъ не пошелъ на униженіе, которое бы послужило высшимъ торжествомъ для „гучковцевъ" и уронило бы его въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за броженіемъ въ средѣ октябристовъ. Многіе сочувствовали стойкости Гололобова и ожидали, что она найдетъ поддержку въ большинствѣ октябристовъ, такъ какъ такое закабаленіе отдѣльнаго члена даже не всей фракціи, а произвольному усмотрѣнію „лидера" казалось несовмѣстимымъ съ лично отвѣтственнымъ, а потому и требующимъ самостоятельности, званіемъ члена Государственной Думы,—„народнаго представителя" и печальника. Но были люди, предусмотрительные и знакомые съ психологіей толпы, которые прямо говорили, что въ рыхлой средѣ октябристовъ нельзя ждать стойкой и прочной поддержки противъ „усмотрѣнія" А. И. Гучкова, стало быть, Гололобовъ, въ концѣ концовъ, будетъ выданъ головой бюро.

Дѣйствительно, послѣ столь рѣшительнаго отказа при-

нести повинную, во фракціи октябристовъ крайне усилилось теченіе противъ Гололобова. Даже правые октябристы стали поговаривать, что „худой миръ лучше доброй ссоры"; Гололобовъ же своимъ упрямствомъ и неуступчивостью ясно показываетъ, что онъ ищетъ униженія бюро, равносильнаго униженію всей фракціи, а, слѣдовательно и каждаго въ отдѣльности ея члена, на радость лѣвымъ, на посмѣшище „правымъ", которые и такъ ужъ осмѣиваютъ въ печати и председателей-октябристовъ (Хомякова и бар. Мейендорфа) и „лидера", и бюро и всю фракцію. Противъ Гололобова раздавались самыя разнообразныя обвиненія: одни обвиняли его за рѣчь, другіе—за письмо Каменскому, третьи за неисполненіе просьбы друзей, желающихъ ему добра. Да и сами „друзья", обѣщавшіе, какъ М. В. Родзянко, пустить въ ходъ свое вліяніе и непремѣнно уладить все дѣло, чувствовали себя весьма неловко передъ Гучковымъ и бюро, а потому и усердствовали противъ Гололобова.

Когда почва была достаточно подготовлена, бюро назначило засѣданіе фракціи для дальнѣйшаго обсужденія заявленія Кузовкова. Конечно, Гололобовъ не присутствовалъ и на второмъ засѣданіи, не желая ставить себя въ положеніе подсудимаго и защищаться передъ „судьями-обвинителями", не облеченными, вдобавокъ, и надлежащими полномочіями.

Но на второе „судбище" явилось всего 70 человѣкъ. Однимъ вся эта длинная „исторія", въ основѣ которой они усматривали только борьбу самолюбій „лидера" и бюро, съ одной стороны, и Гололобова, съ другой, уже надоѣла и они не хотѣли копаться въ этихъ дрязгахъ и мыть грязное бѣлье вмѣсто служенія родинѣ; другимъ не хотѣлось опредѣленно высказываться по щекотливому вопросу; третьи вообще мало принимали участія въ фракціонной жизни и отдавали предпочтеніе личнымъ дѣламъ и настроеніямъ; четвертыхъ „лѣвые" упросили не быть на засѣданіи; пятые послѣ одержанной „побѣды" были увѣрены, что и безъ нихъ рѣшеніе пройдетъ въ благопріятномъ для Гололобова смыслѣ.

Подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ побужденій большинство „правыхъ" и неустойчивыхъ отсутствовало, тогда какъ почти всѣ „лѣвые" были на лицо, такъ какъ отлично понимали значеніе этого „мелкаго вопроса", для

перестроенія думскихъ отношеній и созданія „конституціоннаго центра“ съ преобладаніемъ, конечно, не „октябристовъ“, а „кадетовъ“.

На фракціонномъ засѣданіи главными обвинителями выступили: Анрепъ, произнесшій особенно злобную рѣчь, Юрій Глѣбовъ, голословно обличавшій какія-то темныя связи Гололобова съ правительствомъ, Фаворскій, попросившій передъ засѣданіемъ у Гололобова, якобы для его защиты, копію письма Каменскому, но разразившійся яростнымъ нападеніемъ на основаніи этого самаго письма. Нашлись и защитники Гололобова, но настроеніе фракціи было уже въ пользу компромисса, на который пошли „друзья“, опасаясь, что иначе де можетъ пройти постановленіе объ исключеніи Гололобова изъ фракціи. Тѣмъ не менѣе „единогласное“ ея рѣшеніе было принято благодаря тому, что Гучковъ употребилъ одинъ изъ своихъ излюбленныхъ „искусныхъ тактическихъ пріемовъ“. По окончаніи обмѣна мнѣній онъ произнесъ, въ заключеніе, обвинительную рѣчь, а затѣмъ предложилъ голосовать резолюцію бюро: „признать рѣчь Гололобова неумѣстной и недопустимой“, причемъ объявилъ, что не допускаетъ обсужденія этой резолюціи, а предлагаетъ рѣшить вопросъ голосованіемъ. „Несогласные встаютъ!“ быстро произнесъ онъ. Никто не всталъ. „Принято единогласно. Объявляю засѣданіе закрытымъ!“ провозгласилъ Гучковъ.—Такъ была одержана Гучковымъ и К° побѣда надъ Гололобовымъ и его сторонниками.

На другой день всѣ газеты объявили объ этомъ „событіи“. Многіе были поражены столь для нихъ неожиданнымъ исходомъ: еще такъ недавно „правые октябристы“ проявили стойкость и самостоятельность, а теперь и они видимо себя чувствовали весьма смущенными. Одни изъ нихъ увѣряли, будто все кончилось „хорошо, а могло быть гораздо хуже“; другіе досадовали, что не успѣли встать при голосованіи, такъ быстро Гучковъ поставилъ на баллотировку резолюцію и объявилъ рѣшеніе фракціи; третьи молча пожимали руку Гололобову и при этомъ стыдливо опускали глаза, или смотрѣли въ сторону; кое-кто видимо избѣгалъ даже съ нимъ встрѣчаться.

Въ станѣ „побѣдителей, однако, не замѣчалось особаго ликованія“: резолюція, которой они добились съ такими уси-

ліями, далеко не соотвѣтствовала ихъ истиннымъ желаніямъ. Они не отважились даже предложить фракціи признать дѣйствія бюро правильными, что, конечно, до крайности затруднило бы положеніе Гололобова и, въ сущности, привело бы къ его удаленію изъ фракціи. Громадное большинство членовъ Государственной Думы—не принадлежащихъ къ „парламентской фракціи Союза 17 октября и примыкающихъ“ находили „побѣду Гучкова и К°“ весьма слабой, такъ какъ всѣмъ стало ясно, что одержалъ верхъ не „лидеръ и бюро“, а желаніе октябристовъ показать свою сплоченность и, якобы, силу. Но „сплоченность“ явно расползалась по всѣмъ швамъ, а сила оказалась „мнимой“, ибо авторитетъ Гучкова удержался лишь благодаря ухищреніямъ и тактическимъ пріемамъ, къ которымъ никогда не позволилъ бы себѣ прибѣгать дѣйствительно сильный и вліятельный человѣкъ. Многіе говорили даже: „на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи у октябрей и Гучковъ лидеръ“. Раздавались голоса, обвиняющіе Гучкова и К° въ томъ, что они, изъ мелкаго себялюбія устроивъ инцидентъ съ Гололобовымъ“, въ сущности уронили достоинство Думы, ибо гораздо лучше было бы для нихъ самихъ не затѣвать судбища надъ Гололобовымъ за его рѣчь: свободное слово „народнаго представителя“ не можетъ быть стѣсняемо преходящими соображеніями и партійными дрязгами. Кадеты и кое-кто изъ лѣвыхъ „октябристовъ“ открыто сознавали, что въ общемъ отъ всей этой исторіи получается отвратительное впечатлѣніе и, главное, сожалѣли, что выигрываетъ все-таки Гололобовъ, какъ человѣкъ подвергнутый явно несправедливому обвиненію. Всѣ ждали, что онъ, несомнѣнно, используетъ выгоды своего положенія и отдастъ свое дѣло на судъ общественнаго мнѣнія, которое вообще стало складываться неблагопріятно для Гучкова, въ особенности послѣ его отожествленія младотурокъ и октябристовъ.

VII.

Постановленіе фракціи октябристовъ не исчерпало инцидента, а лишь расширило его и вывело изъ „кулуаровъ“ Таврическаго Дворца на свѣтъ все это темное дѣло: Гололобовъ, до сихъ поръ ничего не предпринимавшій въ свою защиту и рѣшительно отказывавшійся отъ какихъ бы то ни

было бесѣдъ съ осаждавшими его газетными репортерами, увидѣлъ, что послѣ неудачи, постигшей его „друзей“, надо выступать самому, разъ фракція вынесла такое постановленіе по поводу рѣчи, не сдѣлавшейся еще общимъ достояніемъ. Онъ рѣшилъ, что прежде всего надо дать возможность всѣмъ ознакомиться съ рѣчью, признанной „недопустимою“, и съ этою цѣлью обратился въ редакцію самой распространенной изъ русскихъ газетъ—„Новаго Времени“ съ слѣдующимъ письмомъ:

„М. г. Вашей уважаемой газетой удѣлено вниманіе „Гололобовскому инциденту“: въ № 11854 помѣщена статья „Гололобовскій инцидентъ и Государственная Дума“, въ томъ же нумерѣ приведенъ докладъ А. И. Гучкова въ собраніи фракціи союза 17 октября и затѣмъ въ № 11857 напечатано постановленіе означенной фракціи о признаніи неумѣстной и недопустимой произнесенной мною въ Гос. Думѣ рѣчи. Такъ какъ все напечатанное представляетъ собою только сужденія о моей рѣчи, а самая рѣчь остается читателямъ неизвѣстной, то позвольте покорнѣйше просить васъ напечатать прилагаемую стенограму рѣчи—пусть же наконецъ читатели, въ томъ числѣ и мои избиратели, узнаютъ ея содержаніе и будутъ знать, какія рѣчи признаются „недопустимыми“.

Лично я, не отрицая права за фракціей, какъ и за отдѣльными членами ея, имѣть тотъ или иной взглядъ на рѣчи депутатовъ, остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что моя рѣчь „недопустимаго“ не содержитъ. **Я. Гололобовъ**“.

„Новое Время“ въ номерѣ отъ 17 марта 1909 года помѣстило и это письмо и приложенную при немъ стенограмму [1]). Ознакомленіе съ рѣчью Гололобова вызвало въ средѣ читателей возгласы изумленія: „да неужели *эта* вполнѣ приличная рѣчь признана цѣлой фракціей „недопустимой?“ Неужели изъ-за *этой* рѣчи былъ поднятъ такой шумъ и Гучковъ счелъ необходимымъ устроить цѣлую бурю, а фракція потеряла столько времени, нужнаго для живой работы?“

Дѣйствительно, малая производительность третьей Думы бросалась рѣзко въ глаза и вызывала и въ печати и въ обществѣ вполнѣ справедливыя нареканія. Для многихъ неясны были причины такого медленнаго хода, почти застоя, думской работы. „Гололобовскій инцидентъ“ поднялъ уголокъ завѣсы и представители дѣловой, земской Россіи были поражены открывшейся передъ ихъ глазами безотрадной картиной.

---

[1]) Рѣчь Гололобова приведена выше. См. стр. 24—30.

Въ то время какъ руководящая и отвѣтственная за работоспособность Думы партія тратила время на обсужденіе фракціонныхъ дрязгъ, при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ шли засѣданія Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при участіи многихъ губернскихъ гласныхъ отъ разныхъ губерній, предводителей дворянства, представителей городовъ и нѣсколькихъ губернаторовъ. Гололобовъ участвовалъ въ засѣданіяхъ этого Совѣта по избранію Екатеринославской Городской Думы. И вотъ, когда была напечатана рѣчь Гололобова, то почти каждый изъ членовъ Совѣта выражалъ свое изумленіе и находилъ, что гг. членамъ Государственной Думы не слѣдовало бы заниматься пустяками и дѣлать изъ ничего цѣлую исторію, когда правительство и общество ждутъ—не дождутся начала широкихъ, назрѣвшихъ преобразованій. Самостоятельныхъ и опытныхъ работниковъ надо цѣнить, а не затаптывать; руководителями партіи, претязающей на политическое значеніе не должны быть люди, проявляющіе самодурство и способные на самоуправство. Фракція прежде всего—коллегія равныхъ, въ коей предсѣдатель занимаетъ почетное мѣсто, но отнюдь не является „начальствомъ“, которое приговариваетъ подчиненныхъ къ выговорамъ, замѣчаніямъ и даже къ своего рода исключенію изъ службы. Членовъ Думы на службу родинѣ, а не лидерамъ, послали избиратели, а потому поведеніе Гучкова и К° пропахло бюрократизмомъ и недостойно званія „народнаго представителя“.

Такимъ образомъ, Гололобовъ, напечатавши свою рѣчь, одержалъ нравственную побѣду, ибо всѣмъ ясно было, что въ сущности всѣ безпристрастные и дѣловые люди стоятъ на его сторонѣ и торжество Гучкова во фракціи не прибавило ему лавровъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Большинство полагало, однако, что инцидентъ уже исчерпанъ, но кое-кто, наоборотъ, считалъ, что между Гучковымъ и Гололобовымъ не можетъ быть сколько-нибудь прочнаго мира, ибо „два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся“. Одинъ былъ уязвленъ въ своемъ самолюбіи, другой былъ задѣтъ въ своемъ достоинствѣ, ибо ни его безупречное прошлое, ни его сѣдины, ни его думская работа не позволяли ему примириться съ положеніемъ подчиненнаго, который обязанъ проглатывать даже несправедливыя замѣчанія на-

чальства. Кромѣ того онъ долженъ былъ объяснить истинное положеніе дѣлъ своимъ избирателямъ, которые въ правѣ были требовать отчета отъ своего избранника, позволившаго себѣ нѣчто „недопустимое“.

Во время подошедшаго пасхальнаго перерыва Гололобовъ уѣхалъ къ себѣ въ Екатеринославъ. Тамъ его сограждане и избиратели стали осаждать его разспросами и заявленіями, что желаютъ знать всѣ подробности. Однако дѣлать публичное сообщеніе объ „инцидентѣ“ передъ екатеринославцами Гололобовъ не находилъ возможнымъ, считая „выступленіе съ докладомъ по такому пустому предмету униженіемъ достоинства члена Государственной Думы“.

Тѣмъ не менѣе ощущалась необходимость повѣдать правду близкимъ людямъ, нельзя было не отвѣчать на ихъ настойчивыя просьбы. Чтобы не повторять каждому порознь одно и тоже, сговорились собраться 25 марта и выслушать разомъ повѣсть объ „инцидентѣ“. Сошлось около 30 близкихъ Гололобову людей, нѣсколько мѣстныхъ октябристовъ, нѣсколько членовъ „Екатеринославской народной партіи 17 октября“ и „безпартійные“.

Надо принять во вниманіе, что въ Екатеринославѣ, какъ и во множествѣ русскихъ городовъ, было всего лишь нѣсколько „октябристовъ“, ибо когда предпринята была попытка образовать Екатеринославскій Отдѣлъ Союза 17 октября большинство собравшихся не сочло для себя возможнымъ пристать къ Союзу 17 октября, считая непріемлемыми нѣкоторые пункты его программы. Они полагали, что 17 октября данъ манифестъ о гражданскихъ свободахъ, но не дана конституція; затѣмъ они не могли примириться съ еврейскимъ равноправіемъ. Поэтому программа Союза 17 октября была ими соотвѣтственно переработана и такимъ образомъ возникла „Екатеринославская народная партія 17 октября“, къ которой принадлежалъ и Гололобовъ. Тѣмъ не менѣе въ Екатеринославѣ образовалось правленіе отдѣла Союза 17 октября, причемъ предсѣдателемъ считался М. В. Родзянко, а его замѣстителемъ—инженеръ Булацель. Между членами „партіи“ и „Союза 17 октября“ отношенія были дружественными и нѣкоторые причисляли себя и къ октябристамъ и къ членамъ екатеринославской народной партіи.

Вотъ почему въ числѣ собравшихся выслушать сооб-

щенiе Гололобова были г. Булацель и нѣкоторые члены Союза 17 октября, равно какъ и членъ Государственной Думы Бергманъ, на глазахъ котораго разыгрался весь пресловутый инцидентъ. Естественно, что къ Бергману Гололобовъ обратился, передъ своимъ сообщенiемъ, съ просьбой исправить и дополнить его сообщенiе. Оно носило вполнѣ безпристрастный и строго документальный характеръ. Докладчикъ не позволилъ себѣ никакихъ личныхъ выпадовъ, не высказывалъ ни осужденiя, ни порицанiя, но передавалъ факты. Собравшiеся, конечно, не вынесли никакой резолюцiи, ибо и рѣчи быть не могло о какомъ бы то ни было постановленiи. Слушатели лишь выразили Гололобову свою благодарность за сообщенiе и тѣмъ дѣло ограничилось. Но многiе нашли полезнымъ доставить и не бывшимъ на собранiи возможность получить точныя и обстоятельныя свѣдѣнiя объ „инцидентѣ", а потому стали просить, чтобы Гололобовъ записалъ свое сообщенiе и напечаталъ его въ мѣстной газетѣ „Русская Правда", слывшей органомъ октябристовъ и правыхъ. Напечатанье сообщенiя, по мнѣнiю нѣкоторыхъ, являлось настоятельной необходимостью въ виду противорѣчивыхъ газетныхъ свѣдѣнiй, дѣлавшихъ крайне желательнымъ правдивое изложенiе фактовъ. Гололобовъ, уступая настойчивымъ просьбамъ, обѣщалъ напечатать сдѣланное имъ сообщенiе, полагая, что „инцидентъ" уже „совершенно исчерпанъ".

Ошибочность такого мнѣнiя не замедлила обнаружиться благодаря блестящему фельетону Меньшикова—„Перестройка партiй", помѣщенному въ „Нов. Вр." 26 марта. Статья эта написана очень горячо, обнаруживаетъ полную освѣдомленность автора и вѣрное пониманiе положенiя дѣлъ. На нее было обращено всеобщее вниманiе. Газеты, читатели, члены Государственной Думы и представители партiй снова усиленно заговорили о „гололобовскомъ инцидентѣ".

Статья г. Меньшикова оказала очень большое влiянiе на ходъ дальнѣйшихъ событiй и является, въ свою очередь, документомъ первостепеннаго значенiя, а потому ее необходимо привести цѣликомъ:

„Законодатели наши, кто посерьезнѣе, разъѣзжаются на пасхальный отдыхъ съ тяжелыми предчувствiями. Въ обѣихъ нашихъ палатахъ, и въ верхней и въ нижней, обнаружился острый раздоръ,

ничего добраго не обѣщающій для весенней сесіи. Въ обѣихъ палатахъ радикальная опозиція почувствовала себя настолько сильной, чтобы дать генеральный бой, и въ обѣихъ побѣда осталась за нею. Правда, въ Г. Совѣтѣ эта побѣда, какъ я уже разъяснилъ, одержана радикалами лишь при поддержкѣ правительства, но это придаетъ только особотревожный оттѣнокъ завязавшейся борьбѣ. Ужъ если гг. министры всѣми своими голосами нашли допустимымъ подкрѣпить лѣвый лагерь, то что остается думать *государственной* Россіи, внѣпартійной, которой до смерти надоѣло это опасное политиканство, похожее на флиртъ съ революціей. Вмѣсто того, чтобы спасать государство, старое достояніе предковъ, въ Петербургѣ завели словесныя скачки и думаютъ, что Россіи станетъ легче отъ того, что лѣвые вмѣстѣ съ министрами на полноса обскачутъ правыхъ...

Въ глухомъ раздорѣ, который грызетъ нашъ парламентъ, виновата не только дряблость славянской натуры, не только анархія, свойственная незначительнымъ людямъ. Виноваты прежде всего сочинители конституціи, напустившіе въ обѣ палаты самыя несродныя стихіи, какъ бы нарочно для того, чтобы стравить ихъ въ борьбу. Слѣпо придерживаясь принципа равноправнаго представительства, сочинители конституціи трогательно озаботились, чтобы въ парламентъ вошли не только государственные элементы, но и анти-государственные, не только законоспособные, но и законобездарные, не только гражданственные, но и явно-преступные. Точно парламентъ—Ноевъ ковчегъ, гдѣ кромѣ представителей чистыхъ породъ должны входить и нечистые! Сочинители конституціи, не богатые здравымъ смысломъ и національнымъ чувствомъ, не обезпечили въ избирательномъ законѣ возможности будущаго согласія, и вотъ вмѣсто государственной работы мы присутствуемъ при нескончаемой грызнѣ партій.

Въ Госуд. Думѣ самою зловѣщею изъ многихъ стычекъ слѣдуетъ считать возмутительную исторію съ депутатомъ Гололобовымъ. Эта исторія до такой степени чудовищна, что на ней необходимо остановиться. Изъ думскихъ сферъ мнѣ эту исторію передаютъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ комиссію по запросамъ соціалъ-демократы внесли запросъ правительству по поводу будто бы преслѣдованія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, незаконныхъ закрытіяхъ обществъ, высылки членовъ обществъ и проч. По закону запросъ можетъ быть предъявленъ въ Г. Думѣ только тогда, когда власти дѣйствуютъ незакономѣрно, и остаются безнаказанными, если же рѣчь идетъ лишь о неправильномъ примѣненіи закона, то здѣсь полагается жалоба въ высшую инстанцію, которая и отмѣняетъ неправильное распоряженіе. Въ настоящемъ случаѣ было именно это, и комиссія постановила запросъ отклонить. Г. Гололобова избрали докладчикомъ. Деп. Лютцъ (лѣвый октябристъ), видимо желая услужить соц.-демократамъ, отстаивалъ запросъ, чтобы заставить правительство дать въ Думѣ объясненія. Но г. Лютцъ, херсонскій нѣмчикъ, остался въ меньшинствѣ. Лѣвый октябризмъ, въ особенности инородческаго оттѣнка, весьма пронырливъ и за кулисами орудуетъ больше, чѣмъ на сценѣ. Безъ вѣдома докладчика и безъ его подписи докладъ написали, на-

печатали и за подписью предсѣдателя гр. Бобринскаго и секретаря комиссіи Лютца разослали. Въ докладѣ этомъ, послѣ заключенія комиссіи, оказалось вставленнымъ, что, не смотря на отклоненіе запроса, желательно, чтобы правительство дало объясненіе. Получилась совершенная чепуха. Правительство только тогда даетъ объясненія, когда запросъ Думою принимается, когда же запросъ отклоненъ, то онъ не посылается правительству и оно не имѣетъ повода ни отвѣчать, ни являться въ Думу. Видя, что это повтореніе того, что Лютцъ предлагалъ въ комиссіи, и что комиссія отвергла, г. Гололобовъ протестовалъ и добился того, что докладъ напечатанъ былъ снова безъ упомянутаго добавленія. Лѣвымъ октябристамъ съ ихъ лидеромъ, г. Гучковымъ, это страшно не понравилось. Стали всѣми мѣрами оттягивать обсужденіе доклада во фракціи. Дотянули до того момента, когда можно было скомкать вопросъ. За *полчаса* до засѣданія Думы, гдѣ долженъ былъ разсматриваться запросъ, г. Гучковъ собралъ фракцію и всего собралось 13 человѣкъ вмѣсто 139. За четверть часа до засѣданія Думы г. Гучковъ заявилъ, что, несмотря на заключеніе комиссіи, запросъ слѣдуетъ всетаки принять изъ тактическихъ соображеній. Надо заставить правительство дать объясненіе, надо показать рабочимъ, что октябристы за нихъ. Г. Гололобовъ пробовалъ доказывать полную назаконность запроса, но г. Гучковъ поставилъ его на голосованіе. За принятіе запроса изъ 13 подано было 8 или 9 голосовъ, въ томъ числѣ г. Гучковъ и г. Лютцъ. Гололобовъ тогда заявилъ Гучкову, что будетъ говорить противъ рѣшенія, будучи обязанъ, какъ докладчикъ, отстаивать заключеніе комиссіи, тѣмъ болѣе, что собраніе 13 чел. не есть фракція, и будь послѣдняя въ обыкновенномъ составѣ, навѣрно рѣшеніе было бы иное. Когда Гололобовъ доложилъ въ Думѣ заключенія комиссіи о запросѣ, сейчасъ же вышелъ на трибуну Лютцъ и заявилъ, что фракція союза 17 октября присоединяется къ запросу. Такъ какъ принятіе запроса казалось обезпеченнымъ (опозиція и октябристы), то онъ просилъ ораторовъ прекратить пренія, а говорить по существу тогда, когда правительство будетъ отвѣчать. Ораторы однако говорили до 12 ч. ночи. Вопросъ не былъ оконченъ и перенесенъ былъ на слѣдующую среду. Въ эту среду Гололобовъ и произнесъ ту знаменитую рѣчь, за которую октябристы его судили. Запросъ въ Думѣ въ концѣ концовъ былъ принятъ, но лишь незначительнымъ большинствомъ, такъ какъ противъ принятія голосовали вмѣстѣ съ правыми многіе правые октябристы.

Рѣчь Гололобова до крайности раздражала лѣвыхъ октябристовъ. Эта рѣчь была напечатана въ „Нов. Вр." и читателямъ извѣстно, что въ ней не было ни малѣйшихъ рѣзкостей или чего-нибудь обиднаго. Она взбѣсила лѣвыхъ октябристовъ именно спокойнымъ разоблаченіемъ неправильныхъ дѣйствій. Назначено было обсужденіе „поступка" г. Гололобова въ бюро фракціи. Казалось бы, причемъ тутъ „бюро"? Развѣ бюро—начальственный органъ во фракціи, а не служебный? Но даже члены бюро, напр. гг. Родзянко и Каменскій, при нѣсколькихъ депутатахъ говорили, что крайне удивлены пред-

ложенію обсуждать рѣчь Гололобова, что въ ней ровно ничего нѣтъ оскорбительнаго для фракціи. Тѣмъ не менѣе бюро постановило выразить Гололобову *порицаніе*. Гололобова уговаривали такъ и этакъ подчиниться рѣшенію, но онъ оказался не изъ податливыхъ. Онъ отвѣтилъ на имя г. Каменскаго рѣшительнымъ протестомъ противъ неслыханнаго деспотизма, которымъ случайное большинство фракціи посягаетъ связать свободу мнѣній своихъ членовъ и свободу слова ихъ, какъ членовъ Г. Думы. Тогда г. Гучковъ собралъ снова фракцію, но пригласилъ до засѣданія г. Гололобова. Г. Гучковъ заявилъ, что хотя бюро признало тонъ рѣчи Гололобова неподходящимъ, но что оно вовсе не постановляло выразить ему порицаніе, что это Каменскій неправильно передалъ. Рѣшили считать вопросъ исчерпаннымъ, Попрощались дружески.—Что,—спрашиваетъ Гололобовъ,—будетъ сегодня во фракціи?—Ничего интереснаго,—отвѣтилъ Гучковъ. —Ну такъ я не буду,—сказалъ Гололобовъ,—у меня дома дѣло есть. И уѣхалъ. А на другой день изъ газетъ и въ Г. Думѣ онъ узналъ, что во фракціи Гучковъ всетаки поставилъ на обсужденіе вопросъ о выраженіи Гололобову порицанія. Лѣвымъ октябристамъ непремѣнно хотѣлось избавиться отъ Гололобова, изгнать его изъ фракціи, чтобы пугнуть правыхъ своихъ товарищей. Но правые октябристы неожиданно горячо стали на защиту Гололобова. На первое собраніе фракціи собралось 123 человѣка, почти всѣ находившіеся въ городѣ. За Гололобова говорили 7 человѣкъ изъ десяти: Шубинскій, Половцевъ, Матюнинъ, Скоропадскій, бар. Черкасовъ и еще кто-то. Говорилъ даже лѣвый Хвощинскій. Лѣвые Звегинцевъ, Опочининъ требовали исключенія Гололобова изъ фракціи. Общее настроеніе сложилось такъ, что правые побѣждали. Тогда лѣвые октябристы прибѣгли къ крайнимъ мѣрамъ. Они стали запугивать, что съ расколомъ фракціи Дума потеряетъ способность работать и будетъ распущена, что этимъ нанесенъ будетъ жестокій ударъ всѣмъ октябристамъ въ Россіи, что Гучковъ уйдетъ изъ фракціи, если Гололобову не будетъ высказано порицанія. Правые октябристы дѣйствительно испугались. Друзья Гололобова умоляли его закрѣпить за ними одержанную побѣду, спасти фракцію отъ распада и даже Думу отъ роспуска. „Напишите письмо Гучкову, что вы сожалѣете о произнесенной рѣчи, и тогда все уладится“. Гололобовъ наотрѣзъ отказался. Упрашивали сдѣлать это въ личное одолженіе, ради дружбы. Но Гололобовъ заявилъ, что скорѣе откажется отъ званія члена Г. Думы, чѣмъ напишетъ подобное письмо. Тогда началось теченіе противъ него: обвиняли уже не за рѣчь, а за измѣну друзьямъ, желающимъ ему добра. Тутъ то и одержали побѣду г. Гучковъ и лѣвые октябристы.

На второе засѣданіе фракціи для обсужденія порицанія пришло всего 70 человѣкъ (изъ 139), изъ нихъ сторонниковъ Гололобова человѣкъ 20—25. Самого Гололобова, конечно, не было. Рѣшили признать рѣчь Гололобова „неумѣстной и недопустимой“. Большинство правыхъ октябристовъ не пришли, а изъ присутствовавшихъ при голосованіи одни не успѣли встать, другіе не рѣшились изъ опасенія,

что вставшихъ будетъ мало, а нѣкоторые не встали сознательно, чтобы не прошла худшая резолюція объ исключеніи Гололобова изъ фракціи. Оказалась во всемъ блескѣ присущая россійскимъ интелигентамъ заячья душа. Чуть припугнутъ—и сдались, и отступились, хотя бы отъ самихъ себя.

Вотъ фактическая сторона дѣла. Оно конечно не въ рѣчи г. Гололобова, а въ борьбѣ двухъ теченій: праваго съ національнымъ характеромъ и лѣваго, космополитическаго, съ жидовскимъ равноправіемъ. Важенъ вопросъ, что представляетъ собою фракція октябристовъ, именующая себя руководящей, и что она можетъ сдѣлать для устроенія Россіи?

Въ разсказанной исторіи все возмутительно—и поводъ, и подробности, и финалъ. Возмутительно уже то, что октябристы присоединились къ соціалъ-демократамъ, къ врагамъ государственности, къ врагамъ конституціи, которые, попавъ по оплошности власти въ парламентъ, всѣ усилія дѣлаютъ, чтобы поднять бунтъ противъ нея. Возмутительно то, что октябристы подхватили запросъ революціонеровъ явно злокачественнаго свойства, именно по поводу преслѣдованія профессіональныхъ и рабочихъ союзовъ. На бумагѣ профессіональные союзы—такая прелесть, но въ дѣйствительности, что же скрывать правду?—Именно они, эти рабочіе союзы, и составляютъ ткань революціи. Это отлично показала не только наша „зубатовщина“ и „гапонада“ 1905 г., не только наши собственные „союзы“ эпохи Носаря-Хрусталева,—но въ особенности теперешняя роль рабочихъ организацій во Франціи. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ профессіональные союзы—это стачечныя организаціи, и радикалы хлопочутъ о нихъ исключительно въ видахъ мобилизаціи бунта. Октябристамъ это отлично извѣстно, и тѣмъ не менѣе, подыгрываясь къ „товарищамъ“ слѣва, они поддержали этотъ жизненный для нихъ запросъ. Возмутительно и то, что самъ запросъ, какъ признала комиссія по запросамъ, не имѣлъ никакихъ данныхъ для предъявленія, такъ какъ ни „одного факта нарушеній закона или злоупотребленій“ авторы запроса не привели. Не только для „запроса“, но даже для „вопроса“ правительству комиссія не нашла ни малѣйшихъ основаній,—и несмотря на это будто бы лояльные октябристы присоединились къ революціонерамъ и потребовали „запроса“. Возмутительно то, что противъ докладчика комиссіи употребили самыя циническія давленія, дабы зажать ему ротъ. Его докладъ составили безъ его вѣдома и безъ его подписи! Не успѣвъ сломить честнаго человѣка, рѣшили „судить“ его, не пригласивъ даже для объясненій. Судить поручили—кому же? Сначала „бюро фракціи“, которая не болѣе какъ контора ея. Оттягивали сужденія, выжидали, пока явится поменьше членовъ, когда соберутся лѣвые, а правые не придутъ, выставили малограмотнаго мужичка, который будто бы обиженъ *тономъ* гололобовской рѣчи, и пр. и пр. Такъ и выкатилось неопрятное нутро русскаго провинціализма, со всѣми партійными подвохами, подкладываніемъ свиньи и пр. и пр. Наконецъ кое-какъ сварганили „порицаніе“. оскорбили выдающагося члена своей же партіи и не замѣтили, что

сами, всею фракціей, сѣли въ самую невзрачную лужу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь когда „запросъ“ правительству будетъ предъявленъ, октябристамъ первымъ придется краснѣть за глупость его постановки. Какъ правильно объяснилъ въ своей рѣчи г. Гололобовъ, ни министръ юстиціи, ни министръ внутреннихъ дѣлъ не могутъ отвѣтить что-либо на запросъ кромѣ указанія, что Дума требуетъ отъ нихъ въ данномъ случаѣ незаконныхъ дѣйствій. Профессіональные рабочіе союзы если преслѣдуются, то губернскими присутствіями, притомъ на точномъ основаніи закона. Можетъ быть присутствія примѣняютъ законъ неправильно, но право толковать законы принадлежитъ Сенату, а не министрамъ. Требовать отъ министровъ, чтобы они распоряжались дѣйствіями учрежденій, значитъ требовать административнаго произвола. Вотъ къ какой нелѣпости подвело лѣвыхъ октябристовъ ихъ угодничество передъ „опозиціей“. Какъ все это постыдно-глупо.

Единственный человѣкъ, который съ честью вышелъ изъ этой пошлой исторіи,—это г. Гололобовъ. Онъ имѣлъ мужество стать на государственную точку зрѣнія и защищать ее. Скверная тактика угожденія не увлекла его. Утвердившись на почвѣ законности и здраваго смысла, г. Гололобовъ пренебрегъ кружковщиной ради государственности. Партійная дисциплина имѣетъ конечно свою цѣну, когда заключена въ предѣлы корпоративной этики. Но партійная дисциплина, посягающая на свободу мысли, на голосъ совѣсти отдѣльнаго депутата, есть гнуснѣйшая изъ тираній, и ни одинъ честный человѣкъ никогда ей не подчинится. Г. Гололобовъ имѣлъ прямо рыцарскую отвагу выступить не только противъ враговъ, но и противъ друзей, какъ только замѣтилъ намѣреніе ихъ овладѣть его волей. Благородный его протестъ не останется безъ благихъ послѣдствій. Стадное большинство партій трусливо; примѣръ независимаго и неподкупнаго человѣка можетъ пробудить у болѣе выдающихся членовъ остатки гордости. Недостойно и государственно опасно со стороны „представителей народа“ разбиваться на какіе-то загоны, куда предпріимчивые лидеры съ своими подпасками въ родѣ г. Лютца загоняютъ депутатовъ: стой, молъ, тутъ и жуй, что тебѣ подложутъ. Такъ вести великое дѣло народное нельзя, такъ вести его преступно. Парламентъ—есть собраніе *людей*, а не четвероногихъ, и единственная цѣнность людскихъ мнѣній въ ихъ независимости. Законъ не признаетъ никакихъ „фракцій“ въ парламентѣ. Никакихъ партій не должно быть въ учрежденіи, которое выражаетъ собою *единство* народное. Каждый членъ парламента не за свою фракцію, а за *себя* приноситъ присягу, и не за фракцію, а за себя несетъ отвѣтственность предъ Богомъ и народомъ. Каждый депутатъ есть представитель не партіи, а *всего* народа русскаго, — именно въ этомъ званіи призванъ онъ Монархомъ, а не въ какомъ иномъ. Дѣленіе на фракціи есть уступка слабости человѣческой: предполагается, что, сговорившись съ единомышленниками, каждый депутатъ сознательнѣе рѣшаетъ, чего онъ хочетъ. Далѣе этой роли фракціонное дѣленіе не должно идти, иначе оно переходитъ уже въ заговоръ противъ государства. Фракція допустима, пока *помогаетъ* депутату выработать

независимое сужденіе. Какъ только фракція начинаетъ связывать
это сужденіе, она становится величайшей гадостью, отъ которой лю-
ди порядочные должны бѣжать, какъ отъ чумы.
Мнѣ кажется, „гололобовскій инцидентъ“ далеко не законченъ,
—скорѣе, это лишь начало очень большого и серьезнаго явленія, ко-
торое можно назвать эмансипацией отъ кружковщины. Говорятъ, г.
Гололобовъ остался во фракціи октябристовъ,—это жаль. Онъ остался
на томъ будто основаніи, что себя и своихъ единомышленниковъ (пра-
выхъ) считаетъ настоящими октябристами, а гг. Гучкова, Анрепа,
Лютца, Звегинцева, Опочинина, Капустина и т. п. почитаетъ преда-
телями октябризма. Можетъ быть г. Гололобовъ и правъ,—но ясно,
что кадетствующихъ октябристовъ больше, чѣмъ правовѣрныхъ. Если
такъ, то г. Гололобову и его группѣ слѣдуетъ уйти. Ради чего тянуть
дольше эту зазорную связь, вводя въ обманъ общественное мнѣніе?
Вѣдь давно для всѣхъ превосходно ясно, что партія 17-го октября
представляетъ въ сущности двѣ, даже, пожалуй, три партіи, соеди-
ненныхъ не вѣсть для чего въ одну. Для всѣхъ ясно, что лѣвые октя-
бристы въ сущности—кадетоиды, и самое ихъ естественное мѣсто —
подъ крылышкомъ такой птицы, каковъ г. Милюковъ. Дайте же от-
бившейся части стада пристать наконецъ къ своему ядру. Наоборотъ,
правые октябристы безспорно тяготѣютъ къ умѣренно-правымъ или
тѣ—къ нимъ. Почему же задерживать естественные союзы, предпо-
читая неестественные? Говорятъ: октябристы давно раскололись бы,
если бы не страхъ, что лѣвое крыло усилитъ кадетовъ, сдѣлаетъ
Думу опять революціонной и поведетъ къ роспуску. Помилуй Богъ,
какъ страшно! Но, вопервыхъ, это еще вопросъ, на чьей сторонѣ при
искреннемъ разслоеніи сложится большинство Думы. Помимо край-
нихъ правыхъ возможенъ могущественный центръ изъ партій либе-
рально-національнаго склада. Эти партіи разъединены не столько
принципами, сколько мелкими честолюбіями лидеровъ, которые ни-
какъ не могутъ уступить другъ другу первенство. Но въ концѣ-кон-
цовъ жизнь заставитъ это рѣшить. Гололобовская исторія доказы-
ваетъ, что союзъ правыхъ октябристовъ съ лѣвыми вовсе не обез-
печиваетъ ихъ отъ участія въ радикально-глупыхъ авантюрахъ. Она
доказываетъ, что правые октябристы не равноправные члены фрак-
ціи, а лишь пѣшки, которыми играютъ лѣвые товарищи. Въ такомъ
положеніи дѣло долго длиться не можетъ. Натяженія къ разрыву очень
сильны и они станутъ все напряженнѣе. Уже значительное время
какъ съѣздъ октябристовъ не можетъ быть созванъ—изъ опасенія
развала партіи. Но этой хитрости хватитъ не надолго. Нельзя же идти
на перекоръ своей природѣ и притворяться не тѣмъ, что вы есть.
Слѣдуетъ не пугаться внутренней перестройки, а добиваться ея: чѣмъ
скорѣе партіи разграничатся, тѣмъ ближе станетъ разрѣшеніе во-
проса: что же такое нашъ парламентъ? Что такое третья Дума?“

Легко себѣ представить, что впечатлѣніе отъ такой мастерской характеристики думскихъ нравовъ было не въ пользу Гучкова и К°. Многіе ждали, что „лидеръ“ октябри-

стовъ не станетъ молчать и своимъ разъясненіемъ смягчить или даже отразить страшный ударъ, нанесенный „парламентской фракціи Союза 17 октября и примыкающихъ“. Но приходилось слышать и другое мнѣніе: „осторожность“ помѣшаетъ Гучкову вступить въ открытый словесный бой съ Меньшиковымъ и выдвинуто будетъ подставное лицо, ибо все-таки „молчать нельзя“.

VIII.

„Опроверженіе“, дѣйствительно, появилось, но, увы, ни Гучковъ, ни кто-либо изъ членовъ бюро не рѣшился поставить подъ этимъ изворотливымъ документомъ своей подписи. Онъ подписанъ даже не членомъ Думы, но „секретаремъ бюро фракціи Союза 17 октября А. В. Бахиревымъ“, человѣкомъ никому неизвѣстнымъ и, очевидно, творящимъ чужую волю.

Для того, чтобы читатели сами могли убѣдиться, въ слабости этого опроверженія, все-таки, сдѣланнаго отъ имени бюро думской фракціи Союза 17 октября лицомъ, подчеркивающимъ свою „должность“ въ бюро фракціи, приводимъ его, какъ оно появилось на столбцахъ „Нов. Вр.“ (№ 11869) въ видѣ слѣдующаго *„письма въ редакцію“:*

„М. г. По порученію бюро думской фракціи союза 17 октября, позвольте просить васъ дать мѣсто въ вашей уважаемой газетѣ настоящей замѣткѣ.

Въ статьѣ „Перестройка партій“, помѣщенной въ нумерѣ „Новаго Времени“ отъ 26 марта, дано было совершенно неправильное освѣщеніе Гололобовскому инциденту, вслѣдствіе чего читатели могутъ быть введены въ заблужденіе, какъ вѣроятно былъ введенъ въ заблужденіе и авторъ статьи тѣми *„думскими сферами“*, которыя сообщили ему неправильныя свѣдѣнія.

Прежде всего представляется неправильной точка зрѣнія, что Г. Думѣ только тогда принадлежитъ право запроса, когда власти дѣйствуютъ незакономѣрно и остаются безнаказанными; если же рѣчь идетъ о неправильномъ примѣненіи закона, то здѣсь *„полагается жалоба въ высшую инстанцію“*. Такая точка зрѣнія, отзывающаяся архаической губернской канцелярщиной, совершенно произвольно ограничиваетъ интерпеляціонное право Думы, предоставленное ей 58-й ст. Учр. Г. Думы.

Переходимъ къ самому инциденту: ознакомившись съ мнѣніемъ комиссіи, которая рѣшила отклонить запросъ, фракція нашла, что отклоненіе запроса было бы неправильнымъ; причемъ мотивы такого рѣшенія вопроса были совершенно противоположны взгляду, который

приписываетъ фракціи авторъ статьи, говоря, что октябристы присоединились къ соціалъ-демократамъ, врагамъ государственности, врагамъ конституціи. Фракція думала, что разъ предъявленъ въ установленной формѣ запросъ правительству, необходимо дать послѣднему полную возможность освѣтить дѣло и отвѣтить, насколько правильны были дѣйствія его агентовъ. Въ виду же того, что запросъ касался интересовъ рабочаго населенія, было особенно важно выяснить этотъ вопросъ, какъ правительственными объясненіями, такъ и обсужденіемъ его съ думской трибуны, ибо отвергнуть подобный запросъ значило бы только дать богатую пищу для подпольной пропаганды на этой почвѣ. Фракція полагала, что худшая система есть система замалчиванія, благодаря которой дается лишнее оружіе крайнимъ лѣвымъ партіямъ, дается право бросить упрекъ Думѣ, что она отказалась разобраться въ предъявленномъ обвиненіи.

Таковы были соображенія фракціи. Но въ виду того, что это мнѣніе расходилось съ мнѣніемъ комиссіи, въ составѣ которой находились октябристы, постановлено было по этому вопросу предоставить отдѣльнымъ членамъ фракціи свободу голосованія. Несмотря на такую постановку вопроса деп. Гололобовъ выступилъ на думской трибунѣ съ осужденіемъ взглядовъ фракціи, сопровождая свою критику ироническими замѣчаніями, имѣвшими тенденцію выставить фракцію въ смѣшномъ видѣ.

Бюро фракціи, состоящее изъ 18 человѣкъ (президіумъ и 13 избранныхъ общимъ собраніемъ фракціи лицъ), обсудивъ рѣчь Гололобова: *„отнеслось къ ней отрицательно и нашло ее вредной для интересовъ фракціи“* (текстъ журнальнаго постановленія бюро). Никакого же постановленія о выраженіи порицанія Гололобову бюро отнюдь не дѣлало и инцидентъ былъ бы исчерпанъ, если бы не появилось письмо Гололобова къ деп. Каменскому, которое въ еще болѣе рѣзкой формѣ подчеркивало его отношеніе къ фракціи. Вслѣдствіе заявленія деп. Кузовкова о разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи (въ виду заявленій Гололобова, дискредитирующихъ фракцію) назначено было общее собраніе на 11 марта и затѣмъ на 15 марта. На этихъ собраніяхъ вопросъ былъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ, и основная мысль, звучавшая въ большинствѣ рѣчей, была та, чтобы, не преувеличивая важности вопроса, не раздувая инцидента, признать правильными дѣйствія бюро и его оцѣнку отношенія Гололобова къ фракціи.

Постановленіе въ этомъ смыслѣ было принято единогласно, а всѣ произнесенныя рѣчи (включая и рѣчи самыхъ правыхъ направленій) ясно показали, что совершенно напрасны ожиданія враговъ партіи относительно раскола или распада ея.

Два многолюдныхъ собранія, на которыхъ произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній большинства членовъ фракціи, ярче чѣмъ когда-либо высказали твердое желаніе октябристовъ всѣхъ оттѣнковъ дружно сплотиться для сохраненія устойчивой силы центра, необходимой для продуктивной работы Г. Думы. Секретарь бюро фракціи Союза 17 октября *В. Бахиревъ*. 27 марта 1909 г.“.

Гучковъ и К⁰, повидимому, придавали особое значеніе этому опроверженію, ибо оно, кромѣ „Нов. Врем.“, помѣщено было въ „октябристскихъ газетахъ“ „Голосѣ Правды“ и „Голосѣ Москвы“. Послѣдняя газета сочла необходимымъ обрушиться на Гололобова съ ругательной статейкой, которая своимъ грязненькимъ содержаніемъ засвидѣтельствовала, что „кто-то“ очень раздраженъ Меньшиковымъ и всячески желаетъ унизить прославленнаго имъ Гололобова. Извѣстно, что мелкіе люди всегда не перевариваютъ, если хвалятъ другихъ, и потому „октябристская газетка“ сорвала свою злобу, но не возвысила тѣхъ, чьи „директивы“ и на этотъ разъ выполнила.

„Опроверженіе“, въ сущности, ничего не опровергло и никого не убѣдило въ правильности образа дѣйствій бюро, ибо не привело ни одной фактической поправки, сколько нибудь измѣняющей точку зрѣнія г. Меньшикова.

Гучковъ почувствовалъ, что его положеніе пошатнулось, и безъ поддержки извнѣ ему не устоять на достигнутой съ такимъ трудомъ высотѣ. Для сохраненія своего обаянія, для подъема авторитета бюро, нужны были сочувственныя имъ выступленія „провинціальныхъ октябристовъ“, которые показали бы сомнѣвающимся и злорадствующимъ, что могучая и многочисленная армія октябристовъ одобряетъ образъ дѣйствій своего генерала и его штаба. Естественно, что всего внушительнѣе было бы выступленіе екатеринославскихъ октябристовъ, равносильное порицанію Гололобова его избирателями. Оно давало бы въ руки „лидера“ сильный козырь и поправляло его плохую игру. Для соотвѣтствующей, такъ сказать „подтасовки картъ“ отправившійся въ Екатеринославъ Родзянко сталъ упрашивать немногочисленныхъ мѣстныхъ октябристовъ, чтобъ они поддержали думскую фракцію. Онъ пустилъ „дома“ тѣ самыя средства, какія были изготовлены въ Думѣ, указывая на опасность, грозящую Союзу 17 октября, на возможный и даже неизбѣжный роспускъ Думы и проч. Но эти уловки имѣли очень мало успѣха: екатеринославскіе „октябристы“ сумѣли отличить интересы Союза 17 октября и выгоды бюро; угроза роспускомъ Думы ихъ не испугала, такъ какъ они отъ этого ничего не теряли, а, пожалуй, кое-кто могъ и выиграть на новыхъ выборахъ. Собиравшійся въ Петербургѣ „выставить“ Гололо-

бова, Родзянко увидѣлъ, что нельзя настаивать на его удаленіи изъ партіи, а потому ограничился настояніями на необходимости выразить порицаніе Гололобову и одобреніе резолюціи фракціи по поводу его рѣчи. Екатеринославскіе октябристы на это не согласились и сначала не хотѣли дѣлать никакого постановленія. Тогда Родзянко заявилъ, что уйдетъ изъ партіи, если не будетъ никакого постановленія. Уходъ же Родзянки ставилъ крестъ на самомъ существованіи екатеринославскаго отдѣла Союза 17 октября. И вотъ въ виду этой угрозы, настойчивыхъ просьбъ вліятельнаго мѣстнаго дѣятеля, какимъ слѣдуетъ признать г. Родзянко, и российскаго обывательскаго мягкосердечія составлено было нижеслѣдующее постановленіе:

„1909 года Апрѣля 4 дня Правленіе Екатеринославскаго отдѣла Союза 17 октября, выслушавъ сообщеніе своего предсѣдателя, члена Государственной Думы, М. В. Родзянко, объ отношеніи Думской фракціи Союза 17-го октября къ рѣчи члена Государственной Думы, Я. Г. Гололобова, сказанной имъ въ Государственной Думѣ въ качествѣ докладчика по запросу о профессіональныхъ союзахъ, и принявъ во вниманіе какъ дальнѣйшія событія, вызванныя этой рѣчью, такъ и сообщеніе по этому же предмету члена Государственной Думы Я. Г. Гололобова, сдѣланное имъ группѣ Екатеринославскихъ избирателей 25 Марта с. г., единогласно постановило: „Основной задачей Союза въ области политической является укрѣпленіе представительнаго строя, возвѣщеннаго Манифестомъ 17 октября, и осуществленіе этимъ путемъ програмныхъ задачъ Союза. Достиженіе этой цѣли возможно только при наличности сильной парламентской фракціи, что для Союза 17 октября и наступило, наконецъ, въ Государственной Думѣ третьяго созыва. Поэтому всякое дѣйствіе членовъ фракціи, которое могло бы повести къ ея ослабленію, было бы громадной ошибкой для настоящаго и тяжелымъ ударомъ для будущаго всей партіи. Въ сознаніи настоятельной необходимости охраненія единства партіи, Правленіе Отдѣла и находитъ, что дѣйствія Думской фракціи Союза 17 октября и ея бюро, направленныя къ объединенію и сплоченію ея сочленовъ, заслуживаютъ полнаго сочувствія и одобренія, и выражаетъ чувство глубокаго удовлетворенія по поводу окончанія возникшаго было недоразумѣнія“.

Это постановленіе очень характерно для г.г. екатеринославскихъ октябристовъ: они наговорили очень много общихъ мѣстъ, но не опредѣлили точно и ясно своего отношенія ни къ Гололобову, ни къ Гучкову. Изъ постановленія вовсе не видно, чтобы Правленіе Отдѣла было на сторонѣ фракціи и порицало Гололобова. Оно не сказало прямо, какія дѣйствія считаетъ „громадной ошибкой“, ведущей фракцію къ ослаб-

ленію, рѣчь ли Гололобова, или дѣйствія Гучкова и К°. Оно предоставило догадываться, что мѣшаетъ „охраненію единства партіи", гнетъ ли правящей клики, или самостоятельное выступленіе отдѣльнаго члена. Оно выразило сочувствіе и одобреніе не всему поведенію бюро фракціи, а только „тѣмъ дѣйствіямъ", которыя „направлены были къ объединенію и сплоченію ея членовъ". Слѣдовательно, можно было это постановленіе толковать и не въ пользу „гучковцевъ" и ихъ лидера, имя котораго совершенно и, очевидно, намѣренно не упоминается. Безспорнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ остается лишь выраженіе „чувства удовлетворенія по поводу окончанія недоразумѣнія". Самое наименованіе „инцидента" „*недоразумѣніемъ*" даетъ, однако, основаніе полагать, что екатеринославцы въ сущности оправдывали поведеніе Гололобова и не хотѣли только, блюдя „единство партіи", высказать свою мысль съ полной опредѣленностью. Во всякомъ случаѣ М. В. Родзянко не удалось „выставить" Гололобова и удовлетворить пламенное желаніе своего „лидера".

Неудача Родзянко въ Екатеринославѣ совпала съ торжествомъ Гучкова въ Москвѣ: состоящій подъ его предсѣдательствомъ и вполнѣ ему покорный Московскій Центральный Комитетъ Союза 17 октября принялъ желательное для „лидера" постановленіе такого содержанія:

„Центральный Комитетъ" Союза 17 октября, въ засѣданіи 25 апрѣля 1909 года разсмотрѣлъ: 1) рѣчь члена Государственной Думы Я. Г. Гололобова, произнесенную имъ 25 февраля с. г.; 2) статью его же въ № 71858 „Новаго Времени" и 3) его же письмо къ члену Государственной Думы П. В. Каменскому, постановилъ: выразить Думской фракціи октябристовъ, что Центральный Комитетъ видитъ весьма серьезное нарушеніе партійной дисциплины и нѣкоторое оскорбленіе партіи въ недопустимыхъ оборотахъ и замѣчаніяхъ указанной рѣчи и писемъ г. Гололобова.

Центральный Комитетъ полагаетъ, что такое дѣйствіе трудно совмѣстимо съ принадлежностью автора рѣчи и писемъ къ составу политической партіи, къ которой онъ относится съ пренебреженіемъ".

Въ этомъ постановленіи ясно сквозитъ желаніе рѣзкостью выраженій заставить Гололобова уйти изъ стана октябристовъ, или побудить фракцію исключить оскорбившаго ее и серьезно нарушившаго партійную дисциплину члена.

Постановленія екатеринославскихъ и московскихъ октябристовъ были доложены въ засѣданіи фракціи, но были ею приняты только къ свѣдѣнію. Явственно получало перевѣсъ

желаніе такъ или иначе поскорѣе покончить съ затянувшимся и изрядно надоѣвшимъ „инцидентомъ". Попытка натолкнуть фракцію на исключеніе Гололобова неудалась и докладъ былъ сдѣланъ въ пустую.

Но отнюдь не всѣ отдѣлы обнаружили мудрую изворотливость екатеринославцевъ и явную угодливость москвичей: въ средѣ октябристовъ нашлись люди, далеко стоящіе и отъ Гучкова и отъ Гололобова и сдѣлавшіе смѣлый вполнѣ независимый шагъ: въ „Рѣчи" было обнародовано нижеслѣдующее письмо Предсѣдателя Двинскаго Отдѣла Союза 17 октября на имя Московскаго Центральнаго Комитета:

„Милостивые государи! 2-й всероссійскій общій съѣздъ делегатовъ союза 17 октября состоялся въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ мая мѣсяца 1907 г. Слѣдовательно, съ того времени прошло почти два года, тогда какъ, согласно § 17-му устава союза, очередной общій съѣздъ долженъ созываться не менѣе одного раза въ годъ. Кромѣ того, послѣ состоявшагося въ 1907 г. съѣзда, произошли такія событія, имѣющія для нашего государства громадное значеніе, какъ роспускъ II-й Гос. Думы, изданіе новаго избирательнаго закона и, наконецъ, самые выборы членовъ въ Гос. Думу III-го созыва. Въ виду всего этого я полагаю, что московскій центральный комитетъ безусловно долженъ былъ созвать въ Москвѣ общій III-й всероссійскій съѣздъ делегатовъ нашего союза и сдѣлать это, если не тотчасъ же послѣ выборовъ въ Гос. Думу, то во всякомъ случаѣ, въ началѣ января 1908 г. для обсужденія какъ созданнаго выборами положенія октябристовъ въ Гос. Думѣ, такъ равно и для выработки общихъ директивъ союза для думской фракціи, а попутно и для реорганизаціи московскаго центральнаго комитета, въ виду избранія въ члены Государств. Думы предсѣдателя московскаго центральнаго комитета и лидера нашего союза А. И. Гучкова. Ни онъ—предсѣдателемъ, ни вся наша думская фракція—членами московскаго центральнаго комитета быть не могутъ, такъ какъ дѣйствія членовъ думской фракціи нашего союза и проведеніе его законопроектовъ въ Гос. Думѣ должны всегда находиться подъ наблюденіемъ и контролемъ московскаго центральнаго комитета.

Съ перваго дня открытія засѣданій Гос. Думы III-го созыва и до сихъ поръ, т. е. въ теченіе 18 мѣсяцевъ, мы, выборщики, члены отдѣловъ союза, не имѣемъ отъ членовъ бюро думской фракціи нашего союза ни отчета въ ея дѣйствіяхъ въ Гос. Думѣ, ни свѣдѣній и сообщеній объ истинномъ положеніи дѣлъ въ самой Гос. Думѣ. Подобное пренебрежительное, чтобы не сказать болѣе рѣзко, отношеніе членовъ бюро думской фракціи нашего союза къ своимъ выборщикамъ и сочленамъ по союзу является совершенно ненормальнымъ и требуетъ всесторонняго обсужденія на общемъ съѣздѣ, при участіи возможно большаго числа представителей провинціальныхъ отдѣловъ. Кромѣ того, какъ извѣстно, назначенный московскимъ цен-

тральнымъ комитетомъ III-й всероссійскій общій съѣздъ делегатовъ нашего союза въ Петербургѣ на январь мѣсяцъ сего года и отложенный затѣмъ на 1-е февраля с. г., распоряженіемъ бюро думской фракціи, былъ совсѣмъ отмѣненъ, даже безъ назначенія времени созыва съѣзда въ будущемъ. Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ въ газетахъ сообщалось, что бюро думской фракціи октябристовъ назначило III-й всероссійскій съѣздъ въ Москвѣ на 9 октября с. г.

Изъ изложенныхъ фактовъ я прихожу къ заключенію, что у союза 17 октября нѣтъ никакой организаціи, а распоряжается всѣмъ союзомъ бюро думской фракціи, состоящее изъ группы въ 15—20 человѣкъ,—членовъ фракціи.

Подобное бюро есть не болѣе, какъ канцелярія думской фракціи и распоряжаться всѣмъ союзомъ, а тѣмъ болѣе назначать или отмѣнять общіе съѣзды оно не имѣетъ никакого права, ибо на это никто его не уполномачивалъ. Независимо отъ сего, какъ видно изъ хода думскихъ засѣданій и обсужденій законопроектовъ, бюро, или вѣрнѣе сказать группа въ 20—25 членовъ думской фракціи нашего союза, верховодитъ въ Гос. Думѣ всѣмъ законодательствомъ Россійской Имперіи отъ имени союза 17 октября, но безъ его на то уполномочія.

Если, дѣйствительно, бюро думской фракціи нашего союза назначило III-й всероссійскій съѣздъ на 9 октября с. г. въ Москвѣ и если московскій центральный комитетъ изъявилъ свое согласіе, то я считаю долгомъ предупредить васъ, милостивые государи, что откладывать съѣздъ до 9-го октября, въ виду совершающихся неожиданно великихъ міровыхъ событій, весьма рискованно. По всей вѣроятности, въ настоящую сессію Государственной Думы могутъ быть пущены въ ходъ вопросы окраинный и даже еврейскій. По крайней мѣрѣ, „самъ Пергаментъ" вѣщаетъ, что обязательно подниметъ „в о в е с ь р о с т ъ" и вопросъ еврейскій. Поэтому я полагаю, что нашему союзу необходимо во всеоружіи быть готовымъ всегда къ отбою еврейскаго натиска. Необходимо также обратить вниманіе и на то, что ко д н ю 9-го о к т я б р я созыва съѣзда весьма позможно ожидать, что въ нашемъ союзѣ не останется ни одного члена, кромѣ членовъ бюро думской фракціи. Вѣдь, и теперь уже, послѣ гололобовскаго инцидента, и другихъ выпадовъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ думской фракціи нашего союза въ Гос. Думѣ, очень многіе члены нашего союза уходятъ въ другіе союзы—къ умѣренно правымъ и националистамъ.

Поэтому я нахожу крайне необходимымъ созвать III-й всероссійскій общій съѣздъ делегатовъ союза 17-го октября въ Москвѣ не позже первыхъ чиселъ будущаго мая мѣсяца и программу съѣзда до утвержденія ея центральнымъ комитетомъ, разослать для разсмотрѣнія и дополненія въ провинціальные отдѣлы союза. Предсѣдатель двинскаго отдѣла союза 17 октября **Филипповъ**".

Смѣлое заявленіе Предсѣдателя Двинскаго Отдѣла, конечно, не повлекло за собой назначеніе въ маѣ съѣзда октябристовъ, но открыло глаза „лидеру" на назрѣвающую опас-

ность: „гололобовскій инцидентъ“, очевидно, въ средѣ провинціальныхъ октябристовъ вызвалъ глухое броженіе и далъ выходъ издавна накоплявшемуся недовольству Центральнымъ Комитетомъ и его превращеніемъ въ покорное орудіе думской фракціи и ея „лидера“. По мнѣнію провинціаловъ, направляющее руководство должно было принадлежать не случайно попавшимъ въ Думу такъ называемымъ „октябристамъ“, а подлиннымъ, испытаннымъ членамъ Союза, по общему избранію представителей отдѣловъ удостоеннымъ званія членовъ Центральнаго Комитета. Подъ наблюденіемъ и контролемъ этого Комитета должна была находиться и дѣйствовать думская фракція и ея „лидеръ“. Это подрѣзывало крылья Гучкову и К°, которымъ передъ лицомъ всей Россіи бросался тяжелый упрекъ въ томъ, что они дѣйствовали отъ имени всего Союза 17 октября, хотя не были облечены надлежащими полномочіями, т. е. показали себя „политическими самозванцами“. Для Гучкова и К° было въ высшей степени важно не дать разгорѣться столь опасному пламени, а потому было рѣшено поскорѣе затоптать возбудившую его искру.

IX.

Всѣмъ освѣдомленнымъ людямъ было ясно, что „гололобовскій инцидентъ“, несмотря на отрывочность данныхъ, проникшихъ по его поводу въ печать, сильно возстановилъ провинціальныхъ октябристовъ противъ самовластнаго образа дѣйствій клевретовъ А. И. Гучкова, засѣвшихъ въ „бюро парламентской фракціи Союза 17 октября и примыкающихъ“. Поэтому распространеніе въ широкихъ кругахъ правильныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о „гололобовскомъ инцидентѣ“ было для „гучковцевъ“ въ высокой степени нежелательнымъ и они, прежде всего, постарались помѣшать осуществленію обѣщанія, даннаго Гололобовымъ „екатеринославскимъ октябристамъ“.

Какъ извѣстно Гололобовъ обѣщалъ напечатать сдѣланное имъ въ Екатеринославѣ сообщеніе и вотъ М. В. Родзянко, уговаривавшій своего „земляка“ покориться, молчать и ничего не печатать, узнаетъ о его намѣреньи обнародовать документальныя данныя въ „Русской Правдѣ“. Тотчасъ на издателя этой газеты, почтеннаго члена Государственной

Думы, И. В. Тищенко, оказывается „надлежащее давленіе“. Правда, И. В. Тищенко на засѣданіи правленія екатеринославскаго отдѣла Союза 17 октября сказалъ въ глаза М. В. Родзянко, что надъ нимъ (Тищенко) и надъ многими правыми октябристами произведено было насиліе при голосованіи во фракціи постановленія по поводу рѣчи Гололобова, но это сознаніе не помѣшало издателю „Русской Правды“ отказать потерпѣвшему больше другихъ отъ нравственнаго насилія въ гостепріимствѣ на столбцахъ своей газеты и онъ лишенъ былъ возможности своевременно повѣдать русскому обществу скорбную повѣсть объ усмотрѣніи и произволѣ Гучкова и К°. Отказъ этотъ былъ сдѣланъ подъ тѣмъ предлогомъ, что обнародованіе гололобовскаго сообщенія вызоветъ въ партіи расколъ, какъ будто замалчиваніе правды можетъ послужить сколько-нибудь прочнымъ связующимъ звеномъ! Вѣдь правду не потопишь и она, рано-ли, поздно-ли, всплыветъ несмотря на всѣ ухищренія „гучковцевъ“. Сколько бы они ни старались, проповѣдуя свободу печатнаго слова, зажимать рты, всѣхъ они не смогутъ заставить молчать. Правдивыя разоблаченія поставятъ передъ каждымъ вдумчивымъ и самостоятельнымъ „октябристомъ“ роковой вопросъ объ установленіи извѣстныхъ правилъ для упорядоченія взаимныхъ отношеній „бюро парламентской фракціи Союза 17-го октября“, „Центральныхъ Комитетовъ“, Правленій Отдѣловъ и отдѣльныхъ членовъ Союза. Партія, поставившая своей задачей водвореніе основъ гражданской свободы въ Россіи не можетъ руководиться произволомъ и усмотрѣніемъ лидера и кучки его „приспѣшниковъ“. Иначе противники „октябристовъ“ всегда будутъ имѣть противъ нихъ прекрасное оружіе и съ полнымъ правомъ скажутъ: „врачу, исцѣлися самъ!“ Кто можетъ повѣрить въ способность партіи искоренить бюрократическое засиліе, когда ея вожаки сами подаютъ примѣры давленія, насилія, угнетенія иначемыслящихъ и раболѣпнаго пресмыканія передъ созданными ихъ воображеніемъ кумирами? Какой свободный и самостоятельный гражданинъ согласится плясать подъ чужую дудку? Почему избиратели, своими голосами проведшіе „октябристовъ“ въ Думу, не должны знать правду и обречены только слѣпо повиноваться мановенію руки г. лидера и его приспѣшниковъ?

На всѣ эти и имъ подобные вопросы рано или поздно

А. И. Гучкову придется дать обоснованный отвѣтъ. Онъ это прекрасно понимаетъ, а потому рѣшилъ добиться во что бы то ни стало устраненія изъ фракціи „октябристовъ“ тѣхъ людей, которые могли на предстоящемъ съѣздѣ октябристовъ раскрыть глаза провинціальнымъ членамъ Союза 17 октября, познакомить ихъ съ тѣневою стороною дѣятельности фракціи въ Государственной Думѣ и организовать оппозицію самовластію „лидера“ и его клики.

Конечно, первой жертвой долженъ былъ явиться Голобовъ. Его не удалось исключить изъ фракціи за „пресловутую рѣчь“. Признаніе ея „недопустимой“ не позволяло еще разъ пересматривать это дѣло и усиливать кару за содѣянное прегрѣшеніе. Надо было изобрѣсти какой-либо новый пріемъ тѣмъ болѣе, что обсужденіе вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ поселило въ средѣ октябристовъ новыя сѣмена разлада и зашатался еще сильнѣе авторитетъ А. И. Гучкова, обѣщавшаго провести въ ущербъ господствующему положенію Православія, всѣ поправки кадетовъ къ министерскому проекту.

Хитроумный „лидеръ“ употребилъ обычное средство честолюбцевъ, чувствующихъ себя „незамѣнимыми“ въ виду отсутствія вліятельныхъ и опасныхъ соперниковъ: онъ заявилъ, что слагаетъ съ себя званіе предсѣдателя бюро фракціи октябристовъ, а слѣдовательно и лидерство.

Въ доказательство якобы непреклонной твердости этого своего рѣшенія А. И. Гучковъ выѣхалъ изъ Петербурга. Его „товарищи“ по предсѣдательствованію, въ свою очередь, уклонившись отъ руководства фракціей: В. К. Анрепъ заболѣлъ, а М. В. Родзянко отправился въ Екатеринославъ. „Овцы“ такимъ образомъ остались безъ „пастырей“ и почувствовали свою слабость: рядовые октябристы очень кичатся своей принадлежностью къ „большинству“ и не мало членовъ Государственной Думы входятъ въ составъ ихъ фракціи только потому, что „октябристовъ“ много и они „сильно вліяютъ на рѣшенія Думы“; въ какомъ направленіи идетъ это вліяніе—объ этомъ кое-кто не задумывается, равно какъ и не слѣдитъ за цѣлесообразностью думскихъ постановленій: „мы взяли верхъ“, „мы побѣдили“—сознаніе этого достаточно пріятно щекочетъ самолюбіе рядового „по-

бѣдителя“, чтобъ онъ сталъ еще ломать голову надъ вопросомъ: „а куда ведутъ Россію наши побѣды?“

Естественно, что удаленіе со сцены вожаковъ въ тяжелое время, когда на очереди стояли важные и отвѣтственные законопроекты, всколыхнуло октябристскую рать; она сознала свою безпомощность, свое неумѣнье лавировать среди перекрещивающихся теченій, свою неосвѣдомленность въ планахъ и намѣреньяхъ правительства; она опасалась натиска и правыхъ и лѣвыхъ; ее озабочивали отношенія къ „кабинету“, положеніе котораго признавалось „непрочнымъ“ въ виду осложненій по поводу законопроекта о морскихъ штатахъ; она поняла, что для сохраненія за собой поля брани ей нуженъ общепризнанный и вліятельный вождь, а на тускломъ октябрьскомъ небосклонѣ ни одна звѣзда не горѣла такимъ яркимъ блескомъ, какъ созвѣздіе А. И. Гучкова. Вдобавокъ противники этого свѣтила, связанные рядомъ мѣстныхъ дѣлъ, къ концу сессіи уже въ значительномъ количествѣ разъѣхались и сторонники лидера имѣли подъ ногами прочную почву, когда подняли вопросъ о возвращеніи А. И. Гучкова на предсѣдательское кресло. Обострившіяся отношенія къ правымъ, неумное выступленіе Московскаго Центральнаго Комитета съ неудачной деклараціей, дѣтскія оправданія, въ ней приведенныя, больно задѣвали самолюбіе думскихъ октябристовъ. Въ эту минуту „поправѣть“ казалось многимъ изъ нихъ равносильнымъ признанію себя побѣжденными въ борьбѣ съ правыми, а потому уклонъ фракціи влѣво сдѣлался еще болѣе замѣтнымъ; безвольные и слабохарактерные люди, каждый въ отдѣльности или въ общей совокупности, обнаруживаютъ всегда потребность въ руководителѣ, въ направляющей волѣ, въ сильномъ характерѣ.

А. И. Гучковъ былъ прекрасно освѣдомленъ во всѣхъ настроеніяхъ, переживаемыхъ безпомощными думскими октябристами, и, рѣшивъ, что насталъ моментъ дѣйствовать, возвратился въ Петербургъ. Къ нему поспѣшили направить депутацію съ усиленными просьбами вернуться на постъ лидера, не бросать фракцію въ такое трудное время. А. И. Гучковъ не выразилъ своего согласія, но далъ понять, что путь къ его возращенію долженъ быть расчищенъ предварительнымъ устраненіемъ всѣхъ тѣхъ, кто не преклоняется передъ

его мудростью и политическимъ тактомъ. Тогда кое-кто изъ болѣе независимыхъ октябристовъ сталъ проводить мысль о возведеніи въ званіе предсѣдателя фракціи М. В. Родзянко. Но отъ него получилась телеграмма изъ его родной Окуловки: „рѣшительно поддерживаю свой отказъ отъ товарища предсѣдателя фракціи въ случаѣ отказа Гучкова",—другими словами я могу лишь состоять при А. И. Гучковѣ.

Положеніе дѣлъ еще болѣе осложнялось и нуженъ былъ поскорѣе выходъ изъ него. И вотъ на фракціонномъ засѣданіи октябристовъ баронъ Мейендорфъ съ присущей ему простодушной добросовѣстностью правильно очертилъ положеніе дѣлъ, во всеуслышанье заявивъ: „нужны жертвы для очищенія атмосферы; нужны жертвы на алтарь возвращенія лидера".

Итакъ разгнѣванное божество устами своего жреца потребовало умилостивительныхъ жертвъ отъ своихъ поклонниковъ. Сотворившіе себѣ кумиръ должны были извѣдать на собственномъ опытѣ, что культъ не можетъ существовать безъ жертвоприношеній. Въ данномъ случаѣ духовному закланію должны были подвергнуться виднѣйшіе представители правыхъ октябристовъ. Для своеобразнаго человѣческаго жертвоприношенія думская молва предназначала въ первую очередь Гололобова, Шейдемана, Половцева, барона Черкасова и другихъ, имена коихъ оставались невѣдомыми до дня жертвоприношеній, назначенныхъ на 23 мая.

Неопредѣленность эта породила большое смущеніе въ средѣ „октябристовъ": одни увѣряли, что грозный Юпитеръ Союза 17 октября такъ разгнѣванъ, что не удовольствуется меньше, чѣмъ 20—30 искупительными жертвами; другіе дерзостно говорили: „будетъ съ него и 5—8 наиболѣе свободолюбивыхъ и осмѣливавшихся безтрепетно возражать „генію Союза 17 октября"; кто съ тревогой задумчиво напѣвалъ „сегодня ты, а завтра я"; кто открыто безпокоился: „а что какъ и меня включатъ въ число обреченныхъ; вѣдь и я иногда голосовалъ не по указкѣ Александра Ивановича!" кто втихомолку возмущался проявленіемъ варварскаго фанатизма и, оглядываясь, кипѣлъ негодованіемъ противъ требовательности Гучкова и готовности бар. Мейендорфа тащить къ его алтарю своихъ же товарищей по фракціи. Лѣвые посмѣивались, но остерегались открыто осуждать образъ дѣйствій

Гучкова, ибо лелеяли надежду сблизиться съ октябристами послѣ изгнанія нечестивыхъ изъ ихъ фракціи. Правые возмущались угодничествомъ октябристовъ: „неужели они не понимаютъ, какъ низко палъ Союзъ 17 октября, принося жертвы своему „лидеру“, раболѣпствуя предъ Гучковымъ, бюро фракціи и центральнымъ комитетомъ вмѣсто того, чтобы выполнять свое прямое и благородное предназначеніе—служить Богу, Царю и Отечеству!“

Тѣмъ не менѣе „октябристы“ рѣшили намѣтить жертвъ путемъ своеобразной баллотировки: на фракціонномъ засѣданіи предположено было подавать записки съ именами лицъ, присутствіе которыхъ въ рядахъ фракціи казалось подателю неудобнымъ. Члены фракціи, получившіе свыше 30 записокъ, должны были подвергнуться баллотировкѣ; уклонившіеся отъ нея и не собравшіе большинства баллотировочныхъ голосовъ признавались выбывшими изъ фракціи. Конечно, поднимался вопросъ, имѣются-ли основанія, чтобы признать за поклонниками А. И. Гучкова монополію на наименованіе октябристами. Вѣдь названія политическихъ партій не могутъ быть приравнены къ клеймамъ фабрикъ и торговыхъ фирмъ. Сколько бы записокъ ни получили предназначенные къ исключенію изъ фракціи члены Государственной Думы, они останутся октябристами для своихъ избирателей, разъ послѣдніе отдавали свои голоса человѣку, идущему подъ опредѣленнымъ политическимъ флагомъ. Только избиратели и съѣздъ представителей всѣхъ отдѣловъ Союза могли бы объявить то или иное лицо, уклонившимся отъ партійной программы и потому не могущимъ носить званіе представителя партіи. Неповиновеніе „лидеру“ не свидѣтельствуетъ еще объ отступничествѣ отъ партійной политической программы, ибо даже въ программѣ Союза 17 октября не помѣщено обязательство слѣпо, безъ разсужденій творить волю А. И. Гучкова. Ученіе даже этой политической партіи не возводитъ на степень догмата безусловное повиновеніе непогрѣшимому лидеру, ибо подобное почитаніе главы свойственно только сектантскимъ толкамъ.

Но для правильной оцѣнки „октябристовъ“ надо принять во вниманіе, что „изгнаніе непокорныхъ“ было принято всего 67 голосами противъ 8, тогда какъ по ихъ фракціоннымъ спискамъ насчитывается 139 членовъ. Слѣдовательно,

отсутствовала почти половина думскихъ октябристовъ и это благопріятное обстоятельство использовалъ А. И. Гучковъ, который, видя раскалываніе фракціи, задумалъ отколоть ненадежную часть и связать остальныхъ желѣзнымъ обручемъ партійной дисциплины. Поэтому-то лидеръ и поставилъ условіемъ своего возвращенія большую сплоченность фракціи, или, по просту, покорность его властной волѣ: конституціоналистъ по названію хотѣлъ быть полнымъ хозяиномъ во фракціи, превративъ ея членовъ въ своихъ „молодцовъ" и „прикащиковъ".

Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что, въ необходимости возвращенія А. И. Гучкова на лидерскій стулъ убѣждены были многіе весьма почтенные и уважаемые „октябристы". Такъ напримѣръ, даже такой правый октябристъ, какъ пользующійся общимъ уваженіемъ предсѣдатель редакціонной комиссіи, П. Г. Матюнинъ, высказалъ свое мнѣніе, что октябристская фракція безъ А. И. Гучкова „не стоитъ ломанаго гроша". Этотъ отзывъ нельзя не признать весьма „лестнымъ" для фракціи, насчитывающей 139 членовъ, и для всего Союза 17 октября, который провелъ въ Думу, очевидно, не худшихъ своихъ представителей. Но подобное заявленіе характеризуетъ скорѣе настроеніе думскихъ октябристовъ, чѣмъ всеобщее убѣжденіе членовъ „Союза 17 октября". Если бы дѣло обстояло иначе, то несомнѣнно должно было бы произойти переименованіе „Союза 17 октября" въ союзъ А. И. Гучкова и, отказавшись отъ несоотвѣтствующаго дѣйствительности имени „октябристы" должны были бы открыто принять кличку „гучковцы".

Поэтому Гололобовъ и другіе обреченные на удовлетвореніе самолюбія г. лидера члены октябристской фракціи имѣли полное основаніе называть себя „октябристами" и проявлять самостоятельность въ качествѣ облеченныхъ довѣріемъ населенія людей. Гучковцы обнаружили къ нимъ мелочную придирчивость и на каждомъ шагу готовы были угодить своему „божеству" причиненіемъ какой-либо непріятности тѣмъ, кто не пресмыкался передъ нимъ.

Вотъ краснорѣчивый примѣръ: въ концѣ весенней сессіи учреждена была новая комиссія для изученія и подготовки законопроектовъ, касающихся городовъ. Гололобовъ принималъ дѣятельное участіе въ предварительныхъ част-

ныхъ засѣданіяхъ и какъ хорошій работникъ и знатокъ дѣла намѣченъ былъ даже въ бюро новой комиссіи. Гучковцы, въ ущербъ дѣлу, рѣшили не проводить его отъ фракціи октябристовъ, а такъ какъ каждая думская фракція намѣчаетъ своихъ кандидатовъ, которые включаются въ общій списокъ, подаваемый членами Думы, то Гололобовъ этой интригой устранялся отъ дѣла, которому могъ принести только пользу. О продѣлкѣ октябристовъ узнали „правые" и, цѣня Гололобова, какъ независимаго и дѣльнаго человѣка, включили его въ число своихъ кандидатовъ. Изумленные гучковцы въ день подачи записокъ увидѣли на нихъ ненавистное имя Гололобова, стали вычеркивать его, замѣняя, каждый въ отдѣльности, фамиліями пріятныхъ имъ „лѣвыхъ". Но на эту замѣну обратили вниманіе правые, усмотрѣли въ ней нарушеніе междупартійнаго соглашенія и посягательство на право каждой фракціи самой выдвигать достойныхъ, по ея мнѣнію, кандидатовъ. Лѣвые согласились съ этими доводами, честно отнеслись къ подачѣ голосовъ и, къ великому огорченію А. И. Гучкова и его клики, въ числѣ избранныхъ оказался Гололобовъ. Это избраніе его враги не замедлили использовать какъ поводъ къ новымъ на него нападкамъ, утверждая, будто Гололобовъ былъ забаллотированъ на фракціонномъ собраніи „октябристовъ", перешелъ къ правымъ и потому былъ выдвинутъ ими въ члены городской комиссіи. Эти обвиненія дошли до свѣдѣнія отсутствовавшаго Гололобова, который изъ Екатеринослава обратился въ редакцію „Новаго Времени" съ такимъ письмомъ:

„М. Г. въ № 11914 вашей уважаемой газеты помѣщено сообщеніе о постановленіи центральнаго комитета союза 17 октября по поводу „гололобовскаго" инцидента, а также о моей баллотировкѣ въ комиссію по городскому самоуправленію.

Еще при возбужденіи вопроса о моей рѣчи въ Г. Думѣ я совѣтовалъ А. И. Гучкову и членамъ бюро фракціи октябристовъ не тратить дорогого времени депутатовъ, въ интересахъ фракціи и собственнаго достоинства, на такое дѣло, какъ цензура рѣчей своихъ сочленовъ, но они совѣта не послушались и устроили изъ моей рѣчи, ничего предусмотрительнаго не представляющей, инцидентъ. Мало того, они послѣ окончанія инцидента во фракціи стали собирать на сторонѣ одобрительныя для фракціи и обвинительные для меня приговоры. М. В. Родзянко, товарищъ предсѣдателя (А. И. Гучкова) фракціи, поѣхалъ въ Екатеринославъ и тамъ отъ состоящаго подъ его предсѣдательствомъ правленія отдѣла союза 17 октября настой-

чиво, подъ угрозой отказа отъ предсѣдательства, потребовалъ постановленія объ одобреніи дѣйствій фракціи и порицаніи меня. Постановленіе было дано, но оно было не такое, какого желалъ г. Родзянко, и содержало такъ мало одобрительнаго и порицательнаго, что публиковать его въ газетахъ не стоило.

Въ Москвѣ, въ центральномъ комитетѣ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова, составлено постановленіе желательнаго ему содержанія, а потому и было опубликовано въ газетахъ, въ томъ числѣ и въ „Новомъ Времени“.

Но этимъ не ограничились. Вмѣстѣ съ опубликованіемъ постановленія центральнаго комитета сообщаютъ для печати извращенныя свѣдѣнія, какъ это имѣло мѣсто въ вашей газетѣ. Въ замѣткѣ въ № 11914 сказано, что я „балотировался отъ октябристовъ въ комиссію по городскому самоуправленію и былъ забалотированъ большинствомъ 46 голосовъ противъ 4“; на самомъ же дѣлѣ балотировки не было, а собравшіеся во фракцію члены, въ громадномъ большинствѣ лѣвые (правые октябристы въ послѣднее время фракцію мало посѣщаютъ), намѣчали записками кандидатовъ въ означенную комиссію и намѣтили конечно всѣхъ своихъ. Я во фракціи не былъ, о желаніи быть избраннымъ въ комиссію не заявлялъ и если при всемъ томъ меня записали четверо, то едва ли можно сказать, что я былъ забаллотированъ, иначе вмѣстѣ со мною нужно признать забаллотированными и всѣхъ остальныхъ, кромѣ 15 намѣченныхъ, 123 членовъ фракціи, мало получившихъ и совсѣмъ не получившихъ записокъ.

Но это не все. Лица, сообщившія вашему сотруднику свѣдѣнія о моемъ забалотированіи, не сообщили одного, казалось бы, имѣющаго въ данномъ случаѣ значеніе свѣдѣнія, а именно, что я, несмотря на „забалотированіе“, избранъ въ комиссію по городскому самоуправленію Г. Думою.

Въ виду этого-то обстоятельства, для исправленія неправильности и неполноты помѣщеннаго въ вашей газетѣ сообщенія, я и прошу покорнѣйше напечатать настоящее письмо.

Не могу не прибавить, что нападками и покушеніями на меня въ газетахъ я вынужденъ, единственно въ цѣляхъ самозащиты, отвѣчать, чего я совсѣмъ бы не желалъ. Я снова рекомендую нападающимъ устроителямъ „инцидента“ прекратить инцидентъ, оставить меня въ покоѣ и самимъ успокоиться“.

Я. Гололобовъ.

17 мая 1909 г.
Екатеринославъ.

Конечно, это письмо подлило масла въ огонь. Злоба „гучковцевъ“ достигла крайняго напряженія и „исключеніе Гололобова изъ фракціи“ должно было покарать его за строптивость. Однако, желая отнять у него возможность ссылаться на неосвѣдомленность о фракціонномъ постановле-

нiи подвергнуть часть членовъ фракцiи баллотировкѣ, уѣхавшему въ Екатеринославъ Гололобову были отправлены офицiальныя телеграммы, вызвавшiя телеграфный же отвѣтъ Гололобова.

Въ виду искаженiй, допущенныхъ „октябристами“, приводимъ объ этомъ обмѣнѣ подлинное свидѣтельство Гололобова, въ видѣ его письма въ „Новое Время“ [1]).

„М. Г. г. Редакторъ. Вынужденъ покорнѣйше просить Васъ о помѣщенiи настоящаго письма въ Вашей уважаемой газетѣ.

Въ № 11922 „Нов. Времени“ сообщено, что въ центральномъ комитетѣ Союза 17 октября получена отъ меня телеграмма, въ которой я заявляю о нежеланiи ставить свою фамилiю на баллотировку. По этому поводу считаю необходимымъ объяснить для свѣдѣнiя октябристовъ, а равно всѣхъ интересующихся ихъ дѣйствiями, къ какимъ одиссейски-хитроумнымъ прiемамъ прибѣгаютъ руководители лѣвыхъ октябристовъ, чтобы избавиться отъ нѣсколькихъ непокорныхъ членовъ фракцiи и чтобы держать въ повиновенiи болѣе робкихъ изъ нихъ.

Создавъ изъ за моей рѣчи въ Г. Думѣ „Гололобовскiй инцидентъ“, не вышедшiе изъ него побѣдителями А. И. Гучковъ и лѣвые его сторонники стали принимать всяческiя мѣры, чтобы вытѣснить меня изъ фракцiи. Они стали собирать одобрительныя для себя и порицательныя для меня резолюцiи, старались недопустить меня въ комиссiю и проч., но я не уходилъ изъ фракцiи октябристовъ прежде всего потому, что мнѣ некуда уходить, ибо октябристу по убѣжденiямъ (а только убѣжденiями и ничѣмъ инымъ опредѣляется принадлежность къ извѣстной политической партiи) мѣсто среди октябристовъ и нигдѣ больше. Такъ какъ исключить меня изъ фракцiи нельзя было, потому что никакихъ поводовъ не было, то придуманъ былъ особый способъ. 19 мая мною въ Екатеринославѣ получена была слѣдующая телеграмма: „Субботу вечеромъ во фракцiи назначена баллотировка тѣхъ сочленовъ, требованiе о баллотировкѣ коихъ будетъ заявлено не менѣе 30 членами. Бюро“. 20 мая я снова получилъ за подписью бюро фракцiи такого-же содержанiя телеграмму. Ясно было, что на меня производится самый энергичный натискъ. Въ отвѣтъ я телеграфировалъ бюро слѣдующее: „Считаю неправильной и беспримѣрной баллотировку вслѣдствiе заявленiя тридцати лицъ, тѣмъ болѣе относительно отсутствующихъ членовъ фракцiи; при такихъ условiяхъ баллотироваться не желаю. Слѣдуетъ баллотировать всѣхъ членовъ послѣ каникулъ“. Моя телеграмма признана была бюро заявленiемъ объ выходѣ изъ фракцiи и затѣмъ всякая баллотировка была отмѣнена.

Теперь скажите, гдѣ, въ какихъ организацiяхъ, общественныхъ или даже въ кружковыхъ, примѣнялась баллотировка состоящихъ

---

[1]) Письмо это осталось, однако, не напечатаннымъ въ „Новомъ Времени!“

уже въ организаціи созидавшихъ ее членовъ по заявленію нѣсколькихъ человѣкъ? Можно сказать, что хотя нигдѣ вступленіе въ политическую партію не обусловливается баллотировкой, октябристы могутъ это установить, но тогда нужно считать фракцію несуществующей и баллотировать всѣхъ желающихъ въ нее вступить. Тогда былъ бы хоть какой нибудь смыслъ. При баллотировкѣ-же состоящихъ во фракціи членовъ получается такое положеніе: если Вы по своимъ воззрѣніямъ принадлежите къ меньшинству, то Васъ во всякое время по заявленію нѣсколькихъ лицъ могутъ поставить на баллотировку и исключить, а потому молчи и подчиняйся, свое сужденіе имѣть не смѣй; точно также, если ты сегодня не понравился 30 членамъ, тебя поставятъ на баллотировку, не удалось забаллотировать сегодня, снова поставятъ завтра; затѣмъ, сегодня одного поставятъ, завтра другого и т. д. Во что при такихъ условіяхъ обратится фракція?

Несомнѣнно вся эта комбинація съ баллотировкой затѣяна исключительно для того, чтобы избавиться отъ меня и нѣсколькихъ другихъ членовъ, высказывающихъ правду въ глаза А. И. Гучкову и лѣвымъ его сторонникамъ. А если это такъ, то чѣмъ-же послѣ того какъ не подвохомъ и насиліемъ можно назвать такія дѣянія?"

Изъ этого письма явствуетъ, что „гучковцы" нѣсколько свободно истолковали отвѣтъ Гололобова, доложивъ 23 мая на фракціонномъ собраніи, что Гололобовъ отказался баллотироваться и тѣмъ самымъ призналъ себя выбывшимъ изъ фракціи. Въ дѣйствительности же Гололобовъ предлагалъ осенью устроить общую баллотировку, независимо отъ подачи записокъ. Конечно, этотъ путь далъ бы иные результаты, чѣмъ своеобразный „остракизмъ", придуманный „гучковцами" и осуществленный на фракціонномъ засѣданіи 23 мая. Онъ привелъ къ удаленію изъ фракціи г.г. Гололобова, Шейдемана и Половцева, которые признаны были непожелавшими подвергнуться баллотировкѣ. Любопытно, что Половцевъ состоитъ членомъ Петербургскаго Центральнаго Комитета Союза 17 октября!

Такимъ образомъ, всевозможными ухищреніями „гучковцы" добились осуществленія своей давнишней мечты: изъ думской фракціи „октябристовъ" удалились наиболѣе видные представители праваго теченія, вызывавшіе ожесточенную травлю лѣвыхъ своимъ неуклоннымъ противодѣйствіемъ проискамъ кадетовъ второго сорта. Однако „побѣда" эта не устраняла коренной розни, лежащей въ самомъ основаніи „парламентской фракціи Союза 17 октября и примыкающихъ": она по прежнему осталась расчлененной на „лѣвыхъ", „правыхъ" и „центръ" лишь случайно объединив-

шихся подъ общимъ наименованіемъ. „Лѣвые октябристы“ думали сначала совершенно отдѣлаться отъ „правыхъ“, исключивъ изъ фракціи нѣсколько десятковъ „черносотенцевъ“, но, пристальнѣе вглядѣвшись въ составъ партіи, пришли къ безотрадному заключенію, что, пожалуй, придется исключать большинство ея членовъ. Но, въ такомъ случаѣ, исчезала надежда на образованіе „могущественнаго конституціоннаго центра“ и перевѣсъ переходилъ къ правымъ, тогда какъ лѣвые октябристы поглощались родственной имъ по духу и стремленіямъ кадетской ордой. „Лидеры“ сознали грозящую имъ опасность и рѣшили умилостивить „генія Союза 17 октября“ не пышной гекатомбой, а возложеніемъ на жертвенный алтарь всего лишь нѣсколькихъ строптивыхъ членовъ. Но и тутъ дѣйствительность обманула ихъ ожиданія: обреченные не легли на жертвенникъ и предпочли отойти отъ гучковскаго стада. Останется-ли оно безропотно-покорнымъ и смиренно послушнымъ покажетъ недалекое будущее, но едва-ли всѣ провинціальные октябристы на съѣздѣ окажутся слѣпыми и глухими орудіями А. И. Гучкова.

„Гололобовскій инцидентъ“ закончился краснорѣчивымъ проявленіемъ нетерпимой узости и партійнаго озлобленія, но онъ показалъ всей Россіи, что Государственная Дума значительную долю своего времени и своихъ силъ тратитъ на внутреннія распри, на безконечную грызню, на состязаніе самолюбій, на раздоры и мѣстничество въ средѣ „руководящей партіи могущественнаго центра“. Онъ не можетъ проявить необходимой работоспособности, ибо нельзя вмѣстѣ работать, когда нѣтъ единомыслія, единодушія и довѣрія. Плохую обстановку для общаго дѣла создаютъ взаимныя препирательства и постоянная забота однихъ, чтобъ помѣшать фракціи скатиться вправо, другихъ, чтобъ воспрепятствовать разнымъ обходамъ и не поддаться ухищреніямъ, при помощи которыхъ „октябристовъ“ тянутъ влѣво. Быть яблокомъ раздора неудобно для г.г. законодателей, притязающихъ на руководство не только Государственной Думой, но и всею Россіей. Столь непомѣрнымъ притязаніямъ несоотвѣтствуетъ прежде всего полное отсутствіе подготовленныхъ къ широкой государственной дѣятельности руководителей, людей широкаго политическаго кругозора, большой опытности, разностороннихъ познаній и умѣнья приносить

свое „я“ въ жертву общему дѣлу. Это безспорно установилъ пресловутый „гололобовскій инцидентъ“, отразившій въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, точный духовный обликъ А. И. Гучкова, безъ прикрасъ, щедро расточаемыхъ его сторонниками, безъ притираній, которыми его клевреты стараются замазать его рѣзкіе недостатки. Онъ вознесенъ на неподобающую высоту хорошо подстроенной рекламой, но его „политика“ носитъ сама въ себѣ сѣмена разложенія и неудачи. Государственный человѣкъ не можетъ имѣть идеаломъ маятникъ, качающійся съ права на лѣво. Эти постоянныя колебанія свидѣтельствуютъ объ отсутствіи опредѣленной собственной программы, основанной на глубоко продуманныхъ и неколебимо установленныхъ убѣжденіяхъ. Нельзя руководить преобразовательной работой, прыгая отъ правыхъ къ лѣвымъ и обратно. Государственная Дума лишь тогда можетъ принести пользу Россіи, когда пріобрѣтетъ дѣловую окраску и перестанетъ политиканствовать. Ея полномочія достаточно широки для живой и плодотворной дѣятельности, но „политиканамъ“ прежде всего нужна личная выгода, достиженіе власти и вліянія, а тутъ желанія и стремленія не терпятъ стѣсняющихъ предѣловъ, тогда какъ работать можно только въ опредѣленныхъ границахъ, надъ ясно намѣченной задачей, не бросаясь изъ стороны въ сторону, отъ одного дѣла къ другому.

Подражая „лѣвымъ“, гучковцы возстаютъ противъ суживанія правъ Думы, стоятъ за расширеніе ея полномочій и, въ погонѣ за властью, не выполняютъ своихъ прямыхъ обязанностей—работать надъ устраненіемъ многочисленныхъ недочетовъ русской жизни совмѣстно съ поставленными Государемъ властями. Это неотложное дѣло кажется „гучковцамъ“ слишкомъ маленькимъ и незначительнымъ, суля неустанные труды и не давая въ руки властнаго вліянія. Трудно ожидать, чтобы А. И. Гучковъ отрѣшился отъ этой погони за властью, отъ этого желанія удовлетворить честолюбивымъ запросамъ своей души и отдалъ бы всѣ свои силы незамѣтной работѣ надъ обновленіемъ Россіи. Вдобавокъ у него едва-ли хватитъ времени на отвѣтственное руководство занятіями Государственной Думы, если онъ дѣйствительно занимаетъ рядъ отвѣтственныхъ должностей по найму: увѣряютъ, что онъ соединяетъ званіе директора международ-

наго учетнаго банка съ должностью директора страхового общества „Россія". Предстоящій съѣздъ „октябристовъ" несомнѣнно провѣритъ эти утвержденія, высказываемыя и въ лѣвой и въ правой печати, ибо уважающая себя политическая партія должна разъ навсегда рѣшить принципіальный вопросъ, совмѣстимо-ли несеніе обязанностей народнаго представителя съ занятіемъ платныхъ должностей въ банкахъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ, кои заинтересованы въ одностороннемъ рѣшеніи многихъ вопросовъ. Если наши законы находятъ неудобнымъ для членовъ Думы занятіе платныхъ должностей на государственной службѣ, то ради сохраненія собственной свободы, ради партійной безупречности „лидеръ" не можетъ быть наемникомъ частныхъ обществъ. Подобнаго рода „служба" связываетъ личную самостоятельность и вліяетъ на характеръ думскихъ выступленій: недаромъ А. И. Гучковъ смѣлѣе говоритъ противъ Великихъ Князей, чѣмъ противъ еврейскихъ банкировъ, больше заботится о введеніи въ Россіи выгодной капиталистамъ „конституціи", чѣмъ объ удовлетвореніи назрѣвшихъ общественныхъ потребностей. Эти „особенности" лидера „парламентской фракціи Союза 17 октября и примыкающихъ" необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки современнаго положенія.

Передъ Государственной Думой, какъ передъ сказочнымъ богатыремъ, лежатъ три дороги: если она повернетъ на лѣво и въ ней образуется „конституціонный центръ",— начнется борьба за власть съ правительствомъ, усиливающая наши общественные недуги, и Дума кончитъ свое существованіе преждевременнымъ безславнымъ роспускомъ.

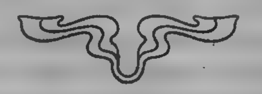
Если Дума изберетъ путь, который облюбованъ ея центромъ и вьется между правыми и лѣвыми, то, быть можетъ, она доживетъ, или скорѣе докатится до срока своихъ полномочій, „не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда". Будетъ упущено безъ малѣйшей пользы для Россіи дорогое, невозвратимое время, столь необходимое для своевременнаго обновленія родины. Сгинутъ собранныя съ разныхъ концовъ Россіи силы въ дрязгахъ, препирательствахъ, мелкихъ интригахъ и всевозможныхъ „инцидентахъ", о характерѣ коихъ даетъ прекрасное понятіе „гололобовскій инцидентъ".

Только третій путь—ведущій къ образованію дѣлового правого большинства приведетъ Думу къ выполненію ея прямого назначенія, завоюетъ ей общественное уваженіе, упрочитъ ея положеніе, сдѣлаетъ ее необходимымъ, въ глазахъ всѣхъ, учрежденіемъ, ибо только правые, безъ различія подраздѣленій, только противники „конституціонныхъ гарантій" и сторонники единенія народныхъ представителей съ Самодержавнымъ Царемъ, не ищутъ власти въ ущербъ царскимъ полномочіямъ, не домогаются возвеличенія „парламента", а хотятъ работать и посильно работаютъ надъ возвеличеніемъ родины.

„Правое большинство" избавитъ Думу отъ топтанія на мѣстѣ, отъ переходовъ то къ полѣвѣнію, то къ поправѣнію. Между правыми, націоналистами, умѣренно-правыми и правыми октябристами гораздо меньше существенныхъ отличій, чѣмъ между октябристскимъ центромъ и лѣвыми октябристами. Объединеніе всѣхъ правыхъ, независимо отъ ихъ оттѣнковъ, совершенно возможно на почвѣ признанія господства Православной Церкви, первенствующаго положенія русскаго народа въ созданномъ имъ русскомъ государствѣ, и неприкосновенности полномочій исторической Самодержавной Власти. Она выросла изъ нѣдръ нашей народной жизни, благодаря сочувствію и поддержкѣ народа, а не въ борьбѣ съ нимъ. Она всегда готова была отдать всѣ свои силы на служеніе народному благу, хотя правильное пониманіе этого блага было затруднено петербургскимъ бюрократическимъ средостѣніемъ. Теперь оно безвозвратно рухнуло, но появилась грозная опасность, что созданное Самодержцемъ „народное представительство" соблазнится примѣромъ Запада и вмѣсто служенія родному народу станетъ добиваться власти надъ нимъ, начнетъ соперничать съ Виновникомъ своего существованія, подъ личиной свободы стремясь къ водворенію собственнаго произвола и усмотрѣнія. Для широкихъ народныхъ слоевъ *такая* Дума не только не нужна, но даже вредна. Имъ необходима доброжелательная, сильная, хорошо освѣдомленная и ни отъ кого независящая Власть, ибо громадное большинство русскаго народа и не стремится къ властвованію, видя въ власти лишь необходимое служеніе обществу. Это служеніе требуетъ подготовки и досуга, которыхъ не имѣютъ рядовые обыватели, озабоченные добываніемъ

куска насущнаго хлѣба. Они понимаютъ, что всѣ не могутъ властвовать, какъ не могутъ всѣ заниматься только торговлею или ремеслами. Нужно раздѣленіе многотрудныхъ и многоразличныхъ способовъ служенія общему благу и вотъ, въ глазахъ русскаго народа, обязанность нести бремя власти лежитъ на Самодержавномъ Царѣ, отвѣтственномъ только передъ Богомъ и нуждающемся въ дѣльныхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ помощникахъ. Такими помощниками должны явиться члены Государственной Думы, служа для Царя зоркимъ глазомъ, усматривающимъ всякую народную нужду, чуткимъ ухомъ, улавливающимъ всякій вздохъ труждающихся и обремененныхъ,—являясь для малыхъ сихъ правдивымъ и свободнымъ языкомъ, который разсказалъ бы Государю всю правду о дѣйствіяхъ поставленныхъ Имъ властей, указалъ бы способы необременительнаго обложенія и правильнаго расходованія народныхъ денегъ. Такого рода Дума выполнила бы давнишнее, пламенное желаніе русскихъ людей, „кабы русскій Царь да всю правду вѣдалъ".

Повѣдать Ему эту правду можетъ только та Дума, въ которой „лѣвые" и „гучковцы" останутся въ меньшинствѣ, а господствующее и направляющее положеніе займутъ люди, способные прямить Царю и дѣлать великое государево и земское дѣло. Такіе люди найдутся, ибо не оскудѣла еще дѣлателями добрыми русская земля, жаждущая лучей солнца Правды, и не политиканствующей интеллигенціи, пресмыкающейся предъ своими идолами, вытравить народное преклоненіе передъ вѣчными идеалами. Но и не мелкимъ и мелочнымъ устроителямъ разнаго рода „парламентскихъ инцидентовъ"—совершить великій подвигъ обновленія родной земли: его могутъ свершить лишь тѣ, кто, подобно русскому народу, готовъ идти туда, куда зовутъ Вѣра, Родина и Самодержецъ Царь.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

			напечатано:	надо:
8 стр.	7 стр.	сверху	возставала	возставали
10 „	10 „	снизу	разлетѣлись	разлетѣлись бы
13 „	5 „	сверху	комиссію по	комиссію
17 „	10 „	снизу	рапустить	распустить
18 „	3 „	сверху	-дическоое бразованіе	-дическое образованіе
22 „	7 „	„	Таврическомъ	Таврическомъ же
32 „	11 „	снизу	отрицалъ	отрѣзалъ
64 „	10 „	„	образомь	образомъ